

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ИНЖЕНЕРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ

№ 2

2023 г.

Учредитель: Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

**УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
КРЫМСКОГО ИНЖЕНЕРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия: ФИЛОЛОГИЯ. ИСТОРИЯ
2023 г. № 2**

*Научный журнал
Выходит 2 раза в год*

*Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций по Республике Крым и городу Севастополь 08.06.2015 г.
Серия ПИ № ТУ91-00185*

Журнал входит в наукометрическую базу РИНЦ (договор № 829-12/2015)

Главный редактор: Долгополова Л. А., д-р филол. наук, профессор
Зам. главного редактора: Грозьян Н. Ф., д-р филол. наук, доцент
Ответственный секретарь: Фазылова А. Р.

Редакционная коллегия:

*Абибуллаева Д. И., канд. истор. наук, доцент
Александрова И. В., д-р филол. наук, доцент
Габдрафикова Л. Р., д-р истор. наук (Республика Татарстан)
Джапарова Э. К., канд. филол. наук, доцент
Керимов И. А., д-р филол. наук, профессор
Кондратюк Г. Н., д-р истор. наук, доцент
Поляков В. Е., д-р истор. наук, доцент
Салихов Р. Р., д-р истор. наук (Республика Татарстан)
Сейдалиев Э. И., канд. истор. наук
Эмирова А. М., д-р филол. наук, профессор*

*Печатается по решению Ученого совета
Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования
Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова».
Протокол № 7 от 28 ноября 2023 г.*

Мнение авторов статей, представленных в журнале, может не совпадать с мнением редакции.
Все статьи проходят обязательное рецензирование и проверку по программе «Advego Plagiatus».
Издание осуществляется за счёт средств авторов и распространяется бесплатно.

Дата выхода в свет: 20.12.2023 г. Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Отпечатано на ризографе.
Уч.-изд. л. 8,11. Объём 11,5 печ. л. Усл. печ. л. 10,7. Тираж 100 экз. Заказ № 29.

Адрес редакции, издателя и типографии:
295015, Республика Крым, г. Симферополь, пер. Учебный, 8
Тел./факс 241-506
e-mail: aidan_f@rambler.ru
© РИО КИПУ имени Февзи Якубова, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА!	4
Раздел 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ	
Бахича Э. А. Лингвокультурные концепты в произведениях А. Аверченко	5
Грозян Н. Ф. Соматичні фразеологізми у складі фразеологічної мікросистеми «Поведінка людини»	8
Долгополова Л.А., Дымченко А. С. Проблема эквивалентности при переводе детской литературы	14
Долгополова Л.А., Зенединова А. Н. Особенности функционирования безэквивалентной лексики в англоязычных медиатекстах	19
Исмаилова Э. А., Усеинова Э. Э. Способы выражения эмотивности в произведении Э. Тан «Клуб радости и удачи»	24
Маслова В. А. Проблемы коммуникативной фразеологии в трудах А. М. Эмировой	28
Прудникова Т. І. Структурно-граматичні моделі фразеологічних одиниць української мови з компонентами-назвами продуктів харчування	32
Розикова Н. Н. Специфика русских фразеологических единиц с числовым компонентом	36
Салими Абдолмалеки К. Особенности строения лексико-семантического поля «Здоровье» в русском языке	40
Шукурова З. С., Сатторова Г. Ю. Когнитивные механизмы перевода (на примере переводов газели № 418 из сборника Алишера Навои «Редкости юности» С. Иванова и Н. Ушакова)	44
Раздел 2. ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ	
Аблаева А. Т. Автобиографизм в творчестве Адиле Эмировой	49
Агаева Ф. А. кызы. Суфизм в творчестве Махдумкули	52
Джапарова Э. К., Мухтарова Л. И. Семантико-стилистические функции эпитета в лирической поэзии У. Уйтмена	58
Исмаил Асаногьлу Керим (Керимов И. А.) Абдуррахман-Рахми Къадризаденинь белли олмагъан бир ильмий язысы	62
Исмаил Асаногьлу Керим (Керимов И. А.) Татарстан Республикасынынъ миллий кутюпханесинде кырымтатар мевзуаты	65
Сафарова З. А.-Г. Художественные особенности романа «Наемный убийца»	73
Раздел 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ	
Бекиров Н. В., Аблязов Э. К. Значимость аутентичного перевода исторических документов с крымскотатарского языка на русский (на примере «Крымскотатарских основных законов»)	77
ИЗ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ	
Эмирова А. М. Современное состояние крымскотатарского литературного языка и перспективы его развития	81
НАШ ЮБИЛЯР	85
НАШИ АВТОРЫ	91

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА!

**10 ноября 2023 года исполнилось 90 лет со дня рождения
доктора филологических наук, профессора**

АДИЛЕ МЕМЕДОВНЫ ЭМИРОВОЙ

Одним из знаменательных событий 2023 года в Крымском инженерно-педагогическом университете имени Февзи Якубова стало празднование 90-летнего юбилея доктора филологических наук, профессора, Почетного работника науки и высоких технологий Российской Федерации, заслуженного деятеля науки и техники Украины, заслуженного работника образования и науки Автономной Республики Крым, действительного члена (академика) Крымской академии наук, члена Европейской ассоциации фразеологов ЕВРОФРАЗ Эмировой Адиле Мемедовны.

Адиле Мемедовну отличает любовь к науке, самоотдача в преподавании учебных дисциплин. Ее научные труды и публикации внесли большой вклад в развитие русской и крымскотатарской филологии. Адиле оджа – неотъемлемая часть, незаменимый сотрудник кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания, факультета истории, искусств, крымскотатарского языка и литературы и в целом Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова.

***От всей души поздравляем Адиле Мемедовну с юбилеем!
Желаем крепкого здоровья, новых научных свершений,
творческого долголетия!***

РАЗДЕЛ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'42.133.1

Бахича Э. А.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А. АВЕРЧЕНКО

Аннотация. В статье рассматривается вопрос культурно-языковой специфики произведений А. Аверченко. Выделены лингвокультурные концепты ЖИЗНЬ, ЧЕЛОВЕК, РЕВОЛЮЦИЯ, СВЕТ, ТЬМА, являющиеся базовыми в идиостиле писателя. Индивидуальная концептосфера представлена в виде двухъярусного образования: на первом уровне выделяются концепты как когнитивно-перцептивно-аффективные образования авторского сознания, прецедентные феномены, метафорические модели; на втором уровне они объединяются в лингвокультурные структуры.

Ключевые слова: наследие А. Аверченко, идиостиль, концептосфера, лингвокультурный концепт.

Bahicha E. A.

LINGUOCULTURAL CONCEPTS IN THE A. AVERCHENKO'S WORKS

Annotation. The article examines the issue of cultural and linguistic specificity of A. Averchenko's works. The linguocultural concepts of LIFE, MAN, REVOLUTION, LIGHT, DARKNESS, which are basic in the writer's idiostyle, are highlighted. The individual concept sphere is presented in the form of a two-tier formation: at the first level, concepts are distinguished as cognitive-perceptual-affective formations of the author's consciousness, precedent phenomena and metaphorical models; at the second level they are combined into linguistic and cultural structures.

Key words: heritage of A. Averchenko, idiostyle, concept sphere, linguocultural concept.

Постановка проблемы. Аркадий Аверченко был одним из самых популярных и влиятельных писателей первой трети XX в. Он по праву входит в когорту признанных классиков российской юмористики. Яркий и самобытный русский писатель-юморист еще при жизни завоевал титул «короля смеха». На сегодняшний день ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что творчество А. Аверченко занимает особое место в контексте отечественной литературы начала XX века, поскольку новеллистика писателя явила собой новый этап в развитии русской юмористики.

А. Аверченко обогатил литературу яркими образами и мотивами, отображающими жизнь России в эпоху трех революций. Художественный мир писателя вбирает в себя многообразие сатирических типов, поражает обилием специфических приемов создания комичного. На его творчестве формировались признанные писательские таланты М. Булгакова, М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова.

Сатирик стоял у истоков российской кинокомедии и эстрадного театра. Современники считали его одним из лучших юмористов своей эпохи, называли русским Марком Твенем, сравнивали с мастером короткого рассказа О'Генри, ставили его имя в один ряд с Дж. К. Джеромом и Ярославом Гашеком. Произведения писателя переведены на многие европейские языки. Вместе с тем его называют одной из самых загадочных фигур в русской литературе XX столетия.

Анализ литературы. Изучение литературного наследия А. Аверченко началось лишь в начале 90-х годов XX века. Существуют серьезные результаты исследований тематики, проблематики, жанровых особенностей его прозы. Однако собственно лингвистических исследований по творчеству А. Аверченко немного.

К настоящему моменту достойный вклад в изучение его творчества внесли исследовательские работы Д. А. Левицкого (США) [3], Л. А. Спиридоновой [7], Д. Д. Николаева [5], Е. К. Гуровой [2], Е. Н. Брызгаловой [1], О. А. Кузьминой [4] и др.

Особую ценность представляет книга Д. А. Левицкого «Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко» [3], которая в данное время является одной из лучших немногочисленных монографий о сатирике. Изданная в Вашингтоне с названием «Жизненный путь Аркадия Аверченко», монография была дополнена новыми данными и вышла в свет уже в России. Автор первым из литературоведов познакомился с архивом А. Т. Аверченко и собрал редчайшие свидетельства друзей и коллег писателя. Именно он установил и разрешил некоторые явные противоречия биографического характера. В монографии в значительной степени представлена зарубежная критика о литературной деятельности известного сатирика и юмориста. Языковые особенности произведений А. Аверченко, к сожалению, Д. А. Левицким не затронуты.

Исследователи творчества сатирика Е. Н. Брызгалова, О. А. Кузьмина, Д. Д. Николаев раскрывают проблемы особенностей стиля его рассказов, но в рамках литературоведческих учений. Изучению стиля писателя в лингвистическом аспекте посвящена диссертация Е. К. Гуровой «Особенности сатирического дискурса (на материале рассказов и фельетонов А. Т. Аверченко)» (2001). В частности, Е. К. Гурова обращает внимание на роль метафор и сравнений в юмористических произведениях А. Аверченко, анализирует характерные для творческой манеры писателя синтаксические конструкции и типы повествования [2].

Художественную картину мира произведений А. Аверченко исследует Л. А. Петрова [7]. Описание ее как концептуально-лексической системы представляет собой выделение таких культуросоносных языковых единиц, как лингвокультурные концепты, метафорические модели, прецедентные единицы. «Реальные процессы духовной жизни современного человека констатируют, что люди формируют эстетические, жизненные идеалы именно через художественную картину мира» [7, с. 248], – отмечает исследователь.

Цель данной статьи – выделить лингвокультурные концепты в идиостиле А. Аверченко.

Изложение основного материала. В эмиграции русский «король смеха» находился весьма непродолжительное время – с 1920 по 1925 годы. Однако это был один из самых плодотворных периодов его творческой деятельности. Зарубежная проза А. Аверченко отразила настроения русских эмигрантов, их жизнь и быт вдали от родины, обостренный процесс национальной самоидентификации, а также взгляды писателя на коренные свойства русского характера. В эмигрантских рассказах А. Аверченко герой, который практически сливается с личностью самого писателя, постоянно самоопределяет себя как русского человека через сопоставление с инокультурными обычаями, остро осознает и констатирует свое отличие от европейских народов, помогает выразить сущность русской души.

Следует отметить, что А. Аверченко, как и многие другие писатели-эмигранты, обращался в главном своем идейном истоке к духовным, историческим, языковым, культурным основам русского народа. В прозе отражена тесная связь языка с национальными историко-литературными, философско-художественными, культурно-историческими процессами первой трети XX в. В этом смысле творчество А. Аверченко – весьма благодатный материал для исследования проблемы русского характера, русской культуры, русского менталитета.

Отсутствие комплексного подхода к исследованию языка произведений А. Аверченко предопределяет необходимость всестороннего анализа его природы с использованием новых методик, ориентированных на проникновение в глубинные механизмы художественного творчества, в идиостиль писателя.

Основой идиостиля А. Аверченко является его индивидуальная концептосфера. Она может быть представлена в виде двухъярусного образования: на первом уровне выделяются концепты как когнитивно-перцептивно-аффективные образования авторского сознания, прецедентные феномены, метафорические модели; на втором уровне они объединяются в лингвокультурные структуры.

Наше понимание идиостиля как единства вербального и ментального предполагает его соотнесение с феноменами идеального плана: образом и картиной мира, индивидуальной системой автора, которые рассматриваются с позиции лингвокультурологического подхода. Исходя из этого, будем считать, что ментальная основа идиостиля А. Аверченко наиболее адекватно описывается в компонентах с символическим прочтением: лингвокультурном концепте,

метафорической модели, прецедентном феномене, которые содержат определенную культурную информацию. Достоинством этих компонентов, кроме редуцирования связи между «я» и «миром», является внутренняя форма, поддерживающая мотивационные отношения с базовыми единицами поэтического сознания и раскрывающая культурноносные смыслы художественного текста.

Компоненты с символическим прочтением также во многом обуславливают содержание культурной коннотации. Интерпретируя концепты, метафоры, прецедентные феномены на основе соотнесения их ассоциативно-образных восприятий со стереотипами, отражающими народный менталитет, мы тем самым раскрываем их культурно-национальный смысл и характер, которые и являются содержанием национально-культурной коннотации.

В творчестве А. Аверченко, по нашему мнению, на первый план выступают лингвокультурные концепты ЖИЗНЬ, ЧЕЛОВЕК, РЕВОЛЮЦИЯ. Жизнь человека до и после революции, в старой и новой России сатирик представляет в антонимической парадигме СВЕТ – ТЬМА.

Анализ показал, что представление о революции у писателя двоякое: с одной стороны, это явление, нужное для России, это «избавление», с другой – «разрушающая сила». Положительные коннотации лингвокультурного концепта РЕВОЛЮЦИЯ реализуются в художественной парадигме *прекрасная молния, красивое лицо, яркая ракета, ярче жизнь, переворот и избавление* и раскрывают «нужность» революции. Данная парадигма объединена семей *свет* – «то, что делает ясным, понятным мир, то, что делает радостной, счастливой жизнь; символ истины, разума, просвещения или радости, счастья». Положительная, «коннотативная аранжировка», по Г. Токареву [8], лингвокультурного концепта РЕВОЛЮЦИЯ соотнесена здесь с такими русскими культурными ценностями как терпимость, вера в светлое будущее, терпение, богобоязненность, патриотизм.

Наблюдения за текстуальными реализациями ядерных и периферийных признаков лингвокультурологического концепта РЕВОЛЮЦИЯ показали, что определяющими для его экспликации являются модальные признаки, которые указывают на активность революции, показывают, каким будет результат, что должна сделать революция. Эти признаки являются базовыми для формирования культурологических характеристик концепта РЕВОЛЮЦИЯ.

Анализ лингвокультурного концепта ЖИЗНЬ в его динамике и разнообразии проявления показал, что А. Аверченко трепетно относился к русской культуре дореволюционного периода, восхищался гостеприимством русского хлебосола, гордился его запасливостью, трудолюбием, жизнерадостностью. Все эти культурные установки были разрушены революцией. Лингвокультурный концепт ЖИЗНЬ в рассказах А. Аверченко представлен как концепт, который несет в себе оценку культурной информации прежде всего по шкале «хороший – плохой». Данное явление актуализируется через структурированную совокупность положительных и отрицательных коннотаций, составляющих периферийную зону рассматриваемого концепта. Культурная специфика плана содержания анализируемого лингвокультурного концепта проявляется в таких эталонах, ценностях русского человека, как свобода, вера в светлое будущее, борьба за свободу, вплотную связана с описанием языкового менталитета – специфического способа репрезентации в национальной картине мира знаний об окружающей действительности, системе ценностей и моделей поведения носителей языка.

Проведенный анализ лингвокультурного концепта ЧЕЛОВЕК показывает, что, поскольку восприятие и осознание человеком мира и себя (как объекта) оказывается производным от культурного бытия, то в исследованных концептуальных образах отражается специфика этого бытия. Поэтому языковые образы человека, рассматриваемые в контексте культуры, относятся к вербальным репрезентациям того типового представления о человеке, которое создано культурно-историческим опытом народа.

В основе формирования лингвокультурного концепта ЧЕЛОВЕК лежит глобальный для мировоззрения А. Аверченко контраст, противопоставление старого и нового. Поэтому главным принципом формирования рассматриваемого концепта являются противопоставление и сопоставление. В связи с этим основным языковым приемом объективации лингвокультурного концепта ЧЕЛОВЕК выделена антонимия. Человек старой России объективируется при

помощи адъективных парадигм, включающих положительные коннотации. Человек нового времени реализуется при помощи отрицательных коннотаций.

С учетом денотативного пласта лексемы *человек*, который создал основу для определения культурных коннотаций, были выделены культурно значимые параметры, которые характеризуют человека. Таким образом, человек в коллективном сознании занимал «вершинное место», его превосходство связывалось со способностью иметь свободную волю, создавать и использовать орудия труда, со способностью мыслить. Однако большое значение имеет человек (индивид) и как участник быстро меняющихся исторических событий.

Идея света является ключевой для художественного мира А. Аверченко: она позволяет понять особенности восприятия и осознания русским человеком внешнего и внутреннего мира через фундаментальные этические и эстетические категории, такие как «благо», «Бог», «святость», «христианство», «просвещение», «духовность», «чистота», «добро – зло», «красота – безобразие», «хорошо – плохо», «вера – безверие», «истина – ложь». Сама по себе ключевая идея света выступает как инвариант по отношению к двум лингвокультурным концептам – СВЕТУ и ТЬМЕ, которые в виде градуирующихся образов-символов (*свет яркий, умеренный, убывающий, гаснущий, слабый, практически отсутствующий* и др.) закреплены в различных номинативных воплощениях.

Таким образом, основой идиостиля А. Аверченко является его индивидуальная концептосфера. Выделенные нами лингвокультурные концепты ЖИЗНЬ, ЧЕЛОВЕК, РЕВОЛЮЦИЯ, СВЕТ, ТЬМА отражают идиостиль писателя. Данные базовые единицы показывают связь между «я» и «миром». Интерпретация индивидуального знания проецируется на коллективный опыт. Христианские идеалы для русского человека – это высокий нравственный и этический идеал, стремление к которому, как стремление к свету, должно стать смыслом жизни. Только достигнув этого идеала или приблизившись к нему, возможно постигнуть истину божественного света, которым проникнут и мир природы, и мир самого русского человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Брызгалова Е. Н. Творчество сатириков в литературной парадигме Серебряного века: монография / Е. Н. Брызгалова. – Тверь, 2006. – 320 с.
2. Гурова Е. К. Особенности сатирического дискурса: на материале рассказов и фельетонов А. Т. Аверченко : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / Гурова Евгения Константиновна. – М., 2000. – 154 с.
3. Кузьмина О. А. Рассказы А. Т. Аверченко: Жанр. Стиль. Поэтика : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Кузьмина Ольга Анатольевна. – Тверь, 2003. – 151 с.
4. Левицкий Д. А. Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко / Д. А. Левицкий. – М. : Русский путь, 1999. – 552 с.
5. Николаев Д. Д. Русская проза 1920–1930-х годов. Авантюрная, фантастическая и историческая проза / Д. Д. Николаев. – М. : Наука, 2006. – 688 с.
6. Петрова Л. А. Лингвокогнитивные основы художественной картины мира : монография / Л. А. Петрова. – Симферополь : ОАО «СГТ», 2006. – 284 с.
7. Спиридонова Л. А. Бессмертие смеха: Комическое в литературе русского зарубежья / Л. А. Спиридонова. – М. : Наследие, 1999. – 336 с.
8. Токарев Г. В. Лингвокультурология / Г. В. Токарев. – Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2009. – 135 с.

УДК 811.161

Грозьян Н. Ф.

СОМАТИЧНІ ФРАЗЕОЛОГІЗМИ У СКЛАДІ ФРАЗЕОЛОГІЧНОЇ МІКРОСИСТЕМИ «ПОВЕДІНКА ЛЮДИНИ»

Анотація. У статті проаналізовано семантичні особливості українських соматичних фразеологізмів у складі фразеологічної мікросистеми «Поведінка людини». На основі дослідженого матеріалу встановлено, що соматичні фразеологізми зафіксовані в чотирьох тематичних полях фразеологічних одиниць: «Агресивна поведінка людини», «Девіантна поведінка

людини», «Просоціальна поведінка людини» і «Сексуальна поведінка людини». Найчисельнішими виявилися тематичні групи фразеологічних одиниць: «Фізична агресивна поведінка людини», «Вербальна агресивна поведінка людини», «Кримінально не карана (непротиправна) аморальна поведінка людини».

Ключові слова: фразеологічна одиниця, соматичні фразеологізми, тематичне поле, тематична група, мікросистема, поведінка людини.

Грозян Н. Ф.

СОМАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ МИКРОСИСТЕМЫ «ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА»

Аннотация. В статье проанализированы семантические особенности украинских соматических фразеологизмов в составе фразеологической микросистемы «Поведение человека». На основе исследованного материала установлено, что соматические фразеологизмы зафиксированы в четырех тематических полях фразеологических единиц: «Агрессивное поведение человека», «Девиянтное поведение человека», «Просоциальное поведение человека» и «Сексуальное поведение человека». Наиболее многочисленными оказались тематические группы фразеологических единиц «Физическое агрессивное поведение человека», «Вербальное агрессивное поведение человека», «Уголовно не наказуемое (непротивоправное) аморальное поведение человека».

Ключевые слова: фразеологическая единица, соматические фразеологизмы, тематическое поле, тематическая группа, микросистема, поведение человека.

Grozyan N. F.

SOMATIC PHRASEOLOGISMS IN THE SYSTEM OF PHRASEOLOGICAL MICROSYSTEM «BEHAVIOUR OF A PERSON»

Annotation. The article analyzes the semantic features of Ukrainian somatic phraseological units as part of the phraseological microsystem «Human Behavior». Based on the studied material, it was established that somatic phraseological units are recorded in four thematic fields of phraseological units: «Aggressive human behavior», «Deviant human behavior», «Prosocial human behavior» and «Human sexual behavior». The most numerous were thematic groups of phraseological units «Physical aggressive behavior of a person», «Verbal aggressive behavior of a person», «Criminally not punishable (unlawful) immoral behavior of a person».

Key words: phraseological unit, somatical phraseologisms, thematic field, thematic group, microsystem, behaviour of a person.

Постановка проблеми. Загальною тенденцією сучасного лінгвістичного пізнання є рух від сфери системи до центру всіх систем – до людини [7]. У мовознавчих студіях з позицій антропоцентризму й когнітивізму при дослідженні семантики мовних одиниць і категоризації світу важливим чинником виступає людський фактор, що активно репрезентується за допомогою знаків вторинної номінації – фразеологічних одиниць (ФО).

Із цього приводу професор А. М. Емірова наголошує: «Фразеологія покриває переважно ті ділянки дійсності, які безпосередньо пов'язані з людиною, з її баченням, оцінкою реалій, з психічними особливостями особистості – пізнавальними процесами, емоційно-вольовою стороною психіки, індивідуально-типологічними особливостями особистості тощо» [13, с. 29–30].

Аналіз публікацій. Традиційно у фразеології одиницям, до компонентного складу яких входять соматизми – слова, що означають частину тіла людини, приділялася й приділяється велика увага (див. праці Г. Берестньова [1], М. Букулової [2], І. Голубовської [3], Д. Гудкова й М. Ковшової [5], А. Емірової [13], О. Селіванової [6; 7], М. Скаб [8], І. Тимченко [10], О. Урисон [11], О. Шмельова [12] та ін.). Однак соматичні фразеологізми в системі фразеологічної мікросистеми «Поведінка людини» спеціально не досліджувалися. Під *соматичним* (від грец.

soma – тіло) розуміємо термін, що використовують для «позначення різноманітних явищ в організмі, пов'язаних з тілом, а не психікою» [9, с. 638].

Мета статті – охарактеризувати семантичні особливості соматичних фразеологізмів у складі фразеологічної мікросистеми «Поведінка людини».

Виклад основного матеріалу. Ідеографічне поле «Людина» є центральним у системі ідеографічного дослідження фразеологічного складу мови. Тут об'єднуються фразеологічні одиниці (ФО), що характеризують психічні процеси, індивідуально-психологічні властивості, психічні стани, поведінку, діяльність людини й людину взагалі. Для дослідження фразеологічних мікросистем доцільно використовувати таку ієрархічну структуру ідеографічної класифікації ФО: синонімічний ряд → семантична група → семантичне поле → тематична група → тематичне поле → ідеографічна група → ідеографічне поле → архіполе [4]. Ідеографічна класифікація ФО на позначення поведінки людини відповідає класифікації поведінки, прийнятій у психології [4].

Фразеологічна ідеографічна група (мікросистема) «Поведінка людини» передається широким діапазоном фразеологічних засобів української мови. Зафіксовано такі тематичні поля ФО: «Агресивна поведінка людини», «Девіантна поведінка людини», «Просоціальна поведінка людини» і «Сексуальна поведінка людини».

Тематичне поле ФО «Агресивна поведінка людини» складається з трьох тематичних груп ФО: «Фізична агресивна поведінка людини», «Вербальна агресивна поведінка людини», «Суїцидальна поведінка людини».

У складі тематичної групи ФО «Фізична агресивна поведінка людини» виділяються семантичні поля ФО: «Активна фізична агресивна поведінка людини» й «Пасивна фізична агресивна поведінка людини». Кожне із цих семантичних полів ФО складаються з двох семантичних груп ФО: «Пряма активна фізична агресивна поведінка людини» й «Непряма активна фізична агресивна поведінка людини»; «Пряма пасивна фізична агресивна поведінка людини» й «Пряма пасивна фізична агресивна поведінка людини».

Приклади свідчать, що найбільше соматичних фразеологізмів виявлено у семантичній групі ФО «Пряма активна фізична агресивна поведінка людини» з такими значеннями: 1) бити кого-небудь: *гріти / погріти спину* (бити, карати кого-небудь [ФСУМ, с. 198]); *вигравати / виграти третячка на зуба* (бити кого-небудь по зубах [ФСУМ, с. 198]); *водити за чуприну* (верховодити над ким-небудь, навіть бити [ФСУМ, с. 142]); *наділяти / наділити запотиличниками (запотиличником)* (бити по потилиці [ФСУМ, с. 523]) та ін.; 2) побити кого-небудь: *натовкти (натерти) морду (пику)* (побити кого-небудь [ФСУМ, с. 537]); *облатати боки* (побити когось [ФСУМ, с. 569]); *підлатати ніс* (побити кого-небудь [ФСУМ, с. 634]); *почесати спину (ребра)* (побити когось [ФСУМ, с. 685]); *набити морду* (побити або покарати кого-небудь [ФСУМ, с. 518]); *нагріти боки* (побити кого-небудь [ФСУМ, с. 522]); *дати в три ший / тришия* побити кого-небудь (побити кого-небудь [ФСУМ, с. 221]) та ін.; 3) відшмагати, висікти різками: *списати / списувати спину (шкуру, шкіру)* (дуже бити або шмагами, залишаючи сліди ударів [ФСУМ, с. 848]); *списати шкуру вздовж і впоперек* (дуже бити або шмагами, залишаючи сліди ударів [ФСУМ, с. 848]) та ін.; 4) дуже сильно побити: *ламати / зламати (поламати, переламати) хребет* (рідше *спину*) (сильно бити кого-небудь [ФСУМ, с. 413]); *дати / давати запотиличника (потиличника)* (сильно, боляче бити кого-небудь [ФСУМ, с. 221]); *краяти ремені зі шкіри* (нещадно бити [ФСУМ, с. 395]); *поламати (переломити і т. ін.) / рідко ламати ребра (кістки і т. ін.)* (сильно побити кого-небудь [ФСУМ, с. 669]); *полатати / латати боки* (рідко *ребра* і т. ін.) (сильно побити кого-небудь [ФСУМ, с. 668]); *полічити (порахувати, полоскати і т. ін.) ребра* (дуже сильно побити кого-небудь [ФСУМ, с. 670]); *пом'яти / м'яти боки (ребра)* (сильно побити кого-небудь [ФСУМ, с. 672]); *пустити (спустити) / рідко пускати (спускати) юшку (кров) [з носа]* (дуже побити кого-небудь, завдаючи ран [ФСУМ, с. 722]); *скрутити* (рідко *вкрутити*) / *скручувати в'язи (карка, карк)* (сильно побити, покалічити кого-небудь [ФСУМ, с. 821]); *здирати (знімати, здіймати, лупити і т. ін.) / зідрати (зняти, здійняти, злупити і т. ін.) шкуру* (нещадно бити когось [ФСУМ, с. 331]); *спустити / спустати шкуру* (нещадно бити когось [ФСУМ, с. 855]);

звернути в'язи (шию, голову) (сильно побити, покалічити кого-небудь [ФСУМ, с. 325]); *обламати (обломити) / обламувати ребра / боки* (дуже побити кого-небудь [ФСУМ, с. 569]) та ін.; 5) убити: *випустити кишки* (вбити кого-небудь [ФСУМ, с. 100]); *перервати горлянку* (жорстоко розправитися з ким-небудь [ФСУМ, с. 621]) та ін.; 6) ударити: *у вухо заїхати* (ударити кого-небудь [ФСУМ, с. 305]); *перелічити (полічити) зуби* (ударити кого-небудь [ФСУМ, с. 619]); *дати по кумполу (по тикві)* (ударити по голові кого-небудь [ФСУМ, с. 223]) та ін.; 7) мучити (завдавати фізичних страждань): *дерти шкуру (шкіру)* (жорстоко знущатися з кого-небудь, катувати когось [ФСУМ, с. 233]); *вмотувати (висовувати) / вмотати (висотати) жили* (знущатися з кого-небудь, завдавати страждань комусь [ФСУМ, с. 95]); *тягти (тягнути, витягати, витягувати) / витягти (витягнути) [останні (усі)] жили* (знущатися з кого-небудь, мучити когось [ФСУМ, с. 906]) та ін.

У складі тематичної групи ФО «Вербальна агресивна поведінка людини» виділяються семантичні поля ФО: «Активна вербальна агресивна поведінка людини» й «Пасивна вербальна агресивна поведінка людини». Кожне із цих семантичних полів ФО складаються з двох семантичних груп ФО: «Пряма активна вербальна агресивна поведінка людини» й «Непряма активна вербальна агресивна поведінка людини»; «Пряма пасивна вербальна агресивна поведінка людини» й «Непряма пасивна вербальна агресивна поведінка людини».

У тематичній групі ФО «Вербальна агресивна поведінка людини» найбільше соматичних фразеологізмів зафіксовано в семантичній групі ФО «Пряма активна вербальна агресивна поведінка людини» з такими значеннями: 1) висміювати: *пекти в самі печінки* (висміюючи кого-небудь, дошкуляти комусь [ФСУМ, с. 610]); 2) мучити (завдавати моральних страждань): *точити кров з серця* (завдавати комусь душевного болю, страждань [ФСУМ, с. 892]); *вмотувати / мотати, тягти, тягнути / вмотати (витягти) [всі] кишки* (мучити, знесилювати кого-небудь чимсь [ФСУМ, с. 96]); *вмотувати (висотувати) / вмотати (висотати) жили* (знущатися з кого-небудь, завдавати страждань комусь [ФСУМ, с. 95]); *пекти серце* (завдавати кому-небудь великих моральних страждань, мучити, непокоїти [ФСУМ, с. 610]); *кряяти (різати) / розкряяти серце [на шматки]* (завдавати кому-небудь муки, душевного болю [ФСУМ, с. 395-396]) та ін. На позначення непрямої активної вербальної агресивної поведінки людини зафіксовано соматичні фразеологізми зі значенням обмовляти кого-небудь, розпускати плітки про когось: *переливати (перемолоти, перетерти і т. ін.) кісточки* (займатися пересудами, обмовляти кого-небудь [ФСУМ, с. 619]); *взяти на язички* (розпускати плітки про кого-небудь, судити, гудити когось [ФСУМ, с. 52]); *брати / взяти на (в) зуби* (обирати кого-небудь об'єктом пересудів, глузування, кепкування, пліток і т. ін. [ФСУМ, с. 56]); *перебирати / перебрати язиком* (детально обговорювати кого-, що-небудь або обмовляти когось [ФСУМ, с. 612]); *плескати язиком (язиками)* (поширювати плітки, вигадувати що-небудь таке, чого немає і не було [ФСУМ, с. 645]) та ін. На позначення прямої пасивної вербальної агресивної поведінки людини вживаються поодинокі сомофразеологізми зі значенням мовчати: *набирати / набрати води в рот* (уперто мовчати; нічого не говорити [ФСУМ, с. 517]); *взяти язика на гапличок* (замовкати [ФСУМ, с. 54]); *не випустити (не пустити) [ні (ані, і)] пари (слова) з вуст* (затято мовчати, не сказати нічого [ФСУМ, с. 100]); *держати (тримати) язик за зубами* (не розголошувати чого-небудь; мовчати [ФСУМ, с. 230]) та ін. Семантичне поле ФО «Непряма пасивна вербальна агресивна поведінка» представлено лише одним соматичним фразеологізмом зі значенням відкрито не виявляти свого невдоволення: *кивати пальцем у чоботі* (нишком, крадькома погрожувати кому-небудь; гудити когось, не виявляючи відкрито свого невдоволення [ФСУМ, с. 368]).

У складі тематичної групи ФО «Суїцидальна поведінка людини» зафіксовано невелику кількість сомофразеологізмів зі значенням заподіювати собі смерть: *встромити голову в петлю* (повіситися [СФУМ, с. 133]); *пустити собі кулю в лоб (в лоба, в голову, в скроню)* (застрелитися [СФУМ, с. 586]); *накладати / накласти на себе руки* (заподіювати собі смерть [СФУМ, с. 421]); *підняти руки* (кінчати життя самогубством [СФУМ, с. 510]) та ін.

У складі тематичного поля ФО «Девіантна поведінка людини» сомофразеологізми зафіксовані у двох тематичних групах ФО: «Злочинна поведінка людини» і «Кримінально не ка-

рана (непротиправна) аморальна поведінка людини». Наприклад, у складі тематичної групи ФО «Кримінально не карана (непротиправна) аморальна поведінка людини» семантичні поля ФО зафіксовано соматичні фразеологізми зі значеннями: 1) систематичне пияцтво людини: *залити / залити голову (очі і т. ін.) [горілкою]* (нестримно пиячити, напиватися [ФСУМ, с. 309–310]); 2) корисливість людини: а) обманути, перехитрити (використовувати іншу людину як засіб для досягнення власних цілей): *накинути ласим оком* (з корисливими намірами [ФСУМ, с. 586]); *замовляти (заговорювати) / замовити (заговорити) зуби* (вводити в оману, дурити когось [ФСУМ, с. 313]); *замазувати / замазати очі* (відвертати чию-небудь увагу; обманювати когось [ФСУМ, с. 311]); *відводити / відвести очі* (відвертати чию-небудь увагу [ФСУМ, с. 116]) та ін.; б) обманути (неправильно інформувати; нав'язувати неправильне уявлення про що-небудь): *замилювати (милити) / замилити очі* (обдурювати кого-небудь, хитрувати [ФСУМ, с. 312]); *пускати / пустити в очі дим (пилюку)* (вводити в оману кого-небудь [ФСУМ, с. 718-719]); *пускати / пустити ману [в вічі]* (обдурювати, змушувати вірити в що-небудь нереальне [ФСУМ, с. 719]); *наводити / навести полуду (більмо) на очі* (навмисно неправильно інформувати, обдурювати кого-небудь [ФСУМ, с. 520]); *засліплювати / засліпити очі* (позбавляти здатності чітко мислити, правильно сприймати навколишню дійсність [ФСУМ, с. 317]) та ін.; в) обдурити, перехитрити кого-небудь: *обвести (обкрутити, обернути, обмотати і т. ін.) / рідше обводити (обкручувати, обертати, обмотувати і т. ін.) круг пальця (пучки)* (перехитрити, обдурити кого-небудь [ФСУМ, с. 563]); *обвести / обводити за ніс* (перехитрити, обдурити кого-небудь [ФСУМ, с. 563]); *лишати (залишати і т. ін.) / лишити (залишити і т. ін.) з носом* (обдурювати, перехитровувати кого-небудь [ФСУМ, с. 432]); *водити / поводити за ніс (за носа)* (обдурювати кого-небудь [ФСУМ, с. 142]) та ін.

У складі тематичного поля ФО «Просоціальна поведінка людини» представлені соматичні фразеологізми, що характеризують альтруїстичну поведінку людини, з такими значеннями: 1) пожертвувати собою в ім'я когось: *підставляти / підставити голову (лоб, лоба і т. ін.) під кулю* (ставити себе під загрозу, ризикувати бути вбитим, ризикувати життям [ФСУМ, с. 639]); 2) допомагати, підтримувати кого-небудь: *підставляти / підставити плече* (допомагати кому-небудь, підтримувати когось [ФСУМ, с. 640]); *держати (тримати) руку* (підтримувати, обстоювати кого-небудь [ФСУМ, с. 229–330]); *поставити на [рівні] ноги* (допомогти кому-небудь утвердитися, підтримати когось [ФСУМ, с. 681]); *дати хліб у руки* (забезпечити кого-небудь роботою, заробітком; допомогти здобути спеціальність, освіту [ФСУМ, с. 223]); *вести за руку* (допомагати, сприяти кому-небудь у чомусь, спрямовуючи його, оберігаючи від труднощів; опікати [ФСУМ, с. 75–76]); *грати на руку* (підтримувати кого-небудь, діяти в чийсь інтересах, сприяти чому-небудь [ФСУМ, с. 195]); *витягувати (тягти, тягнути) / витягти за вуха* (всіляко допомагати кому-небудь, сприяти чомусь [ФСУМ, с. 87]) та ін.

У складі тематичного поля ФО «Сексуальна поведінка людини» зафіксовані соматичні фразеологізми з такими значеннями: 1) залицятися: *смалити / присмалювати литки* (залицятися до кого-небудь, загравати з ким-небудь [ФСУМ, с. 832]); *накидати / накинути оком* (звертати увагу на кого-небудь, цікавитися кимсь, залицятися до кого-небудь [ФСУМ, с. 526]); *кидати / кинути оком (очимаі т. ін.)* (звертати увагу на кого-небудь, цікавитися кимсь, залицятися до когось [ФСУМ, с. 370]); 2) фліртувати з ким-небудь: *вішатися (кидатися, чіплятися) / повіситися (кинутися, почепитися) на шию* (нав'язуватися кому-небудь, настирливо домагаючись прихильності, взаємності (про жінок у ставленні до чоловіків) [ФСУМ, с. 134–135]); *стріляти очима* (кокетливо, грайливо позирати на кого-небудь [ФСУМ, с. 868]); *стригти очима* (кокетливо, грайливо позирати на кого-небудь [ФСУМ, с. 868]); 3) відчувати потяг до осіб протилежної статі: *заворушилося серце* (у кого-небудь пробудилося якесь почуття, хто-небудь відчув потяг до когось [ФСУМ, с. 793]); *заграло серце* (хто-небудь відчув потяг до когось, радість, піднесення, задоволення і т. ін. [ФСУМ, с. 793]); *серце привертається / привернулося* (хто-небудь відчуває потяг, симпатію, любов до когось [ФСУМ, с. 515–516]); *серце в'яне* (хтось захоплюється кимось, відчуває потяг до кого-небудь [ФСУМ, с. 794]) та ін.

Приклади переконують, що найменування тіла людини в цілому, його зовнішніх і внутрішніх частин і органів входять до компонентного складу великої кількості ФО на позначення поведінки людини. Увесь зовнішній і внутрішній атлас тіла умовно можна уявити в трьохчастинній композиції – верхня, серединна й нижня складова людини. Фразеологічний матеріал переконує: кожна із цих частин тим чи іншим своїм елементом бере участь в фразеологічному описі поведінки людини.

У фразеологічній мікросистемі «Поведінка людини» також зафіксовані компоненти, які називають частину тіла, розташовану у верхній, серединній і нижній частині людського тіла, а також загальні компоненти:

- верхня частина: **голова (кумпол), потилиця, очі (вічі), зуби, горлянка, розум, скроня, чуприна, рот (вуста), морда (пика, рило), шия (в'язи, карк), вуха, язик, ніс** та ін.;
- серединна частина: **рука, палець, ребро, бік, серце, спина, хребет, печінка, кишки, пучка, плече, кулак** та ін.;
- нижня частина: **коліно, нога, литка** та ін.;
- загальні компоненти: **шкіра, кістки, кров, жили** та ін.

Отже, аналіз фразеологічного матеріалу дає змогу констатувати, що у фразеологічній мікросистемі «Поведінка людини» соматичні фразеологізми зафіксовані в тематичних полях ФО «Агресивна поведінка людини», «Девіантна поведінка людини», «Просоціальна поведінка людини», «Сексуальна поведінка людини». Із компонентами-соматизмами найчисленнішими виявилися такі тематичні групи ФО: «Фізична агресивна поведінка людини», «Вербальна агресивна поведінка людини», «Кримінально не карана (непротиправна) аморальна поведінка людини».

ПЕРЕЛІК УМОВНИХ СКОРОЧЕНЬ

СФУМ – Словник фразеологізмів української мови. – К. : Наукова думка, 2003. – 1104 с.

ФСУМ – Фразеологічний словник української мови : в 2 кн. – К. : Наукова думка, 1993. – Кн. 1-2.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ ТА ДЖЕРЕЛ

1. Берестнев Г. И. Самосознание личности в аспекте языка / Г. И. Берестнев // Вопросы языкознания. – 2000. – № 1. – С. 60–84.
2. Букулова М. Г. Соматическая фразеология тюркских языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.02 «Языки народов Российской Федерации (тюркские языки)» / Букулова Марина Георгиевна. – М., 2006. – 20 с.
3. Голубовська І. О. ДУША І СЕРЦЕ в національно-мовних картинах світу (на матеріалі української, російської, англійської та китайської мов) / І. О. Голубовська // Мовознавство. – 2002. – № 4-5. – С. 40–47.
4. Грозьян Н. Ф. Фразеологічна мікросистема «Поведінка людини» в українській мові (ідеографічний і аксіологічний аспекти) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Грозьян Ніна Федорівна. – Дніпропетровськ, 2003. – 20 с.
5. Гудков Д. Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гнозис, 2007. – 288 с.
6. Селіванова О. О. Актуальні напрями сучасної лінгвістики (аналітичний огляд) / О. О. Селіванова. – К. : Фітосоціоцентр, 1999. – 148 с.
7. Селіванова О. Нариси з української фразеології (психокогнітивний та етнокультурний аспекти) / О. Селіванова. – Київ–Черкаси, 2004. – 275 с.
8. Скаб М. В. Закономірності концептуалізації та мовної категоризації сакральної сфери / М. В. Скаб. – Чернівці : Рута, 2008. – 560 с.
9. Словник іншомовних слів : 23000 слів та термінологічних сполучень / уклад. Л. О. Пустовіт та ін. – К. : Довіра, 2000. – 1018 с.
10. Тимченко И. В. Структурно-семантический анализ фразеологических единиц с компонентами-соматизмами ГОЛОВА, ОКО, ВУХО, НИС, ЯЗИК : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Украинский язык» / Тимченко Ирина Владимировна. – Харьков, 1990. – 16 с.
11. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике / Е. В. Урысон ; Рос. Академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.

12. Шмелёв А. Д. Дух, душа и тело в свете данных русского языка / А. Д. Шмелёв, А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина // Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – С. 133–152.
13. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Эмирова Адиле Мемедовна. – Ташкент, 1989. – 41 с.

УДК 81'25

Долгополова Л. А., Дымченко А. С.

ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. В статье уточняется статус эквивалентности на основе критического анализа научной литературы. Устанавливаются основные виды эквивалентности и способы передачи безэквивалентной лексики при переводе детской художественной литературы: транслитерация, транскрипция, калькирование и поиск адекватной номинации.

Ключевые слова: эквивалентность, транслитерация, транскрипция, калькирование, детская художественная литература.

Dolgopolova L. A., Dymchenko A. S.

THE PROBLEM OF EQUIVALENCE WHEN TRANSLATING CHILDREN'S LITERATURE

Annotation. The article clarifies the equivalence status based on a critical analysis of the scientific literature. The main types of equivalence and methods of transmitting non-equivalent vocabulary when translating children's fiction are established, such as transliteration, transcription, tracing and the search for an adequate nomination.

Key words: equivalence, transliteration, transcription, tracing, children's fiction.

Постановка проблемы. Художественная детская литература, в первую очередь, должна воспитывать и образовывать, что невозможно без тщательного отбора средств для её создания, восприятия или адаптации, будь то процесс написания произведения автором, чтение ребёнком или работа переводчика. В последнем случае как раз и возникает одна из главных переводческих трудностей и проблем – проблема эквивалентности, играющая без преувеличений важную роль для сказки как особого литературного жанра. Именно в сказке мы чаще всего встречаем слова и выражения с культурной коннотацией, входящей вследствие этого в состав безэквивалентной лексики. В процессе перевода такие единицы создают определённые трудности.

Анализ литературы. Термин «эквивалентность» возник в связи с несовпадением языковых шаблонов и клише в языках первоисточника и перевода как наиболее равнозначное смысловое соответствие переведённого текста оригинальному, справедливо считающееся основным условием существования перевода. В теории перевода наибольший вклад в интерпретацию этого термина внесли отечественные лингвисты В. Н. Комиссаров, Л. С. Бархударов, Л. К. Латышев, Л. Г. Романова и зарубежные учёные О. Каде, Ю. Найда, Г. Тури и др.

По мнению Д. К. Кэтфорда, перед переводчиком встаёт задача свести любые несовпадения к минимуму, в противном же случае бытовые или языковые различия могут повергнуть читателя в шок, поэтому к ним следует обращаться только в том случае, если «не удастся найти других лексических единиц, менее шокирующих, только тогда можно сказать, что словосочетания непереводаемы по культурным причинам» [9, с. 102].

Согласно Л. К. Латышеву, эквивалентность занимает центральное положение в лингвистическом переводоведении, «поскольку эквивалентность и исходного и переводного текстов выступают минимальным, конституирующим условием перевода» [6, с. 7].

Часто эквивалентность рассматривали во взаимосвязи с адекватностью (Л. Г. Романова, Ю. Найда, Г. Тури), где адекватность нацелена на перевод как процесс, а эквивалентность рассматривается как результат отношений между исходным и выходным текстом. Диссертационное исследование Л. Г. Романовой в результате анализа обоих понятий создает графосемантические модели данных понятий, используемые для выделения и разделения их понятийных областей, что в полной степени способствует раскрытию понятийных потенциалов адекватности и эквивалентности [7].

Стоит отметить, что проблема эквивалентности в переводе всё же остается недостаточно изученной и требует дальнейшей разработки.

Цель статьи – выявление особенностей передачи безэквивалентной лексики при переводе детской художественной литературы.

Изложение основного материала. В. Н. Комиссаровым разработан концепцию эквивалентности как иерархию различных уровней, которая способствует оцениванию приближения реальной смысловой близости перевода к оригиналу к потенциально достижимой и максимально возможной [5].

Эквивалентность как явление можно подразделить на *две подкатегории*: естественную и направленную [10, с. 2486].

Естественная эквивалентность возможна при наличии полного смыслового аналога исходного слова или выражения в переводящем языке, что происходит не так часто, как нам бы того хотелось, особенно когда речь заходит о различных языковых группах, например, германской и славянской. Так, немецкий напиток *die Schorle*, в связи с отсутствием эквивалента в русском языке, посредством транслитерации превращается в Шорле, и наоборот, русский квас – в *der Kwass*.

Если мы обратимся к, казалось бы, ставшему привычным для большинства европейских языков английскому заимствованию *Computer*, то обнаружим, что французы, во избежание проникновения в собственный язык англицизмов, вывели свой аналог слова – *l'ordinateur*, что, несомненно, немного усложняет восприятие информации и требует больших усилий в процессе перевода.

По мнению Энтони Пима, «естественность» данного типа эквивалентности может быть как натуральной, так и искусственной. Первый случай подразумевает развитие альтернативных языковых единиц «без вмешательства лингвистов, переводчиков или других языков» [11, с. 8], второй же – полностью противоположен первому и имеет больше общего с направленной эквивалентностью, так как воздействие на язык извне является неотъемлемой частью этого типа, что может выражаться в стремлении сохранить не только язык, но и самоидентификацию народа, и пример про французский язык прямое тому доказательство.

Самой обильной на наличие естественных эквивалентов сферой является техническая документация и инструкции, поскольку «чаще всего они представляют собой продукт терминологии, искусственно стандартизированных слов, созданных так, чтобы они точно соответствовали друг другу» [11, с. 8].

Направленная эквивалентность представляет собой «асимметричное отношение, при котором создание эквивалента при переводе в одну сторону не означает, что такая же эквивалентность будет использована при переводе в другую сторону» [7], что даёт переводчику возможность интерпретировать исходный текст согласно собственным представлениям и решениям, будь то стремление сохранить форму первоначального текста или же модифицировать его, привнеся что-то своё.

Известный теоретик перевода Юджин Найда конкретизировал данное понятие, предложив два различных подхода, являющиеся чем-то вроде подвидов направленной эквивалентности – динамический (направленный на лёгкость восприятия текста человеком в процессе чтения), и формальный, то есть пословный перевод, дублирующий лексический состав подлинника [2].

Оба подхода дают специалисту возможность избежать буквализмов из текста оригинала в тексте перевода, что и было продемонстрировано на примере перевода Библии: название

«Вифлеем» можно перевести с иврита как «Хлебный дом», что объясняется особым положением хлеба, как одного из наиболее уважаемых и ценных продуктов питания в Израиле. Допустимость такого перевода зависит только от цели, которую себе ставит переводчик, например – добиться динамической эквивалентности. В данном случае наши переводчики традиционно обращаются к формальной эквивалентности, несмотря на то, был ли использован альтернативный способ в тексте ранее [11, с. 10].

Однако, согласно Ю. Найда, представленные им подходы преимущественно касаются адаптации Библии на языки культур, не принадлежащие к христианским. Мы просто не сможем отыскать «естественный» эквивалент имени Иисуса или Бога в языке, где они никогда не упоминались. Тот же эффект, только в меньшей мере, свойственен и сказочной литературе, что подробнее будет рассмотрено далее. Таким образом, можно сделать вывод, что «идеология естественности использовалась для маскировки того факта, что целью перевода является изменение культур» [цит. по: 11, с. 10].

Если обратиться к отечественным исследователям, то нелишним будет привести позицию известного советского лингвиста Л. С. Бархударова, утверждавшего, что «текст перевода никогда не может быть полным и абсолютным эквивалентом текста подлинника» [1, с. 6], что отсылает нас к небезызвестной теории непереводимости и всем вытекающим из неё проблемам.

По Бархударову, безэквивалентную лексику принято делить на три группы.

1. Имена собственные, состоящие из абсолютно неизвестных переводящей культуре личных имён, географических объектов, периодических изданий, названий организаций и т. д. Так, немецкие фамилии Tappert, Baade или населённые пункты Cochem и Mayen, в отличие от известных нам типичных соответствий вроде Schneider или Leipzig, не имеют общепринятых эквивалентов в русском языке, что, соответственно, может вызвать некоторые затруднения вследствие попытки их перевода. Например, фамилия Schweinsteiger, принадлежащая известному немецкому футболисту Бастиану Швайнштайгеру, в своё время стала предметом горячего спора в русском Интернете, поскольку люди всерьёз задавались вопросом её дословного перевода, ломая голову над значением слова Steiger и как оно связано со словом Schwein. Было предложено множество вариантов, от ‘свинопаса’ до порой совсем абсурдных, вроде ‘восходящей свиньи’, однако всё оказалось намного проще и сама фамилия, как выяснилось, образована от названия родного городка Бастиана – Schweinsteig, что в Баварии. Таким образом и была решена тайна фамилии Schweinsteiger, превратившая выдающегося футболиста из ‘свинопаса’ в ‘человека из Швайнштайга’.

2. Реалии, включающие в себя слова и словосочетания, обозначающие предметы, явления и ситуации, доступные для понимания исключительно культуре исходного языка. Это могут быть как названия национальных блюд (Schorle, Eisbein, Labskaus, окрошка, борщ, квас), виды национальной одежды (Dirndl, kilt, сарафан), так и слова, связанные с политическими явлениями и ситуациями (labourist, пятилетка, перестройка) и др.

3. Случайные лакуны или отсутствие идентичных устойчивых лексических соответствий в обоих языках. От предыдущих двух пунктов этот отличается тем, что не относится к какой-либо определённой категории и может быть представлен в любом виде: от ситуационного до временного, что проявляется в мотивированных и немотивированных, языковых (лексических, грамматических) и культурологических (этнографических, психологических) лакунах. Первая группа, соответственно, подразумевает отсутствие у одного народа некоторых реалий другого, или же их наличие, которым, однако не было уделено должного внимания, иными словами – они вполне могли быть просто проигнорированы. В качестве примера можно привести русское наречие «круглосуточно», передача которого на немецкий язык осуществляется исключительно посредством описательного метода, вроде ‘rund um die Uhr’ или ‘Tag und Nacht’, то же мы встретим и в других языках германской группы, включая английский. Вторую группу можно охарактеризовать через весьма интересный термин, полностью отсутствующий в русском языке и связанный с психологическим состоянием человека: Kammerspeck – это

буквально ‘сало страданий’, возникающее в результате заедания стресса и последующего приобретения лишнего веса.

Передача безэквивалентной лексики, как правило, происходит с помощью таких способов, как транслитерация, транскрипция, калькирование и уже упомянутый нами описательный перевод, иногда даже создание нового слова. Так, на каждый метод можно привести пример из перевода за авторством издательства «Росмэн» серии романов Дж. К. Роулинг о Гарри Поттере. Транслитерация, как воспроизведение буквенного состава иностранного слова: *Hermione* – ‘Гермиона’; транскрипция, или передача звучания: *Granger* – ‘Грейнджер’; калькирование посредством заимствования и выражения иноязычных слов, фраз буквальным переводом, вроде *Death Eaters* – ‘Пожиратели смерти’; и, самое интересное, а также трудоёмкое – создание нового, эквивалентного термина, ярким примером которого, несмотря на строго укоренившееся правило недопустимости перевода имён собственных, стали, преимущественно, «говорящие» имена и фамилии героев романов о «мальчике, который выжил»: *Luna Lovegood* – ‘Полумна Лавгуд’, созвучное в русском с прилагательным «полоумный» по аналогии с английским *Luna* – «лоону» (сумасшедший, чокнутый); *Alastor Moody* – ‘Аластор Грюм’, в котором русский эквивалент подобран согласно значению английского слова «moody» – угрюмый. Но даже в таких удачных случаях следует использовать этот способ осторожно и в меру, чтобы не перенасытить текст буквализмами и неестественностью, которые русское сообщество поклонников «Гарри Поттера» до сих пор не может простить другой переводчице романов – Марии Спивак.

Так, если мы сравним оба перевода имён собственных с оригиналом, то заметим ряд недочётов и нарушений.

Рассмотрим имя профессора *Severus Snape*.

Оригинал	Перевод издательства «Росмэн»	Перевод М. Спивак
<i>Severus Snape</i>	<i>Северус Снегг</i>	<i>Злодеус Злей</i>

В первоисточнике профессор зельеварения, не питающий особых симпатий к главному герою, наделён «говорящими» как именем, так и фамилией. Имя *Severus* явно отсылает нас к прилагательному «severe», что в переводе с английского означает ‘суровый, строгий’, фамилия *Snape* образована от слова «snar» – ‘щелчок, отрывистая речь’, что сразу, ещё до знакомства с персонажем, даёт понять англоязычному читателю, каким характером он наделён.

Перевод от издательства «Росмэн», в отличие перевода от М. Спивак, является более качественным не только за счёт сохранения оригинального имени, но и его удачного совпадения по написанию с русским словом «север», что без труда создаёт у русскоязычной аудитории представление о холодном, мрачном человеке. Идиллию разрушило решение переводчиков привести фамилию в некое соответствие с именем, превратив профессора зельеварения в «Снегга», что породило сразу две проблемы: тавтологию из разряда «масло масляное» в связи с отсылкой на слово русское слово «снег» и труднопроизносимость за счёт дублирования буквы «г».

Анализируя перевод Марии Спивак, можно на самом деле найти много общего с адаптацией «Питера Пэна» Ирины Токмаковой, а именно – ориентацию, по большей части, конкретно на детскую аудиторию, для которой, чем проще аналогия, тем лучше, и ‘Злодеус Злей’ – самое что ни на есть прямое тому доказательство. Посредством имени М. Спивак не раскрывает характер персонажа. Она безапелляционно записывает его в отрицательные герои, чем совершает серьёзную переводческую ошибку, так как в последующих книгах автор подробнее концентрируется на образе данного персонажа и, можно сказать, кардинально переворачивает мнение о нём.

Такая ограниченность, как это несложно заметить, сильно сказалась на популярности перевода М. Спивак, уступив пальму первенства и всенародную любовь «Росмэну», ведь их адаптация была доступна и привлекала как детей, так и взрослых за счёт более серьёзного и грамотного подхода при переводе не только имён собственных, но и иных лексических эквивалентов, свойственных какой-либо определённой ситуации, что позволяло быстрее и проще приспособиться к возрастающей с каждой книгой глубине сюжета.

Рассмотрим ещё один пример передачи имени собственного.

Оригинал	Перевод издательства «Росмэн»	Перевод М. Спивак
<i>Oliver Wood</i>	<i>Оливер Вуд</i>	<i>Оливер Дре</i>

Данный пример как нельзя лучше показывает и доказывает то самое правило о недопустимости перевода некоторых имён собственных. Ошибка Марии Спивак заключается в адаптации и акцентировании внимания на фамилии, не несущей какого-либо значимого смысла, поскольку она никак не характеризует персонажа, порождая обычный буквализм и сомнения относительно профессионализма переводчицы.

В следующем примере мы имеем дело с передачей оценочной лексики.

Оригинал	Перевод издательства «Росмэн»	Перевод М. Спивак
<i>sneak</i>	<i>ябеда</i>	<i>гнида</i>

Это слово отсылает нас к эпизоду с разоблачением деятельности «армии» Дамблдора. Мариэтта Эджком выдаёт секрет инспектору Хогвартса, в результате чего девушка становится жертвой проклятья Гермионы, поражающего лицо потенциального доносчика прыщами, складывающимися в слово «sneak». Согласно оксфордскому словарю [12], лексема «sneak», употребляемая преимущественно детьми, используется для характеристики человека как того, «кто сообщает взрослым о неприглядных действиях другого ребёнка, с последующим для того наказанием» (перевод наш – Л. Д., А. Д.). ‘Ябеда’ – тот необходимый эквивалент, сохраняющий атмосферу и стиль оригинального произведения, утверждающий читателя в мысли, что перед ним роман о приключениях и жизни детей-подростков, а не обитателей колонии для несовершеннолетних.

Анализируя и сравнивая оба перевода, филолог Валентина Ингсоц, опираясь на работы Корнея Чуковского «Высокое искусство» и Норы Галь «Слово живое и мёртвое», кратко и доступно сформулировала основные пункты, на которые должен опираться каждый переводчик в процессе работы над художественным текстом, и одно из таких условий заключалось в том, что «категорически нельзя добавлять или убирать смыслы и вкладывать в уста персонажей слова, которых они не могли бы произнести в силу своих культурных особенностей» [4], иными словами – трудно представить, чтобы лучшая ученица школы магии и волшебства, воспитанная в интеллигентной британской семье, могла позволить себе такого рода ругательство, как «гнида».

Обобщая всё вышесказанное, необходимо подытожить, что «бережно сохранить и передать подлинник во всей полноте и многообразии, передать все оттенки мысли, чувств, стиля можно только отходя от буквы, от дословности, только средствами и по законам нашего языка» [3, с. 95], что, непременно, затрагивает и воздействует на самые различные реалии и составляющие первоисточника в той или иной мере.

Тем не менее, нет ничего такого, чего человеческий язык не смог бы воспринять и описать на свой манер, в противном случае прогресс и развитие были бы для нас просто неосуществимы и именно поэтому «способность описывать новые, незнакомые ситуации является неотъемлемым свойством любого языка» [1, с. 6].

Таким образом, проблема эквивалентности действительно представляет собой непростую задачу, особенно если речь идёт о детской художественной литературе, но с должным умением и она разрешима. Для этого задействуют в первую очередь такие техники перевода, как транскрипция, транслитерация, калькирование и поиск/создание нового имени. В последнем случае правильно подобранная или созданная лексема, отражающая прагматику автора оригинала, свидетельствует о высоком мастерстве переводчика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 150 с.
2. де Ваард Я. На новых языках заговарят. Функциональная эквивалентность в библейских переводах / Я. де Ваард, Юджин А. Найда. – СПб. : Российское библейское общество, 1998. – 270 с.
3. Галь Н. Слово живое и мертвое / Н. Галь. – М. : Время, 2007. – 592 с.

4. Ингсоц В. Гарри Поттер : какой перевод лучше? [Электронный ресурс] / В. Ингсоц // Мир Фантастики. – Режим доступа : <https://www.mirf.ru/book/harry-potter-kakoy-perevod-luchshe/> (дата обращения: 12.08.2023).
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.
6. Латышев Л.К. Проблема эквивалентности в переводе : дис. ... д-ра филол. наук : спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое и типологическое языкознание» / Латышев Лев Константинович ; Военный Краснознаменный институт. – М., 2007. – 431 с.
7. Романова Л. Г. Адекватность и эквивалентность как переводческие категории: теоретико-экспериментальное исследование : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Романова Лилия Геннадьевна ; ГОУВПО «Оренбургский государственный университет». – Оренбург, 2011. – 260 с.
8. Allzalu C. Directional equivalence handout [Электронный ресурс] / C. Allzalu // ACADEMIA. – Режим доступа : https://www.academia.edu/23317325/Directional_equivalence_handout (дата обращения: 27.07.2023).
9. Catford J. C. A Linguistic Theory of Translation: An Essay in Applied Linguistics / J. C. Catford. – London : Oxford University Press, 1965. – 110 p.
10. Mojtaba A. Translating for Children: Equivalence Paradigm or Purpose Paradigm? An Explanatory Attempt / A. Mojtaba, S. Mohammadtaghi, A. Alireza // Mediterranean Journal of Social Sciences. – 2014. – Vol. 5, № 23. – P. 2484–2490.
11. Пым А. Natural and directional equivalence in theories of translation / А. Пым // Target : international Journal of Translation Studies. – 2007. – V. 19, № 2. – P. 271–294.
12. Oxfordlearbdictionary [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/sneak_1?q=sneak (дата обращения: 12.08.2023).

УДК 81'347.78.034

Долгополова Л.А., Зенединова А. Н.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ

Аннотация. В статье рассматривается безэквивалентность как объект перевода. Устанавливаются основные виды безэквивалентности и способы передачи безэквивалентной лексики при переводе англоязычного медиатекста. Определяется высокая частотность употребления имен собственных и реалий США и Великобритании, способы их перевода на русский язык.

Ключевые слова: безэквивалентность, имена собственные, реалии, медиатекст, транслитерация, трансплантация, транскрибирование.

Dolgopolova L.A., Zenedinova A. N.

FEATURES OF THE FUNCTIONING OF NON-EQUIVALENT VOCABULARY IN ENGLISH-LANGUAGE MEDIA TEXTS

Annotation. The article examines non-equivalence as an object of translation. Establishes the main types of non-equivalence and methods of transferring non-equivalent vocabulary in the translation of English-language media text. Determines the high frequency of the use of proper names and realities of the USA and Great Britain, ways of their translation into Russian.

Key words: equivalence, proper names, realities, media text, transliteration, transplantation, transcription.

Постановка проблемы. В различных языках существует лексика, при переводе которой возникают определенные трудности в виду того, что они не имеют аналогов в других языках. Таковую лексику принято рассматривать как безэквивалентную. Как языковое явление, безэквивалентная лексика является объектом теории перевода и лингвокультурологии, а ее изучение сохраняет свою актуальность. В первую очередь это связано с появлением новых подходов к

изучению языковых единиц в связи с важностью их прагматического значения, а также повышенным интересом к лингвокультурологическим проблемам.

Анализ литературы. Вопрос о существовании в различных языках лексики, эквиваленты которой полностью или частично отсутствуют в языке перевода, стал разрабатываться в середине прошлого века. Это было вызвано становлением новой научной сферы филологии – теории перевода.

Впервые сам термин «безэквивалентность» был введен отечественным ученым Г. В. Шатковым в его диссертационном исследовании на материале норвежских переводов русской общественно-политической литературы, где он охарактеризовал безэквивалентность как «полное или частичное отсутствие эквивалентов словам одного языка в словарном составе другого» [6, с. 7].

В дальнейшем в связи с бурным развитием международного сотрудничества и глобализационных процессов безэквивалентная лексика становится одним из наиболее исследуемых объектов среди таких ученых, как Л. С. Бархударов, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. Н. Комиссаров, Я. И. Рецкер и др.

Л. С. Бархударов характеризовал безэквивалентную лексику как «лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания) одного из языков, которые не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди лексических единиц другого языка» [1, с. 94].

В. Н. Комиссаров считал, что подобные единицы представляют собой вместилища фоновых знаний, т. е. знаний, имеющих в сознании говорящих» [5, с. 37].

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в совместном фундаментальном труде «Язык и культура» рассматривали лексические единицы, семантика которых отражает особенности культуры, как «фондовые слова», «коннотативные слова», «безэквивалентную лексику» или «слова с культурным компонентом» [4].

Таким образом, ученые отмечают, что безэквивалентная лексика может отражать национально-культурную принадлежность языка на лексическом уровне, называть понятия и явления в сфере одной культуры, не характерные для других.

Целью данной статьи является определение специфики функционирования безэквивалентной лексики в англоязычных медийных текстах и особенности ее перевода на русский язык.

Изложение основного материала. Слова, не имеющие аналогов в других языках, представляют собой достаточно разнообразный пласт лексики, что, безусловно, дает все основания для их классификации. В своей работе мы будем опираться на общепризнанную классификацию Л. С. Бархударова, который выделяет три основные группы безэквивалентной лексики:

- 1) *имена собственные, географические названия, названия организаций и учреждений, газет, журналов и пр.*;
- 2) *слова-реалии*, то есть такие слова, которые обозначают предметы, явления, ситуации, понятия, несуществующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке;
- 3) *случайные лакуны*, то есть лексические единицы, преобладающие в одном языке, которым нет по каким-то причинам соответствий в другом [1, с. 101–102].

Рассмотрим виды безэквивалентной лексики, которая употребляется в современных англоязычных медийных текстах. В статье Адама Габбата «The British are coming! US media sees influx of Britons in top roles», опубликованной 11.11.2023 г. во влиятельной газете The Guardian, где идет о росте влияния британцев на средства массовой информации США, что приводит к участию влиятельных представителей британских новостных агентств в «медийных американских ландшафтах США» [7]. Тематика такой статьи изначально обуславливает наличие имен собственных и слов-реалий, поскольку статья информирует читателя о персонах и двух государствах, которые, хотя и относятся к одной лингвокультуре, но обладают этническими различиями. В статье встречаются такие виды безэквивалентной лексики, как имена собственные, названия медийных изданий, концернов; реалии США и Великобритании.

Имена собственные. Эту группу составляют 40 лексем. Среди имен собственных мы выделяем всемирно известных персон (4 лексем), связанных с медиаизданиями, как *Rupert*

Murdoch ‘Руперт Мердок’, экс-президент США *Donald Trump* ‘Дональд Трамп’, основатель американской компании «Амазон» *Jeff Bezos* ‘Джефф Безос’ и известная американская актриса *Gwyneth Paltrow* ‘Гвинет Пэлтроу’. Транслитерация их имен на русский язык является уже устоявшейся, поэтому при переводе не возникает каких-либо сложностей¹:

Английский язык (язык оригинала)	Русский язык (язык перевода)
After <i>Jeff Bezos</i> bought the Post in 2013, the paper enjoyed years of profitability.	После того, как <i>Джефф Безос</i> купил «The Post» в 2013 году, газета долгие годы была прибыльна.
Emma Tucker, previously the editor of the British newspaper the Sunday Times – like the Journal, owned by <i>Rupert Murdoch</i> – took over at the newspaper in February.	Эмма Такер, ранее работавшая редактором британской газеты The Sunday Times, принадлежащей, как и The Journal, <i>Руперту Мердоку</i> , – возглавила газету в феврале.

Самыми многочисленными (16 лексем) являются имена людей, связанных с СМИ, среди которых главные редакторы изданий *Emma Tucker*, *Kristina O’Neill*, *Martin Clarke*, *Gerard Baker* и *David Carr*; директора медиаконцернов *Paul Dacre*, *Will Lewis*, *Deborah Turness*, *David Zaslav*, *Mark Thompson*, *Chris Licht*; телеведущие *Piers Morgan* и *Louis Theroux*, комик *John Oliver*; представители мира мода *Magnus Berger* и *Karlie Kloss*. Практически все имена, кроме *Piers*, являются частотными и легко транслитерируются или транскрибируются при передаче на русский язык. В то же время большая часть фамилий будет в известной мере составлять определенные переводческие трудности, потому что они не являются общеупотребимыми и могут быть известны только специалистам, работающим в медиасфере. При их переводе возможно также употребление транслитерации или транскрипции:

Английский язык (язык оригинала)	Русский язык (язык перевода)
That included <i>Kristina O’Neill</i> , the long-term editor of the WSJ magazine, and her husband, <i>Magnus Berger</i> .	В их число входили <i>Кристина О’Нил</i> , многолетний редактор журнала WSJ, и ее муж <i>Магнус Бергер</i> .
<i>Mark Thompson</i> , former director general of the BBC and former chief executive at the New York Times.	<i>Марку Томпсону</i> , бывшему генеральному директору Би-би-си и бывшему исполнительному директору The New York Times.

В статье автор упоминает две исторические персоны, чьи имена также известны широкому кругу читателей, а именно: *Paul Revere* ‘Пол Ривер’, знаменитый народный герой Американской революции, и *King George III* ‘король Георг III’ правивший в эти же времена.

Среди названий газет и журналов встретились названия американских изданий (8 лексем): *Wall Street Journal* и его часто используемые сокращенные варианты *WSJ magazine / the Journal*, а также *The Washington Post*, *The New York Times* и распространенный вариант его названия *The New York magazine*; название американского транснационального конгломерата средств массовой информации и развлечений *Warner Bros. Discovery*; названия телеканала *CNN*, новостного телеканала *NBC News* и сатирической телевизионной программы *The Daily Show*.

Отметим также и упоминание в статье название крупнейшей американской компании электронной коммерции *Amazon*.

В статье употребляются названия СМИ, которые находятся в Великобритании (10 имен), например: наименования одной из самых известных в мире газет *The Times*, а также популярных в стране и за ее пределами *The Guardian*, *The Sunday Times*, *The Sun*, *The Daily Telegraph*, *Daily Mail* и ее веб-сайт *MailOnline*; интернет-издания *The Independent*; вещательной корпорации *The BBC* и его новостного канала *BBC News*. Как правило, для передачи таких названий в практике перевода используется «способ трансплантации, при котором лексическая единица на языке оригинала переносится в текст на языке перевода в исходной форме» [2, с. 469]. При таком переводе на русский язык названия сохранят форму на английском языке:

¹Здесь и далее перевод наш – Л. Д., А.З.

Английский язык (язык оригинала)	Русский язык (язык перевода)
In the past 12 months, <i>the Wall Street Journal</i> , <i>CNN</i> , and most recently, <i>the Washington Post</i> , have all appointed British bosses.	За последние 12 месяцев <i>The Wall Street Journal</i> , <i>CNN</i> и совсем недавно <i>The Washington Post</i> назначили британских боссов.
The London-born Lewis, who was previously the editor of <i>the Daily Telegraph</i> and spent six years as publisher of <i>the Wall Street Journal</i> .	Льюис, родившийся в Лондоне, который ранее был редактором <i>The Daily Telegraph</i> и шесть лет проработал издателем <i>The Wall Street Journal</i> .

При передаче на русский язык таких названий определенный артикль пишется с заглавной буквы, поскольку является частью имени. В тексте-оригинале определенный артикль является грамматическим показателем определенности и подается строчной буквой.

Что касается географических названий, то были отмечены американские ойконимы *Massachusetts* и *Manhattan* и имя столицы Великобритании *London*, связанные с продукцией средств массовой информации, а также принятые сокращения названий обоих государств – *UK* и *US*. Следует отметить, что в англоязычных текстах часто употребляется неполное аббревиатура *the US* вместо общепринятой *the USA*; в то время как при переводе на русский язык такие сокращения не допускаются. Название государства передается как *США*. Передача названия Великобритании не допускает употребления какого-либо сокращения, поэтому привычное для англоязычной среды имя *UK* передается топонимом *Великобритания* или, при возможности, заменяется прилагательным *британский*:

Английский язык (язык оригинала)	Русский язык (язык перевода)
If the latter efforts are about <i>British</i> organizations seeking the readers – and the money – available in a country that has five times the population of <i>the UK</i> , the apparent trend for <i>American</i> news companies to hire <i>Britons</i> seems to suggest an enduring admiration in the <i>US</i> for <i>UK</i> news sensibilities.	Если последние усилия направлены на то, чтобы <i>британские</i> организации искали читателей – и деньги, – доступные в стране, население которой в пять раз превышает население <i>Великобритании</i> , то очевидная тенденция <i>американских</i> новостных компаний нанимать <i>британцев</i> , по-видимому, свидетельствует о неизменном восхищении в <i>США</i> чувствительностью <i>британских</i> новостей.
MailOnline, the digital offering of the Daily Mail, has become, as of September, the 12th-most-visited outlet in <i>the US</i> (the Guardian ranked 18th), but it started out in somewhat chaotic beginnings in lower <i>Manhattan</i> .	MailOnline, цифровое приложение Daily Mail, по состоянию на сентябрь стало 12-м по посещаемости изданием в <i>США</i> (The Guardian заняла 18-е место), но начиналось оно несколько хаотично в нижнем <i>Манхэттене</i> .

Среди реалий, функционирующих в статье, можно выделить исторические, связанные с историей взаимоотношений США и Великобритании во время Американской революции. В эту же группу можно отнести и упомянутые ранее две исторические личности того времени – Пола Ривера и короля Георга III. Кроме того, мы причисляем сюда само понятие *the American Revolution* ‘Американская революция’ и другие факты, связанные с этим событием, такие как «*The British are coming!*», *a redcoat invasion*. Восклицание «*The British are coming!*» ‘Британцы идут’, которое является предупреждением Пола Ривера о марше войск короля Георга III, хорошо известно тем, кто знаком с событиями Американской революции. Поскольку смысл этой фразы прозрачен, то переводчик использует эквивалентный способ. При переводе выражения *a redcoat invasion* ‘вторжение красных мундиров’ переводчику необходимы дополнительные фоновые знания, связанные с историей Американской революции. Согласно источникам, у британских солдат мундиры были красного цвета, за что их часто называли «вареными раками» [3]. В статье также употребляется реалия, обозначающая понятие, существующее чаще всего в англоязычных государствах – *Little Italy* ‘Маленькая Италия’. Так обычно называют кварталы, где преимущественно проживают выходцы из Италии.

Английский язык (язык оригинала)	Русский язык (язык перевода)
<i>Paul Revere, the famous folk hero of the American Revolution, may not have actually shouted «The British are coming!» as he alerted Massachusetts to the march of King George III's rebellion-quashing troops.</i>	<i>Пол Ревир, знаменитый народный герой Американской революции, возможно, на самом деле не кричал «Британцы идут!», когда предупреждал Массачусетс о марше войск короля Георга III, подавлявших восстание.</i>
In those early days, when incoming UK staff were housed in dormitory-like accommodation in <i>Little Italy</i> , everyone was required to chip in for the good of the newsroom.	В те первые дни, когда прибывающих сотрудников из Великобритании размещали в помещениях, похожих на общежития в <i>Маленькой Италии</i> , от каждого требовалось внести свой вклад на благо отдела новостей.

Аббревиатуру *CEO* (Chief Executive Officer) также на наш взгляд можно отнести к реалиям американской жизни, в данном случае – к терминологии, которая используется для обозначения должностей. В русском языке нет прямого эквивалента, чаще всего ее переводят как ‘генеральный директор’:

Английский язык (язык оригинала)	Русский язык (язык перевода)
Deborah Turness, now <i>CEO</i> of BBC News, spent four years in charge of NBC News.	Дебора Тернесс, ныне <i>генеральный директор</i> BBC News, четыре года возглавляла NBC News.

Выводы. На основе проведенного анализа англоязычной статьи можно констатировать широкое употребление безэквивалентной лексики, характер которой зависит от содержания самой статьи. Наибольшую группу безэквивалентной лексики составили имена собственные, среди которых всемирно известные современные и исторические персоны, представители ведущих англоязычных СМИ, а также топонимы. Были выделены также и исторические и географические реалии США и Великобритании, отражающие основные события в отношениях США и Великобритании.

Передача имен собственных, используемых в анализируемой статье, в целом не вызывает каких-либо сложностей. Преимущественно используются транслитерация для имен персон и топонимов, и трансплантация – для названий газет, журналов, телеканалов, интернет-изданий, торговых компаний и пр.

При переводе требуют внимания реалии современной жизни США и Великобритании. Наибольшую переводческую трудность составляют исторические реалии, поскольку для их передачи необходимы дополнительные фоновые знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Вацковская И. С. Особенности передачи названий программ и проектов при переводе текстов СМИ / И.С. Вацковская // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 2 (69). – С. 468–471.
3. Власов П. «Война за независимость США» (05). Армия Великобритании [Электронный ресурс] / П. Власов. – Режим доступа : <https://dzen.ru/a/YsZGqE3vpy5egWt->.
4. Верещагин Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1990. – 246 с.
5. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – М. : Высшая школа, 1990. – 253 с.
6. Шатков Г. В. Перевод русской безэквивалентной лексики на норвежский язык (на материале норвежских переводов русской общественно-политической литературы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Г. В. Шатков. – М., 1952. – 14 с.
7. Gabblatt A. The British are coming! US media sees influx of Britons in top roles [Электронный ресурс] / Adam Gabblatt // The Guardian. – 2023. – 11 nov. – Режим доступа : <https://www.theguardian.com/media/2023/nov/11/uk-us-news-journalism-executives>.

Исмаилова Э. А., Усеинова Э. Э.

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Э. ТАН «КЛУБ РАДОСТИ И УДАЧИ»

Аннотация. Статья посвящена вопросу эмотивности в романе Э. Тан «Клуб радости и удачи». Проанализированы способы выражения эмотивности на разных уровнях языка. Выявлено, что на фонетическом уровне используются разные способы проявления звуков; лексический уровень представлен такими стилистическими средствами, как сравнение, гипербола, метафора; на синтаксическом уровне эмотивность выражена такими приемами, как многоточие и опускание восклицательных знаков.

Ключевые слова: эмотивность, лексический уровень, фонетический уровень, синтаксический уровень.

Ismailova E. A., Useinova E. E.

WAYS OF EXPRESSING EMOTIVENESS IN THE WORK OF E. TAN «THE JOY LUCK CLUB»

Annotation. The article is devoted to the exploration of emotiveness, in Amy Tan's the novel «The Joy Luck Club». The ways of expressing emotiveness at different levels of language are analyzed. It has been revealed, that at the phonetic level various methods of sound manifestation are used; the lexical level is presented by such stylistic means as comparison, hyperbole, metaphor; at the syntactic level, emotiveness is expressed by such techniques as ellipsis and omission of exclamation marks.

Key words: emotiveness, lexical level, phonetic level, syntactic level.

Постановка проблемы. В жизни человека чувства выполняют мотивирующую роль. В отношении окружающего мира человек действует так, чтобы подкреплять и усиливать свои положительные чувства либо преодолевать отрицательные. Эмоции, являясь значимым социокультурным и психологическим феноменом, находят свое отражение в художественных произведениях. Художественные произведения являются важным носителем эмотивной лексики, потому что художественный текст содержит разные языковые средства, которые соотносятся с миром чувств и эмоций человека. Изучение художественных произведений представляет особый интерес, так как именно текст репрезентирует мысли, чувства и эмоции автора, выраженные в нем.

Анализ литературы. За последние десятилетия вопрос об эмоциях рассматривается в ряде наук: философии, педагогике, политологии, психологии, социологии и др. Тема изучения эмоций и их выражения в контексте является одной из актуальных и важных задач в лингвистике, так как эмоции не только являются субъективным оценителем мира, но и регулируют отношения между людьми в обществе [3, с. 5].

Исследованию категории эмотивности, проблемы репрезентации эмоций посвящены работы В. И. Шаховского, О. А. Филипповой, Л. М. Васильева, Е. М. Галкиной-Федорук, К. Изарта, Р. Декарта.

В. И. Шаховский писал, что эмотивность – это «результат преломления эмоционального компонента философской категории идеального в поле языка. Ее конкретное содержание составляет обозначение различными языковыми средствами и в разной степени всего спектра эмоционального состояния человека в единстве и многообразии их уникальных свойств, в их качественном отличии от всего, что к эмоциональной сфере духовной жизни человека непосредственно не относится» [3, с. 120].

Целью статьи является выявление средств выражения эмотивности в романе Эми Тан «Клуб радости и удачи» и их классификация.

Изложение основного материала. Эмотивность – это языковая категория, которая представляет собой имманентное свойство языка, выражающее психическое или эмоциональ-

ное состояние и переживание человека. Эмотивность является лингвистическим аспектом эмоциональности и заключается в семантической интерпретации эмоций [2, с. 99]. Эмотивная лексика активно используется литераторами в художественных произведениях. Художественный текст формируется автором, его взглядом на объект изображения: создатель произведения всегда стремится указать читателю, как ему стоит воспринимать героя. Художественный текст формируется автором, его взглядом на объект изображения: создатель произведения всегда стремится указать читателю, как ему стоит воспринимать героя.

Ярким произведением, которое изобилует примерами выражения эмотивности, служит «Клуб радости и удачи» – первый роман американской писательницы Эми Тан, который был опубликован в 1989 году. В произведении раскрывается множество актуальных проблем: сохранение культурной идентичности, роль женщины в обществе, взаимодействие родителей и детей. Роман повествует о судьбах четырех китайцев, иммигрировавших в Сан-Франциско. Несмотря на череду трудностей, героини решают держаться вместе и создать свой небольшой круг – «Клуб радости и удачи». Автор пишет трогательную историю, создавая мигрантскую идентичность каждой героини [1, с. 179].

В романе для выражения эмоциональности используются разнообразные лингвистические средства.

На фонетическом уровне автор для проявления эмоционального состояния радости и восторга использует звуковые сочетания *Пань!* или *Чых!*, являющиеся непрямым подражанием звукам, возникающим при игре с фишками: *Once we started to play, nobody could speak, except to say «Pung!» or «Chr!» when taking a tile* [4, с. 9].

Признаки колебания или несогласия автор передает с помощью удлинённого произнесения невнятного звука, например: *Hnnnh! How could we laugh, people asked* [4, с. 9].

Также мы можем наблюдать выражение эмотивности на фонетическом уровне при помощи повторяющихся звуковых сочетаний, используемых для привлечения внимания: *Ching! Ching!* [4, с. 28].

Фонетические средства используются для выражения не только положительных, но и отрицательных эмоций, например восклицания *Вax!*, *Ax!*: *When the firecrackers went off, he cried loud – wah! – with a big open mouth even though he was not a baby* [4, с. 33]; *Suddenly I heard people crying, «Ahh! Ahh! Ahh!» and I thought, At last, the day has begun!* [4, с. 53].

С помощью непрямого звукоподражания, напоминающего глухой стук, писательница передает напряжённую обстановку вокруг персонажей: *Something inside of you starts to fade and you become like a starving person, crazy-hungry for light. Outside I could hear the bombing. Boom! Boom!* [4, с. 8].

В главе «Красная свеча» судьбу героини Линьдо родители решили ещё в детстве. Она была обещана в жёны мальчишке из богатой семьи Тянь Ю. При первой встрече маленькой невестки, будущая свекровь Хуан Тайтай недоверчиво рассматривала девочку и прошипела, что у неё скверный характер, показывая свою неприязнь к ней: *Huang Taitai whispered in her shrrhh-shrrhh voice that perhaps I had an unusually bad pichi, a bad temper* [4, с. 32].

Эми Тан прибегает к использованию аллитерации, например, звука *x*, передающего гармоничное и принимающее происходящее состояние героини: *Higher and higher, above the alley, over the tops of tiled roofs* [4, с. 71].

Среди лексических показателей эмотивности автор прибегает к сравнениям, гиперболам, метафорам и т. д.

Для демонстрации сильного характера автор использует метафору, скрыто сравнивая глаза героини с глазами тигра: *He held my chin and stroked my cheek and said, «Yingying, you have tiger eyes. They gather fire in the day. At night they shine golden»* [4, с. 192].

С помощью метафоры Эми Тан отражает традицию уважения старшего поколения и высоких ожиданий от молодого поколения: *And when my brother shouted that Auntie was a talking chicken without a head, she pushed my brother against the gate and spat on his face* [4, с. 26].

Автор метафорически актуализирует эмоцию скрытости, сравнивая правду с кипящим супом в кастрюле, накрытой крышкой, чтобы секреты, которые нужно хранить от детей, не

переливались из кастрюли: *Secrets are kept from children, a lid on top of the soup kettle, so they do not boil over with too much truth* [4, с. 184].

Используя гиперболу *тысячу лет*, мама Лены Сент-Клэр поучает и пугает её: *He had lived there for thousands of years, she said, and was so evil and hungry that had my mother not rescued me so quickly, this bad man would have planted five babies in me and then eaten us all in a six-course meal, tossing our bones on the dirty floor* [4, с. 73].

Наиболее распространенным является сравнение. Для выражения эмоции боли, которую испытала Лена от слов матери, автор использует сравнение с электрическим током: *My mother knows how to hit a nerve. And the pain I feel is worse than any other kind of misery. Because what she does always comes as a shock, exactly like an electric jolt, that grounds itself permanently in my memory. I still remember the first time I felt it* [4, с. 128].

Роуз Су чувствует себя запутанной и поставленной в тупик, она не понимает смысла своей жизни и часто подвергается влиянию других. Её мама пытается помочь побороть это состояние и сравнивает девушек с деревьями: *A girl is like a young tree* [4, с. 147].

Для описания страха, растерянности, тревожного состояния человека во время войны автор сравнивает людей, испугавшихся бомбёжки, с дикими животными: *When the sirens cried out to warn us of bombers, my neighbors and I jumped to our feet and scurried to the deep caves to hide like wild animals* [4, с. 26].

Также писательница прибегает к сравнению растерянных и перепуганных людей с новорождёнными котятками: *So when the bombing sounds grew farther away, we would come back out like newborn kittens scratching our way back to the city* [4, с. 8].

При организации клуба в такое голодное, трагическое и печальное время героини столкнулись со множеством осуждений со стороны. Они понимали сограждан, однако этот клуб они воспринимали как спасение в море отчаяния: *But to despair was to wish back for something already lost. Or to prolong what was already unbearable* [4, с. 8].

В главе «Шрам» писательница использует интересное сравнение. Аньмэй, описывая свою тётю, сравнивает её язык с «голодными ножницами»: *Auntie had a tongue like hungry scissors eating silk cloth* [4, с. 19]. При этом следует отметить, что само выражение «голодные ножницы» является метафоричным и выражает отрицательную эмоциональную составляющую. Соответственно, этим сравнением Аньмэй показывает своё презрительное отношение к своей тёте.

Китайские традиции довольно строги, честь и достоинство для человека являются главными ориентирами. Тётя Попо была озлобленной на детей из-за неблагодарного поведения их матери, которая шокировала семью, став наложницей богатого мужчины средних лет после смерти своего мужа. Мать Аньмэй не ждали в доме и всячески презирали. Тётя Попо очень грубо и жестоко обращалась с её детьми, она кричала, била их и всячески изолировала детей от матери. Рассуждая о хрупкости человеческой чести, тётя Попо сравнивает позор человека с падением ожерелья в колодезь: *When you lose your face, An-mei, – Popo often said, – it is like dropping your necklace down a well. The only way you can get it back is to fall in after it* [4, с. 26].

Находясь между двух огней, Аньмэй во время одного из приезда мамы и дальнейшего скандала получает увечье: во время ссоры на Аньмэй опрокидывается горячая супница. Героиня воспринимает полученный болевой шок от огненно-горячей жидкости как злость окружающих, направленную на неё: *And then with one shout this dark boiling soup spilled forward and fell all over my neck. It was as though everyone's anger were pouring all over me* [4, с. 29].

Всё детство родные обращались к Линьдо как к невестке Хуан Тайтай, учили быть терпеливой и управляться по хозяйству. При плохом поведении или болезни мать говорила дочери, что у неё ужасно кислое лицо, и Хуан Тайтай может отказаться от такой невестки, тогда в качестве защитной реакции Линьдо плакала и делала своё лицо ещё более ужасным: *And I would cry more to make my face uglier* [4, с. 33].

Когда Линьдо подросла, она покорно следовала несправедливому решению родителей, но перед свадьбой к героине приходит внезапное осознание собственной силы – она сравнивает себя с ветром: *I had on a beautiful red dress, but what I saw was even more valuable. I was*

strong. I was pure. I had genuine thoughts inside that no one could see, that no one could ever take away from me. I was like the wind [4, с. 38].

Линьдо просыпается от раската грома и наблюдает, как бежит кухарка, похожая на перепуганную курицу: *...scared as a chicken about to lose its head* [4, с. 40]. Использование приёма иронии поддерживается описанием того, что героиня, несмотря на угнетающую обстановку, смеётся над наблюдаемой нелепой ситуацией: *I laughed. The whole sky became light and then more thunder came, and she ran out of the courtyard and down the road, going so fast and hard I could see pebbles kicking up behind her. Where does she think she's running to, I wondered, still laughing* [4, с. 40].

Согласно китайской традиции, если подождённые свечи с инициалами пары догорали до конца без затухания, это свидетельствовало о вечном соединении жизни мужа и жены, жена не имела права выйти повторно замуж даже после смерти мужа. Героиня же молилась всем богам о скорейшем погашении свечи мужа. Она волновалась, от переживаний у неё перехватывало дыхание, но свеча не гасла. Линьдо набрала в лёгкие воздуха, ощутив, что она собрала всю оставшуюся надежду, и дунув, погасила фитиль: *My throat filled with so much hope that it finally burst and blew out my husband's end of the candle* [4, с. 40]. С помощью гиперболы Эми Тан транслирует всю силу надежды девушки на лучшее.

Когда свеча потухла, она испытывает вину и страх, для передачи которых автор использует такой стилистический приём, как гротеск: девушке кажется, что её убьёт разящий нож или заберут небеса: *I thought a knife would appear and cut me down dead. Or the sky would open up and blow me away* [4, с. 41].

Для того чтобы вырваться из оков семьи мужа и не опозорить родных, Линьдо придумывает идеальный и хитрый план. У неё получилось уверить родственников мужа в том, что в её сне она не может быть женой Тянь Ю и матерью их будущих детей, так как по судьбе ему подходит другая девушка. Для большей убедительности Линьдо прибегает к плачу и изображает преувеличенное переживание: *I was clutching my mouth with one hand and my eyes with another. My body was writhing as if I were seized by a terrible pain* [4, с. 43].

На синтаксическом уровне для отражения эмоций Э. Тан использует многоточия. Многоточия и повторы передают разные переживания героев, которым трудно подобрать слова. Например, они выражают растерянность и неуверенность, когда мать учит свою дочь быть тихой и не думать только о себе: *This is because...because if you ask it...it is no longer a wish but a selfish desire, – said Amah* [4, с. 49]; передают эмоцию испуга, когда Лена Сент-Клэр слышит крики девушки, которую преследовали: *Who am I to say!...Why do you keep buggin' me?...Then get out and stay out!...rather die rather be dead!...Why doncha then!* [4, с. 78]; либо отражают радость героини от переполняющих её чувств, когда она делится идеями со своим мужем: *You...you...could do new theme eating places...a...a...Home on the Range!* [4, с. 117].

Автор намеренно опускает восклицательные знаки, чтобы передать переживания героини, которая начинает демонстративно, без искренности радоваться жизни в новой семье: *So I gave a big smile and shouted: What a lucky girl I am. I'm going to have the best life* [4, с. 36].

Таким образом, в романе для выражения эмоциональности используются разнообразные лингвистические средства. Эмотивность в данном произведении раскрыта на нескольких уровнях: фонетическом, лексическом и синтаксическом.

Анализ романа Э. Тан «Клуб радости и удачи» показал, что американская художественная литература использует различные средства для выражения эмоциональности. С помощью многоуровневого выражения эмотивности автор рисует объёмную картину проявления всего спектра эмоций. На фонетическом уровне писательница больше всего использует различные звуковые сочетания, выражающие радость, грусть и страх. На лексическом уровне автор широко использует сравнения, метафоры, гиперболы, насыщая повествование эмоциями. На синтаксическом уровне лидирует многоточие, передающее различные переживания персонажей. Следует отметить, что автору удалось правдиво передать жизненный путь героев, переживающих сложности, выражая их эмоции преимущественно посредством лексических и синтаксических средств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Толкачев С. П. Проблемы гибридной идентичности в современной мультикультурной литературе / С. П. Толкачев // Знание. Понимание. Умение. – 2013. – № 2. – С. 177–182.
2. Ульянова М. А. Категория эмотивности как лингвистическое понятие и основные подходы к ее изучению / М. А. Ульянова // Актуальные вопросы современной науки. – 2011. – № 1. – С. 98–111.
3. Шаховский В. И. Голос эмоций в языковом круге homo sentiens / В. И. Шаховский. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015. – 144 с.
4. Tan A. The Joy Luck Club / Amy Tan. – New York : Rosetta Books LLC, 2003. – 197 p.

УДК 81'373

Маслова В. А.

**ПРОБЛЕМЫ КОММУНИКАТИВНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ
В ТРУДАХ А. М. ЭМИРОВОЙ**

***Аннотация.** Статья посвящена реализации основных теоретических положений ученого-фразеолога профессора А. М. Эмировой, которая на несколько десятилетий опередила свое время, в современных исследованиях. Отражены ее основные достижения в области фразеологии. Отмечено, что фразеологические труды и особенно докторское исследование поставило А. М. Эмирову в первый ряд отечественных фразеологов. Проанализирована группа фразеологизмов, характеризующих различные эмоции и эмоциональные состояния человека, закреплённые во фразеологической картине мира русской языковой личности.*

***Ключевые слова:** фразеологическая единица, коммуникативно-прагматический аспект, картина мира, эмоции.*

Maslova V. A.

**PROBLEMS OF COMMUNICATIVE PHRASEOLOGY
IN THE WORKS OF A. M. EMIROVA**

***Annotation.** The article is devoted to implementation the views of the scientist-phraseologist Professor A. M. Emirova, who was several decades ahead of her time. Her main achievements in the field of phraseology are reflected. It is noted that phraseological works and especially doctoral research put A. M. Emirova in the first rank of domestic phraseologists. A group of phraseological units characterizing various emotions and emotional states of a person, enshrined in the phraseological picture of the world of the Russian linguistic personality is analyzed.*

***Key words:** phraseological unit, communicative and pragmatic aspect, worldview, emotions.*

Постановка проблемы. С 70–80-х годов прошлого века человек говорящий становится ключом исследования всех аспектов языка, а также условий языкового существования. Обращение современной науки к антропологической проблематике породило коммуникативную лингвистику. Оформление теории коммуникации в современной лингвистике идет уже на протяжении многих десятилетий в широком спектре дисциплин – от философии и социологии до семиотики, биологии и др.

Анализ литературы. Начинаясь коммуникативная лингвистика трудами М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, Н. Д. Арутюновой, К. Леви-Стросса, Ж. Бодрийяра, П. Грайса, Ч. Морриса, Й. Хейзинги и др. Современные исследователи в своих работах занимаются структурированием пространства, где протекает коммуникация, исследуют разные парадигмы коммуникации – культурологическую, антропологическую, прагматическую и др.

Одной из пионерских работ в области теории коммуникации стало докторское диссертационное исследование А. М. Эмировой, посвященное созданию коммуникативной фразеологии, – «Русская фразеология в коммуникативном аспекте» (1988). Это исследование поставило профессора А. М. Эмирову в первый ряд отечественных фразеологов, оно на несколько десятилетий опередило свое время.

Цель статьи – показать основные достижения в области фразеологии крупного отечественного ученого А. М. Эмировой.

Изложение основного материала. Как справедливо считает сама Адиле Мемедовна, коммуникативная фразеология – «значимая составляющая коммуникативной лингвистики в целом» [5, с. 5]. Многие идеи, поднятые в ее работе, с годами стали еще актуальнее. Не ставя своей целью проанализировать их все, остановимся только на одной – коммуникативно-прагматическом освещении группы фразеологизмов, «характеризующих различные психические параметры личности (темперамент, волю, интеллект), в том числе и ее эмоции и эмоциональные состояния» [5, с. 178]. Нас интересуют в данном контексте эмоции.

Как известно, эмоции – важнейшие составляющие языковой личности, ее деятельности и поведения, потому что «эмоции любого языкового сообщества социологизированы и психологизированы, т. е. обобщены видовым национальным опытом данного народа, они не только являются индивидуальной формой оценивания мира, но влияют на особенности нормирования межличностных отношений в социуме» [4, с. 5].

Исследования ряда ученых (В. Вейника, П. Горяева, Г. Брейдена и др.) открыли у эмоций такие свойства, которые граничат с чудом. Еще в 1944 году Макс Планк, основоположник квантовой теории, сказал, что существует «матрица», в которой зарождаются новые звезды, ДНК и сама жизнь. Исследования последних лет подтвердили, что такая матрица есть. Г. Брейден написал об этом работу и назвал ее «Божественная матрица». Там есть такие строки: «...эксперименты XX века показали, что именно человеческие чувства влияют на субстанцию, из которой состоит мироздание. Чувства – вот что вступает в коммуникацию с квантовыми силами Вселенной и меняют поведение атомов, электронов и фотонов внешнего мира. Божественная матрица понимает язык чувств...» [2, с. 14]. Отсюда интерес к эмоциям в разных науках.

Языковая личность отражает окружающий ее мир избирательно, то есть языковыми знаками обозначается только то, что важно для человека: «Эмоции как психическое явление отражают (то есть воспроизводят) в сознании человека его эмоциональные отношения к миру. Эти эмоциональные отношения являются хотя и субъективными, но социально осознанными и потому в определенной степени типизированными» [4, с. 9]. Проблема эмоций и языка разрабатывается в трудах многих лингвистов: Э. С. Азнауровой, И. В. Арнольд, В. И. Жельвиса, С. В. Ионовой, З. З. Исхаковой, И. И. Чеснокова, В. И. Шаховского и др.

Эмоции постоянно присутствуют в коммуникации, что объясняется глобальным эмоциональным раскрепощением человека. Общеизвестным объектом исследования в лингвистике стала эмоциональная коммуникация и эмотивные речевые акты [6].

Для обозначения каждой эмоции существуют свои знаки, в том числе и языковые. Их совокупность составляет семиотику эмоций человека. Значительное место в этой совокупности языковых знаков занимают фразеологические единицы.

Профессор А. Эмирова делит все эмоции на отрицательные (гнев, тревога, страх, ужас, возмущение, отчаяние и др.) и положительные (удивление, радость, любовь, восторг, восхищение и др.). Каждую из названных эмоций образует ряд фразеологизмов, которые она назвала *полем*. Например, поле *тревоги* составляют такие фразеологизмы, как *душа болит, душа не на месте, скребет на душе* и др. При этом автор справедливо указывает на диффузность семантики ряда фразеологических единиц (их выделяется 30). Семантика их синкретична – например, *чтоб пусто было* – это проявление досады, недовольства, злобы; *дух захватывает, бросает в жар* – это высшая степень проявления эмоций как положительных (от любви), так и отрицательных (от гнева).

С момента выхода книги прошло более 30 лет, поэтому можно сделать, опираясь на исследование А. М. Эмировой, следующий шаг.

Во-первых, нужно сказать, что почти все эмоции национально-специфичны, а не универсальны. Например, страх. Причины этой эмоции могут быть самыми разными у людей разных национальностей. Так, ассоциативные эксперименты показали, что русские больше всего боятся темноты, змей, а якуты – угнетения. Фразеологизмы *душа на небе, душа поет, душа*

радуется, быть на седьмом небе, распахивать душу, от полноты души и др. обозначают положительные эмоции. В основе семантики этих фразеологизмов лежат два образа – душа как человек (*душа поет, душа радуется, душа на небе*) и душа как сосуд, емкость (*заглядывать в душу, распахивать душу, от полноты души*).

Возникла идея установить, как, например, в близкородственных культурах – русской и белорусской – воспринимаются носителями языка эти фразеологические единицы, каковы языковые предпочтения русских и белорусов, каковы причины этих предпочтений. Для выяснения этого был проведен эксперимент. Испытуемым – 20 студентам русского отделения филологического факультета и 20 – белорусского отделения – было предложено пять фразеологизмов, которые фиксируют негативные чувства – беспокойства, волнения, тревоги. Испытуемые должны были отметить на листе со списком фразеологизмов, какое конкретно чувствосостояние обозначается той или иной фразеологической единицей.

Ответы испытуемых показали то, что важно для теории фразеологии: исходный образ метафоры (человек, сосуд), лежащий в основе фразеологизма, не влияет на его современное значение. Более того, ответы показали такую картину: носители русского языка фразеологизм *душа не на месте* связывают с беспокойством. Описывая ситуацию, испытуемые чаще всего прибегают к выражению «не находить себе места», «метаться с места на место». Носители же белорусского языка определяют этот фразеологизм как выражение тревоги и совершенно точно описывают ситуацию как «ожидание чего-то плохого». Такое же значение и сходную ситуацию для этого выражения употребляет и В. Н. Телия в своем словаре «Образных выражений русского языка»: «Возникает чувство сильной тревоги, подразумевается ожидание чего-либо плохого, опасного» [3, с. 75]. Таким образом, носители белорусского языка в данном случае оказались более чуткими к определению истинного смысла идиомы.

Во-вторых, автор книги А. М. Эмирова прозорливо указала на высокую степень синкретизма семантики ряда фразеологических единиц. Действительно, большинство фразеологизмов типа *глаза на мокром месте, кровь бросилась в лицо, с легким сердцем* могут обозначать и положительные и отрицательные состояния человека. Изучая явление фразеологической номинации в рамках самой фразеологической системы, мы должны помнить, что коммуникативный подход требует учета роли адресата: узнает ли он фразеологизм в речи, различает ли его коннотацию и оценку и др. Проведенный эксперимент показал высокую однотипность ответов. Поэтому можно предположить, что ответы можно экстраполировать на все национальное сообщество.

В-третьих, все названные эмоции можно распределить по их значимости в культуре. Так, в поле положительных эмоций центром будет *любовь*. Попробуем объяснить, почему.

Любовь – важнейшее проявление человека, то, что связывает его с Богом и себе подобными, одно из самых важных проявлений личности. Как сказал известный психолог А. Маслоу, любовь индивидуально-неповторима, целостна, личностна в каждом конкретном случае, а потребность в любви относится к базовым потребностям человека.

Есть много научных определений любви, выведены ее научные формулы, лингвистами написаны целые книги о любви. Выделены разные виды любви: любовь к Богу, любовь к Родине (патриотизм), любовь к человеку; любовь к искусству, природе, путешествиям; родительская любовь, любовь к противоположному полу и т. д. [1]. Но самым необычным видом любви, доступным не всем, является любовь к своим врагам: «Любите врагов ваших» (Мф. 5: 44). При всем своеобразии любовь – сложное чувство. Так, русский философ В. Соловьёв смысл любви видел в единении одного человека с другим. Именно в любви человек становится личностью. Но есть еще одна ипостась любви. *Вера, надежда, любовь* стоят в одном ряду, но «любовь из них больше», так как она переживет надежду (Кор. 13: 8–14). Отсюда следует, что существует еще одно понимание любви – теологическое.

В русском языковом сознании любовь тесно связана со *страданием*. Вся русская поэзия пропитана любовными страданиями:

*О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей*

*Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей...* (Ф. Тютчев).

И все же любовь – светоносное начало, абсолютное благо, как доброта, совесть, милость, сострадание. Все это созидательные ценности. Нам удалось установить на поэтическом материале связь любви с такими ипостасями, как нежность, семья, дружба, страсть, война, ненависть, страдание, тоска, грех, секс, судьба, молитва, ангел, служение, служение, благоговение и др. Это одновременно и самостоятельные понятия-концепты, и составляющие смыслы любви.

Для того чтобы отразить и зафиксировать данное чувство в языке, используются разные фразеологические единицы: *витать в облаках, до потери пульса, до умопомрачения, душа не на месте, на седьмом небе, отвести душу, отлегло от сердца, с легкой душой, сходить с ума, потерять голову, вкладывать душу, души не чаять, без оглядки, от чистого сердца, по душе, по уши, принимать близко к сердцу* и др. Как показывают наши наблюдения, названные фразеологизмы составляют сущность любви, ее степень (*до потери пульса, по уши, до умопомрачения*), общее состояние человека (*витать в облаках, отлегло от сердца, с легкой душой*), близость любви к болезни (*сходить с ума, потерять голову*) и др. При этом удивительно то, что многие фразеологизмы содержат в своей семантике мировые открытия состояний мира и человека. Так, фразеологизм *струны души* получил научное объяснение только в конце XX века: специалисты по биорезонансу установили, что, воздействуя на организм звуковым спектром разной длины, мы можем вызвать различные эмоциональные реакции, то есть «душа поет», «струны души» – это объективная реальность.

Таким образом, эмоция *любовь*, зафиксированная во фразеологических единицах, отличается парадоксальностью, диффузностью, амбивалентностью.

Фразеологическая картина мира должна рассматриваться, по мнению А. М. Эмировой, с позиций деятельностного и когнитивного подходов. Деятельностный подход важен потому, что человек формируется (игровая деятельность) и существует в деятельности (профессиональная и другие виды). Именно деятельность формирует фразеологическую картину мира, которая имеет общечеловеческую и национальную составляющие.

Выводы. Мы живем в мире ментальных схем, предложенных нам языком вообще и фразеологическими единицами в частности, зачастую думая, что это объективные схемы. Эти ментальные схемы позволяют нам понимать метафору, фразеологизм и другие сложные номинации. Так формируется национальная языковая картина мира, которая направляет наше миропонимание, поэтому мы в значительной степени зависим от нее, то есть от языка в целом, который определяет наше мировоззрение, а хорошая национальная поэзия добавляет в нее новый опыт, как бы подрисовывает фразеологическую картину мира.

По справедливому и прозорливому замечанию Адиле Мемедовны Эмировой, фразеологизмы – это «кладезь премудрости» народа, сохраняющий и менталитет народа, и его культуру. Фразеологизмы, благодаря своей образности, хранят и доносят до нас культурные смыслы, способные стать знаками «языка культуры».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамов А. И. Метафизика любви и философия сердца в русской философской культуре / А. И. Абрамов // Философия любви : в 2 ч. – М. : Изд-во политической литературы, 1990. – Ч. 1. – С. 149–161.
2. Брейден Г. Божественная матрица / Г. Брейден. – М. : София, 2018. – 311 с.
3. Словарь образных выражений русского языка / Т. С. Аристова, М. Л. Ковшова, Е. А. Рысева и др. ; под ред. В. Н. Телия. – М. : Отечество, 1995. – 368 с.
4. Шаховский В. И. Голос эмоций в языковом круге *homo sentiens* / В. И. Шаховский. – М. : Книжный дом «Либроком», 2012. – 144 с.
5. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении / А. М. Эмирова. – Симферополь : ООО «Научный мир», 2020. – 228 с.
6. Язык эмоций в английском тексте: когнитивный и коммуникативный аспекты / О. Е. Филимонова. – СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. – 259 с.

Прудникова Т. І.

СТРУКТУРНО-ГРАМАТИЧНІ МОДЕЛІ ФРАЗЕОЛОГІЧНИХ ОДИНИЦЬ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ З КОМПОНЕНТАМИ-НАЗВАМИ ПРОДУКТІВ ХАРЧУВАННЯ

Анотація. У статті розглядаються структурно-граматичні моделі фразеологічних одиниць із компонентами-назвами продуктів харчування. На основі аналізу класифікацій і дослідженого матеріалу виділено дві групи фразеологічних одиниць із компонентами-назвами продуктів харчування: фразеологічні одиниці, співвідносні за своєю будовою зі словосполученнями; фразеологічні одиниці, які структурно організовані за моделями речення. Установлено, що домінуючими моделями є бінарні моделі, а найчисленнішою групою є дієслівна фразеологія.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, модель, компоненти-назви продуктів харчування, структурно-граматична характеристика.

Прудникова Т. И.

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ УКРАИНСКОГО ЯЗЫКА С КОМПОНЕНТАМИ-НАЗВАНИЯМИ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются структурно-грамматические модели фразеологических единиц с компонентами-названиями продуктов питания. На основе анализа классификаций и исследованного материала выделено две группы фразеологических единиц с компонентами-названиями продуктов питания: фразеологические единицы, соотносимые по своему строению со словосочетаниями; фразеологические единицы, структурно организованные по моделям предложения. Установлено, что доминирующими моделями являются бинарные модели, а самой многочисленной группой является глагольная фразеология.

Ключевые слова: фразеологическая единица, модель, компоненты-названия продуктов питания, структурно-грамматическая характеристика.

Prudnikova T. I.

STRUCTURAL AND GRAMMATICAL MODELS OF PHRASEOLOGICAL UNITS OF THE UKRAINIAN LANGUAGE WITH COMPONENTS-NAMES OF FOOD PRODUCTS

Annotation. The article discusses structural and grammatical models of phraseological units with a components-names of food products. Based on the analysis of the classifications and the material studied, two groups of phraseological units with a components-names of food products are distinguished: phraseological units that are correlated in their structure with word combinations; phraseological units, structurally organized by the model sentences. It is established that the dominant models are binary models, the verbal phraseology is the largest group.

Key words: phraseological unit, model, components-names of food products, structural and grammatical characteristics.

Постановка проблеми. Однією з актуальних проблем при дослідженні фразеології є моделювання фразеологічних одиниць (ФО), яке багатьма вченими вважається новим і надзвичайно перспективним напрямком у дослідженні фразеологічного корпусу мови [4, с. 65]. Деякими вченими моделювання фразеологічних одиниць узагалі не визнавалося. Якщо у більш ранніх працях низки дослідників (Н. Н. Амосової, А. В. Куніна, І. І. Чернишової й багатьох інших) вважалося, що значення фразеологічної одиниці має одиничний характер і що вона не утворюється за моделлю, яка б визначала собою і структуру, і конкретний смисловий результат відтвореного за нею утворення, то зараз ця теза переглядається.

У науковій літературі трапляються різні визначення поняття модель: від відносно конкретної схеми закономірного розташування елементів у мовних одиницях до гіпотетичної наукової побудови – конструкта, який не є частиною мови як системи [8, с. 49]. У лінгвістичному аспекті, на нашу думку, вдалим є визначення поняття *модель* В. М. Мокієнком як типу синтаксичних конструкцій, за якими утворюється низка сталих сполучень [8, с. 51].

Аналіз літератури. Структурно-граматичному й структурно-семантичному аналізу фразеологічного масиву присвячені дослідження Л. Г. Авксентьєва [1], М. Ф. Алефіренка [2], М. Т. Демського [5], О. М. Каракуці [7], В. М. Мокієнка [8], М. В. Скаб [13], В. М. Русанівського [12]. Розглядалися структурно-граматичні моделі українських фразеологізмів з різними компонентами в працях Н. Ф. Грозан [3] і Т. І. Прудникової [9–11]. Окремі типи фразеологізмів як ілюстративний матеріал використовувались у працях Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюнової, Ю. О. Гвоздарьова, І. О. Голубовської, О. А. Ломова, Л. Г. Скрипник, В. М. Телії, О. В. Урисон та ін. Однак структурно-граматичні типи фразеологізмів української мови вивчені недостатньо: бракує спеціальних монографічних досліджень і наукових праць.

Мета статті – вирізнити з творів українських письменників фразеологічні одиниці із компонентами-назвами продуктів харчування, визначити домінуючі типи їхніх структурно-граматичних моделей.

Виклад основного матеріалу. Аналіз структурно-граматичних класифікацій і досліджений фразеологічний показав, що за своєю будовою фразеологічні одиниці з компонентами-назвами продуктів харчування можна поділити на дві великі групи: 1) фразеологічні одиниці, співвідносні за своєю будовою зі словосполученнями; 2) фразеологічні одиниці, які структурно організовані за моделями речення.

У фразеологічному масиві **першої групи** виявлено п'ять моделей фразеологічних одиниць.

1. Фразеологічні одиниці, структурою яких є «прикметник» і «іменник» (модель **A+N**). У цій моделі граматично панівним виступає іменник, а прикметник залежним, перебуваючи, як правило, в препозитивній позиції: *березова каша, великий хліб, ласкавий хліб, легкий хліб, велика риба, лежаний (лежачий) хліб, проханий (прошений) хліб, тяжкий хліб, хліб насущний (насушний), пташине (пташаче) молоко, медовий місяць, капустана голова* та ін. Наприклад: – *Тепер вірю, що буде в нас школа, хоч і **тяжкий** ваш **хліб*** (М. П. Стельмах); – *Інші працюють, а вона тиняється без діла... гонивітерка, видно, **легкого хліба** шукає* (О. Гончар). До фразеологічних одиниць цієї моделі примикають фразеологізми, будовою яких є сполучення іменника із займенником: *свій хліб*. Наприклад: *Треба було й йому, скінчивши школу, злазити з батьківської шиї, – **свого хліба** шукати* (Панас Мирний).

2. Фразеологічні одиниці, структурою яких є «прийменник + прикметник (займенник, числівник) + іменник» (модель **prep+A (Pron, Num)+N**), є непродуктивною при творенні ФО на позначення продуктів харчування. У досліджуваному матеріалі зафіксовано поодинокі приклади фразеологічних одиниць цієї моделі: *з молоком матері, з однакового тіста, з медом на вустах*. Наприклад: *Завідуючий був старий лис, **з медом на вустах**, якого, проте, радили мені стерегтися* (С. В. Васильченко); *Пісня входить в духовне єство **з молоком матері*** (А. С. Малишко).

3. Фразеологічні одиниці, структурою яких є «дієслово+іменник з прийменником або без нього» (моделі: **V+N(x)**, **V+prep+N(x)**). Фразеологічні одиниці цієї моделі є однією з найчисленніших груп на позначення продуктів харчування, оскільки дієслівно-іменні словосполучення є найпродуктивнішими щодо фразеологізації. Стрижневим у фразеологічних одиницях цих моделей виступає дієслівний компонент.

Модель **V+N(x)** представлена у вигляді таких конструкцій:

- а) модель **V+Nacc**: *їсти хліб, добувати хліб, одбити хліб, пустити юшку, терти мак (часник), заварити пиво (кашу), ловити рибку* та ін.; наприклад: *Сиверяни впевнилися, що пан Бжеський – людина розумна й хазяйновита і що з ним можна **варити кашу*** (З. П. Тулуб);
- б) модель **V+Ngen**: *покуштувати хліба, скуштувати вершків, скуштувати каші, скуштувати меду, дати меду, пустити юшку, наїстися буханів (буханців), ловити окунів, наїстися го-*

роху, всипати перцю та ін.; наприклад: *Хто може збити Гекторову славу, Як не Ахілл? Воно то ніби жарт, Але багато між людьми заважить, Бо тут троянці можуть скуштувати Найсмаковитіших у нас вершків* (Шекспір, перекл. Миколи Лукаша) [ФПМЛ, с. 37];

в) модель **V+Ninstr**: *обрости салом, умитися юшкою, мазати медом, мазнути медом* та ін.; наприклад: *Він осаджує біля мене лошат і киває на них бровами й вусищами. – Ну, як?! – Змії! – кажу лише одне слово. Моя відповідь медом маже дядька Миколу* (М. Стельмах).

Іменники-компоненти загальної моделі **V+prep+N(x)** стоять у знахідному, родовому, орудному та місцевому відмінках: *плюнути в кашу, дати на горіхи, скочити в гречку, мати на горіхи, всипати на галушки, мати на рибу, розбитися на яєчню, скакати в гречку, посікти на капусту, казиритися з жиру, дмухати в кашу* та ін. Наприклад: *Мама стоять біля печі зажурені й зустрічають мене такими-о словами: – Довчився? Матимеш тепер від батька на рибу* (І. К. Микитенко); *Дах добрих двадцять метрів заввишки. Мені не дуже-то кортить гепнутися звідтіль на бетон і розбитися на яєчню* (Стіль, перекл. Миколи Лукаша) [ФПМЛ, с. 534].

Проаналізований матеріал свідчить, що у фразеологічних одиницях на позначення продуктів харчування поширеною є ускладнена група ФО моделей **V + N(x)** і **V + prep + N(x)**, коли при стрижневому дієслові залежними бувають два чи три компоненти. Нами зафіксовано двокомпонентні, трикомпонентні, чотирикомпонентні, багатоконпонентні ФО: *частувати / почастувати березовою кашею, дати (всипати) березової каші, шукати пташиного молока, скуштувати гарбузової каші, дати хліб у руки, за сім верст киселю їсти, на припічку кашу їсти, перебиватися з хліба на сіль, ніяким медом не заманити, ділити хліб-сіль пополам, посадити на хліб та на воду, ловити рибку в каламутній воді, ділитися останнім шматком хліба, стає руба шматок хліба в горлі, недосипати та недоїдати шматка хліба, відривати шматок хліба від рота, розрідити олію в голові, наколотити гороху з капустою, наговорити сім мішків гречаної вовни* та ін. Наприклад: *– Вони [тесть і теща Нечипора] ... усе старцям подавали, та бідних зодягали, та з неймуцим посліднім куском хліба розділялись* (Г. Ф. Квітка-Основ'яненко), *Експедиторський нахил у Жори виявився неабиякий. Підхід рибальський – хвацько ловив рибку в каламутній воді* (О. І. Ковінька).

Трапляються випадки введення в структуру фразеологічної одиниці заперечної частки **не**, яка надає фразеологізму протилежного значення: *не дати наплювати собі в кашу, не дати наплювати собі в кашу, не звариш каші, не полізе в горло хліба шматок* та ін. Наприклад: *І сон не прийде, і не полізе в горло хліба шматок, коли чекаєш, що ось-ось на тебе впаде град* (Ю. О. Збанацький).

4. Послуговуючись класифікацією Л. Г. Авксентьева [1], виділено також моделі ФО на позначення продуктів харчування, що становлять собою конструкції з сурядними та підрядними сполучниками. Досліджуваний матеріал свідчить, що конструкції з сурядними сполучниками є не досить продуктивними: *і риби наловити, і ніг не змочити; [і] хліб і до хліба, ні мед ні кутя*. Наприклад: *А коли підрубала, значить, селянське господарство, то тут тобі й робочому ні мед ні кутя, і тим що пишуть ото та на рахівницях клацають* (Ю. О. Збанацький).

Серед фразеологічних одиниць цієї групи помітне місце займають фразеологізми, що становлять собою конструкції з підрядними сполучниками, які широко вживаються у досліджуваному матеріалі: *як вареник у маслі (у сметані), як (мов, ніби і т. ін.) рак [печений, варений], як бобер у салі, як риба з водою, як печене яблуко, як води напитися, як (мов, ніби) гірка (парена) редька, мов пшениця на сонці, купатися як сир у маслі, як медом по губах, як собака редьку (цибулю), як меду полизати, як молоко та кров, йшло як по маслу, як горохом об стіну* та ін. Виступаючи в порівняльній функції, ці сполучники майже в однаковій мірі надають виразам відтінків неповторності, подібності, схожості. За моделлю ці фразеологізми нагадують підрядні речення, але в результаті фразеологізації у більшості з них компаративна семантика нівелювалася [1, с. 108]. Наприклад: *Крав [конвоїр], безумовно, мав кілька штабквартир... у кожному селі в молодих одиноких удів і жив собі як вареник у маслі* (Ю. О. Збанацький); *– Розплановано дуже добре. Мені такий варіант просто як медом по губах* (С. П. Доброволь-

ський); *Спочатку, зразу після гудка на обід, усе йшло як по маслу* (Стіль, перекл. Миколи Лукаша) [ФПМЛ, с. 239].

5. Фразеологічні одиниці, структуру яких становить одне повнозначне слово (іменник) (модель **prep+N**). У структурних класифікаціях українських дослідників виділяються моделі мінімальних фразеологізмів (зокрема, у класифікаціях Л. Г. Скрипник, М. Ф. Алефіренка, Л. Г. Авксентьева, М. Т. Демського зафіксовано конструкції зі сполучниками, частками, прийменниками). Цей структурний тип фразеологічних одиниць протиставляється стійким словосполученням і реченням на основі розмірів (обсягу) [6, с. 3]. У мовознавстві як синонімічні щодо мінімальних фразеологізмів уживаються терміни *мінімальна ідіома, мініїдіома* [6, с. 4]. Фразеологічний матеріал переконує, що ця модель фразеологічних одиниць є непродуктивною: *на хлібі, на горіхи, з жиру, з перцем, не мед* та ін. Наприклад: *Вибрикайсь на волі, коли дуже розжирів на товариському хлібі* (П. О. Куліш).

До другої групи фразеологічних одиниць належать такі, які структурно організовані за моделями речення. Моделі ФО на позначення продуктів харчування, організовані за структурою речення, в українській фразеології є непродуктивними. Виявлено незначну кількість таких ФО, які доцільно розподілити на дві групи: ФО, структурно організовані за моделями однокладного речення; ФО, структурно організовані за моделями двоскладного речення.

Однокладним називається речення, у якому наявний лише один із головних членів – або підмет, або присудок [12]. Зафіксовані фразеологічні одиниці на позначення продуктів харчування, що організовані за структурою однокладного безособового речення: *пахне гарбузом, пахне гірчицею, дурно хліб їсти*. Безособові речення – це речення з головним членом-присудком, який називає дію або стан, що не мають виконавця або носія. Наприклад: *Переляк добре витверезує хмільні голови. Більшість бандитів, зрозумівши, що тут пахне гірчицею, рачки поповзли назад* (В. М. Вільний); *Ой хороші дівчатонька, хто не гляне – ахне. Ой рад би я тебе сватать, та гарбузом пахне* (Л. В. Забашта).

ФО, структурно організовані за моделями двоскладного речення, більш поширені в досліджуваному матеріалі. Двоскладним називається просте речення, у якому наявні обидва головні члени (підмет і присудок) [12]: *де і перець не росте, молоко кисне, [ще] [материне] молоко на губах* (рідко *коло губів, під вусами*) *не обсохло (не висохло), дурне сало без хліба, як виросте гарбуз на вербі, заварилася каша, каша скисла* та ін. Наприклад: *А я ж думав – серце буде навіки твоє, Одказала дівчинонька: «Ось годі тобі! Тоді буде, як виросте гарбуз на вербі»* (Л. І. Глібов); *Молоко ще у вас на губах не обсохло, а збираєтесь учити мене!* (О. В. Донченко).

Зафіксовано лише фразеологічні одиниці з компонентами на позначення продуктів харчування, структурно організовані за моделлю складнопідрядного речення: *вигадувати / вигадати таке, що і в борщ не кришать; показати, на чому горіхи ростуть* та ін. Наприклад: *– От химерна Шумиха! Се вона все вигадує про мене таке, що і в борщ не кришать* (Д. Л. Мордовець).

Крім названих моделей структурно-граматичної організації фразеологізмів, Л. Г. Скрипник [14] окреме місце виділяє **вигуковим стійким виразам**, що є переважно емоційно-оцінними за значенням, виступають у ролі слів-речень або входять до складу якогось речення. Для досліджуваних ФО з компонентами на позначення продуктів харчування ця модель є непродуктивною, зафіксовано лише декілька прикладів вживання цієї структурної моделі: *хліб та (і) сіль! (хліб-сіль!)*. Наприклад: *Добридень, – скаже, хліб та сіль! Здоровенькі були з весіллям, свату!* (П. П. Гулак-Артемівський); *Хліб-сіль! – мовив [старшина], глянувши, що снідають. – Просимо, – озвалась крізь сльози Іваниха* (Леся Українка).

Отже, дослідження показали, що структурно-граматичні моделі фразеологічних одиниць із компонентами-назвами продуктів харчування є найрізноманітнішими за своєю будовою. Незалежно від структури фразеологізми за значенням і синтаксичною функцією співвідносяться з тими чи іншими частинами мови. Домінуючими моделями є моделі **V+N(x)** і **V+prep+N(x)**. Менш продуктивними ФО є ті, структуру яких становить одне повнозначне слово. Аналіз структурних типів фразеологічних одиниць із компонентами-назвами продуктів

харчування свідчить не лише про їх різноманітність, але й про специфіку, своєрідність і неповторність фразеологічного матеріалу української мови.

ПЕРЕЛІК УМОВНИХ СКОРОЧЕНЬ

ФПМЛ – Фразеологія перекладів Миколи Лукаша: Словник-довідник / уклали О. І. Скопненко, Т. В. Цимбалюк. – Київ : Довіра, 2002. – 735 с.

N – іменник, A – прикметник, V – дієслово, ргєр – прийменник, Part – дієприкметник, ргєр – прийменник; х – непрямі відмінки

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ ТА ДЖЕРЕЛ

1. Авксентьев Л. Г. Сучасна українська мова: Фразеологія / Л. Г. Авксентьев. – 2-е вид., доп. і перероб. – Харків : Вища школа, 1988. – 134 с.
2. Алефіренко М. Ф. Теоретичні питання фразеології / М. Ф. Алефіренко. – Харків : Вища школа, 1987. – 134 с.
3. Грозян Н. Ф. Фразеологічна мікросистема «Поведінка людини» в українській мові (структурно-граматичний аспект) / Н. Ф. Грозян // Культура народів Причорномор'я. № 73. – Сімферополь, 2006. – С. 235–238.
4. Губарев В. П. К типологии фразеологических моделей (на материале немецкого языка) / В. П. Губарев // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. – 1985. – № 4. – С. 65–68.
5. Демський М. Т. Граматичні особливості української дієслівної фразеології / М.Т. Демський // Мовознавство. – 1984. – № 2. – С. 24–32.
6. Зубець Н. О. Мінімальні ідіоми в українській мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Зубець Наталя Олександрівна. – Дніпропетровськ, 1997. – 20 с.
7. Каракуця О. М. Фразеологізми української мови з компонентом «душа» (структурно-семантичний, ідеографічний, лінгвокультурологічний аспекти) : автореф. дис. ... канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / Каракуця Ольга Миколаївна. – Харків, 2002. – 19 с.
8. Мокиєнко В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиєнко. – 2-е изд., исправл. и допол. – М. : Высшая школа, 1989. – 287 с.
9. Прудникова Т. І. Структурно-граматичні моделі фразеологічних одиниць української мови з компонентом *душа* / Т. І. Прудникова // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Филология. История – 2019. – № 1-2. – С. 22–27.
10. Прудникова Т. І. Структурно-граматична характеристика українських фразеологізмів з компонентом *серце* / Т. І. Прудникова // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Филология. История – 2019. – № 3-4. – С. 20–26.
11. Прудникова Т. І. Фразеологічна мікросистема «душа» в українських перекладах: структурно-граматичний аспект [Электронный ресурс] / Т. І. Прудникова // Филологический аспект : международный научно-практический журнал. – 2018. – № 4 (36). – С. 102–109. – Режим доступа : <http://scipress.ru/philology/articles/phraselogical-microsystem-soul-in-ukrainian-translations-structuralgrammatikal-aspects.html>.
12. Русановский В. М. Украинская грамматика / В. М. Русановский, М. А. Жовтобрюх, Е. Г. Городенская. – Київ : Наукова думка, 1986. – 360 с.
13. Скаб М. В. Закономірності концептуалізації та мовної категоризації сакральної сфери / М. В. Скаб. – Чернівці : Рута, 2008. – 560 с.
14. Скрипник Л. Г. Фразеологія української мови / Л. Г. Скрипник. – Київ : Наукова думка, 1973. – 279 с.

УДК 811.1

Розикова Н. Н.

СПЕЦИФИКА РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ЧИСЛОВЫМ КОМПОНЕНТОМ

Аннотация. Стаття посвящена стилистическим особенностям русских фразеологических единиц с числовым компонентом. При анализе фразеологических единиц русского языка основной упор делался на материале русских фразеологических словарей, в которых отобраны наиболее распространённые устойчивые сочетания. Выявлено, что различия фразеологических единиц по стилевой принадлежности и экспрессивной окраске объясняются тем, что

каждому из стилей языка присущи особые языковые средства и приёмы, выбираемые говорящими из общенародного запаса для выражения определённого содержания.

Ключевые слова: фразеологические единицы, стилистика, область, разговорные фразеологические единицы, книжные фразеологические единицы, устойчивость фразеологических единиц, структура фразеологизмов.

Rozikova N. N.

SPECIFICITY OF RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS (PU) WITH A NUMERICAL COMPONENT

Annotation. *The article is devoted to the stylistic features of Russian phraseological units with a numerical component. When analyzing phraseological units of the Russian language, the main emphasis was placed on the material of Russian phraseological dictionaries, in which the most common stable combinations were selected. Thus, the differences in phraseological units in terms of stylistic affiliation and expressive coloring are explained by the fact that each of the styles of the language has special language means and techniques chosen by speakers from the public stock to express certain content.*

Key words: *phraseological units, stylistics, area, colloquial phraseological units, bookish phraseological units, stability of phraseological units, structure of phraseological units.*

Постановка проблемы. Фразеологические единицы, по которыми понимаются устойчивые, образные, эмоционально заряженные фразы, имеющие интегральное значение, которые, в отличие от обычных комбинаций слов, не создаются в речи, а воспроизводятся, существуют во всех языках. Фразеологические единицы не могут быть составлены, их нужно запоминать, и, чем больше мы их знаем, тем точнее и красочнее мы можем выразить свои мысли. Чем образнее речь, тем она ярче, живее, интереснее, тем сильнее воздействует на того, к кому она обращена.

Целью статьи является выявление стилистических особенностей русских фразеологических единиц с числовым компонентом.

Изложение основного материала. Эмоциональность – способность фразеологизма не только назвать предмет, явление, но и выразить определённое чувство говорящего или пишущего: *голубая мечта, загореться желанием, колесо Фортуны*. Устойчивые словосочетания по своей эмоциональной окраске отличаются степенью интенсивности: *лечь слезы, обливаться слезами, утопить в слезах, выплакать все глаза*; когда людей много, можно сказать *яблоку негде упасть*, а можно – *сельди в бочке* (сразу видно отношение к людям) или людей много, как *звезд на небе* (это уже ода человечеству). Или говорят *кот наплакал*, а можно с иными оттенками о том же самом – *с гулькин нос, как украл, капля в море*.

Русский язык очень богат образными выражениями, которые мы всё реже, к сожалению, используем в своей речи. А когда используем – зачастую не понимаем изначального смысла. А ведь у многих из этих устойчивых слов и словосочетаний есть целая история. Употребление в речи фразеологизмов создаёт определённые трудности, поскольку языковая норма требует точного их воспроизведения, что не всегда учитывается говорящими.

Очень важно правильно подбирать фразеологизмы в разных стилях речи. Разговорный стиль в большей степени, чем другие, обладает ярким своеобразием языковых черт, выходящих за рамки нормированного литературного языка, фразеологизмы в нём используются для выражения чувств, эмоций: *водой не разольешь, как сыр в масле*. Сюда же можно отнести просторечные фразеологизмы, они чаще выражают иронию и неодобрительность: *шут гороховый, водить за нос*. В деловом стиле лучше использовать стилистически нейтральные выражения, имеющие значение оценки: *оставлять желать лучшего*; или же устоявшиеся речевые формы, постоянно воспроизводящиеся в служебных документах, по своей роли они сближаются с фразеологизмами: *принять к сведению, принять во внимание*. В публицистическом стиле необходимо привлечение внимания, фразеологизмы характеризуют какое-то событие, человека, при этом вызывая ассоциации: *власть имущие, войти в историю, оказать почетный прием*.

Безусловно, важнейшей функцией любого языка является коммуникация. Но будучи наиболее общей функцией, она может быть реализована в функциях более конкретных по своей сущности: 1) речевое общение в узком понимании: обмен информацией; беседа (диалог или полилог); 2) сообщение, информация – рассказ в устной или письменной форме; 3) эмоционально-оценочное или эстетическое воздействие на слушателей или читателей в процессе передачи информации. Эти три вида речевой деятельности и составляют основу для выделения двух функциональных стилей современного русского литературного языка: разговорного и книжного. Различия ФЕ по стилевой принадлежности и экспрессивной окраске объясняются тем, что каждому из стилей языка присущи особые языковые средства и приёмы, выбираемые говорящими из общенародного запаса для выражения определённого содержания. Преимущественное употребление той или иной ФЕ в каком-либо стиле языка и связанные с этим её экспрессивные свойства составляют сущность этих различий.

Анализ русского фразеологического материала с числовым компонентом убедительно доказывает утверждение А. И. Молоткова о том, что в массе своей фразеологизмы – явление разговорной речи [3]. Исследование проводилось на материале фразеологических словарей [2; 4].

Разговорные ФЕ с числовым компонентом в русском языке составляют абсолютное большинство: *первый встречный* – случайный, любой человек; *с первого звонка* – с самого начала чего-либо; *одним глазом*; *хоть бы одним глазком (глазом) взглянуть* (посмотреть) – хоть немного, недолго; *дело десятое* – не важное, не существенное; *девять грамм* – пуля; *знать как свои пять пальцев*; *изучить, как свои пять пальцев* – очень хорошо, обстоятельно знать.

Рассмотрим более подробно некоторые разговорные ФЕ с числовым компонентом.

С пятого на десятое – 1. Непоследовательно, бессвязно; беспорядочно, небрежно. *К полудню в комнату к нему впопыхах вбежал Трофим, прискакавший с поля, и с пятого на десятое сообщил: гулевой скот их угнал.* 2. Кое-что, немного (знать, понимать, слышать). *Григорий читал тихо, с расстановкой. Сначала бойцы вроде шумели, и до задних рядов чтение доносилось с пятого на десятое* (Г. Антошин. Прорыв).

Семи пядей во лбу. Разг. Очень умный. *Будь ученый человек, хотя сами семи пядей во лбу, да попадись к нам в приказ, то переучим его на свой салтык: буде не захочет ходить по миру* (Н. Новиков. Живописец). – *Слушай, а что за парень этот Сашка?.. – Парень как парень. Обыкновенный. Как мы с тобой. Не лучше, не хуже... «В том-то и дело – обыкновенный, – думал Иван. – Если бы был какой-нибудь выдающийся, семи пядей во лбу, я бы легко понял, почему она его помнит, не хочет забывать»* (В. Шугаев. Дождь на радуницу).

Книжных фразеологических оборотов с числовым компонентом сравнительно мало.

Девятый вал. Экспрес. Наиболее сильное проявление чего-либо. – *В гигантских толщах ковался народный гнев, нарастал страшный девятый вал* (Вс. Иванов. Пархоменко) (наиболее сильная и опасная волна во время морской бури от мифологического представления о девяти как священном числе).

Пятая колонна – тайные пособники врага, шпионы и диверсанты.

За семью печатями – о чем-либо совершенно недоступном пониманию, разумению.

Иному талант, иному два – способности у всех разные.

Отметим также ФЕ книжного характера, пришедшие из библейских сказаний: *ни одна йота, ни на одну йоту, ни одной йоты* (не знать, не понимать, не уступить) – нисколько, ни в малой степени; *первозданный хаос* – о полном хаосе, беспорядке, царящем где-либо (первоначально: всеобщий хаос, существовавший, по Библии, до сотворения мира); *первородный грех* – изначальная, главная ошибка в чем-либо (первоначально: грехопадение Адама и Евы в библейском сказании).

Семь смертных грехов. Устар. Очень большие пороки, непростительные проступки. – *Сам же сказал, – непримиримо гнула своё жено, – что тут дело нечисто, – как будто Иван был уже пойман за руку, уличён и только из непонятого упрямства отказывался признаться в семи смертных грехах* (А. Ильин. Полонез для постояльца) (в религиозных представлениях:

грехи, которые ничем нельзя искупить и которые влекут за собой после смерти вечные муки в аду).

На семи ветрах. Книжно-поэт. Экспрес. Находящийся, расположенный на пересечении всех дорог. О месте, городе и т. п. *Бойкий это был перекрёсток, на семи, как говорится, ветрах. Утром немцы являются, ночью наши приходят. А то и наоборот* (В. Аксёнов. Комментарии к детству).

Примеры ФЕ с числовым компонентом убеждают, что в словарях зафиксированы также просторечные ФЕ.

Термин «современное русское просторечие» ученые трактуют как особенности речи людей, не имеющих достаточно высокого образования и поэтому не владеющих нормами современного русского языка.

Отметим интенсивную эмоционально-экспрессивную окраску просторечных ФЕ в изучаемом материале: *хоть бы в одном глазу (глазе)* – ничуть, нисколько не пьян; *в одном кармане блоха на аркане, а в другом – вошь на цепи* – о бедном человеке (груб.); *засыпать в одно время с курами* – очень рано (шутл.); *ни одна собака* – никто (груб.); *одному черту известно* – никому не известно (груб.); *в два счета* – очень быстро, без промедления; *комбинация из трех пальцев* – кукиш (шутл.); *спустить семь шкур* (с кого) – сильно высечь, избить (груб.); *ноль без палочки* (ирон., пренебр.) – о ком-либо не представляющем ценности, имеющем небольшое значение; *валить (сваливать, свалить) всё в одну кучу* (неодобр.) – не различать однородные предметы и явления, смешивать их.

Семь пятниц на неделе у кого. Прост. Предосуд. Кто-либо непостоянен в своих решениях, настроениях, часто и легко меняет свои мнения, суждения, оценки. *У её матери семь пятниц на неделе: сегодня пожалеет, приласкает, а завтра булавки втыкать начнёт* (А. Караваева. Огни).

Приведем примеры фразеологических оборотов, помимо просторечных, также имеющих оценочно-экспрессивный характер: *под одну масть* (разг., неодобр.) – о ком-либо, чём-либо одинаковом, сходном, близком в каком-либо отношении; *первой марки* (разг., неодобр.) – о высшей степени чего-либо (обычно отрицательном); *тридевятое царство* (фолькл., шутл.) – очень далёкая земля, страна; *абсолютный ноль* (пренебр., лит.) – что-то или кто-то, не имеющие решительно никакого значения; *работать (пить чай) до седьмого пота* (разг., шутл.) – работать (пить чай) много, долго, интенсивно; *полтора человека* (разг., шутл.) – очень мало людей, почти никого.

Анализ ФЕ с числовым компонентом очевидным образом подтверждает, что многие фразеологические обороты не только называют то или иное явление объективной действительности, но и указывают на определённое отношение говорящего к этому явлению.

Н. М. Шанский в добавление к разговорным и книжным ФЕ выделяет межстилевые фразеологизмы и определяет их как «устойчивые сочетания слов, известные и употребляемые во всех стилях языка» [5, с. 145]. По его мнению, такие фразеологизмы являются «простыми наименованиями явлений объективной действительности без какой-либо их оценки» [5, с. 145]. Они экспрессивно не окрашены и общеупотребительны: *одно время* – в течение некоторого времени; *с первого знакомства* – сразу, при первой же встрече; *один за другим* – следуя друг за другом, вереницей; *одно к одному* – о целом ряде событий, неприятностей и т. п., следующих друг за другом.

Один в один. Прост. Экспрес. Совершенно одинаковы (по величине, качеству и т. п.). Обычно с одобрением о ком-либо или о чём-либо. *Водитель [такси] был молодой, смазливый и, видимо, сознавал свою привлекательность. Картинно улыбнулся мне, блеснув отменными, один в один, зубами* (Л. Уварова. Ирландский сеттер).

Межстилевые ФЕ немногочисленны, так как большинство фразеологизмов имеют какую-либо экспрессивно-стилистическую окраску. Экспрессивность – это способность ФЕ выражать понятия ярко, наглядно, красочно, передавать интенсивность её смыслового содержания, наивысшую степень признака, напряжённость действия, создавать «особое восприятие» [1].

Выводы. Подводя итоги, можно отметить, что функционально-стилевая характеристика фразеологизмов любого компонентного состава (в том числе и с числовым компонентом) в первую очередь определяется их оценочными и эмоционально-экспрессивными особенностями, причем степень экспрессивности может быть различной: чем дальше от условно нейтральной черты отстоит ФЕ, тем более она экспрессивна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Берлизон С. Б. Экспрессивность и эмоциональность – доминирующие элементы смысловой структуры фразеологических единиц / С. Б. Берлизон // Вопросы семантики фразеологических единиц славянских, германских и романских языков : тезисы докладов на научно-теоретической конференции в г. Новгороде. – Новгород, 1972. – С. 19–21.
2. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1984. – 944 с.
3. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. – Л. : Наука, 1977. – 259 с.
4. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : около 13000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.
5. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Русский язык и литература» / Н. М. Шанский. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Высшая школа, 1985. – 160 с.

УДК 811.161.1

Салими Абдолмалеки К.

ОСОБЕННОСТИ СТРОЕНИЯ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЗДОРОВЬЕ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье обосновывается возможность выделения в русском языке лексико-семантического поля «Здоровье» и описывается его структура. Рассматриваются лексико-семантические группы, формирующие поле «Здоровье». Описываются семантика и смысловая специфика входящих в его состав лексических единиц. Демонстрируются синонимические, антонимические, словообразовательные возможности субстантивов, адъективов и глагольных слов.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, лексема, семантика, синонимико-антонимический ряд, словообразовательный потенциал.

Salimi Abdolmaleki K.

STRUCTURE FEATURES OF THE LEXICAL-SEMANTIC FIELD «HEALTH» IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Annotation. The article substantiates the possibility of distinguishing the lexical-semantic field «Health» in the Russian language and describes its structure. The lexico-semantic groups forming the «Health» field are considered. The semantics and semantic specificity of the lexical units included in it are described. Synonymic, antonymic, word-formation capabilities of substantials, adjectives and verb words are demonstrated.

Key words: lexico-semantic field, lexico-semantic group, lexeme, semantics, synonymic-antonymic series, word-formation potential.

Постановка проблемы и анализ литературы. Под лексико-семантическим полем (ЛСП) в современной лингвистике понимается «сложная лексическая микросистема, которая объединяет слова по семантическому принципу и обладает специфической полевой структурой» [1, с. 176]. Для выделения ЛСП «Здоровье» в русском языке имеются все основания, так как в языке существует семантическая категория общего плана – категория здоровья, характеризующая по признаку здоровья/нездоровья участников отображаемой в высказывании ситуации, то есть «Здоровье» может быть отнесено к числу полей с субъектно-объектным ядром.

Цель нашей работы – выявление лексико-семантических особенностей ЛСП «Здоровье» в русском языке.

Изложение основного материала. Анализируемое ЛСП «Здоровье» связано с субстантивной семантикой в ее отношении к семантике глагольной. На основе анализа толковых словарей в ЛСП «Здоровье» было включено 262 лексических единицы русского языка. Из них 124 единицы (47%) – имена существительные, 50 единиц (20%) – имена прилагательные, около 70 единиц (28%) – глаголы, 8 единиц (5%) – наречия.

Обратимся к детальному рассмотрению лексического сегмента данного поля. Так, в русском языке лексика поля «Здоровье» представлена следующими лексико-семантическими группами (ЛСГ): «человек», «место», «лекарства», «сила, здоровье», «слабость, болезнь», «глаголы состояния», «положительная/отрицательная оценка здоровья» и др.

1. ЛСГ «человек» включает следующие единицы: *врач, доктор, пациент, кардиолог, целитель, диагност* и т. д. (всего около 50 единиц). Данная группа была разделена на несколько подгрупп на разных основаниях, о чем будет сказано ниже.

2. В ЛСГ «место» были включены такие лексемы: *здравница, санаторий, больница, клиника, диспансер, стационар, лечебница, поликлиника, медучреждение, амбулатория, госпиталь, медпункт, ординаторская, медцентр* и т. д. (всего 37 единиц).

3. В ЛСГ «лекарства» входят такие единицы: *антидепрессант, микстура, препарат, анальгетик, транквилизатор, пилюли, таблетки, медикаменты* и т. п. Данная группа может быть представлена очень большим количеством слов, практически не поддающимся подсчету, поскольку названий лекарств, помогающих сохранить или поправить здоровье, на сегодняшний день очень много. В поле нашего внимания оказались только лексемы с гиперонимическим значением. Объяснить это можно тем, что данные лексемы имеют не только идентичный набор интегральных сем, но и сходное количество грамматических сем, а также функций, выполняемых в высказывании.

4. ЛСГ «сила, здоровье»: *ухоженность, мощь, выносливость, крепость, бодрость, активность, исцеление, долголетие, молодость, выздоровление, оздоровление, ремиссия, омоложение, закаливание* и т. д. (всего около 20 слов).

Данная группа находится в антонимических отношениях с группой «слабость, болезнь». Мы посчитали возможным включить названную группу в ЛСП «Здоровье», поскольку каждая из лексем содержит имплицитную сему 'здоровье': слабость и болезнь связаны с отсутствием такового или его плохим состоянием.

5. ЛСГ «слабость, болезнь»: *хворь, детоксикация, рецидив, авитаминоз, бесплодие, недуг, недомогание, переутомление, заболевание, расстройство, старость, ожирение, тучность, побитость, ушибленность* и т. д. (всего около 30 слов).

6. ЛСГ «глаголы состояния»: *выздоровливать/болеть, окаменеть, оцепенеть, свести (ногу свело), скрючиться (от боли), одеревенеть, согнуться, окостенеть, обезножить, поправляться, окрепнуть, выкарабкаться* и т. д. (всего около 30 глаголов).

7. ЛСГ «положительная/отрицательная оценка человека и его состояния»: *здоровый/нездоровый, излечимый/неизлечимый, крепкий/слабый, коматозный, хилый, удовлетворительный/неудовлетворительный, хронический, румяный, плачевный, недюжинный* и т. д. (всего около 30 слов).

ЛСГ «человек» неоднородна по своему составу и делится на несколько подгрупп. В первую очередь, различаются две подгруппы: единицы, обозначающие медицинских работников разного уровня – «медперсонал»: *врач, доктор, эскулап, медик, кардиолог, невропатолог, лекарь, докторша, психиатр, целитель, диагност, лейб-медик, окулист, педиатр, гинеколог, стоматолог* и др.; и единицы, обозначающие людей, не связанных профессионально с медициной – «пациенты»: *больной, тяжелобольной, пациент, пациентка, душевнобольной(-ая), психопат(-ка), инвалид(-ка), сердечник, сердечница, легочник, легочница, туберкулезник, туберкулезница, диабетик, диабетчица, язвеник, язвеница* и под.

Таким образом, видно, что единиц, обозначающих людей, помогающих обрести здоровье, так же много, как и единиц, обозначающих людей, нуждающихся в поправлении здоровья.

Далее подгруппа «медперсонал» была разделена еще на несколько подразделов. Основанием для такого классифицирования языкового материала послужили интегральные семы «наличие/отсутствие медицинского образования», «наличие высшего медицинского образования», «включенность в систему здравоохранения». Исходя из этого получилось четыре группы.

Подраздел 1 (специалисты с высшим медицинским образованием): *врач, доктор, медик, лекарь, эскулап, главврач, врачеватель, целитель, кардиолог, невропатолог, окулист* и другие названия врачей-специалистов. Кроме того, в эту же группу мы включили наименования врачей-специалистов, имеющие разговорную окраску, то есть стилистически маркированные: *глазник, кожник, горловик, лор, ушник, зубодёр/зубодёрка, медичка*.

Лексемы *врач, доктор, медик* являются стилистически нейтральными, в то время как лексемы *врачеватель, целитель, лекарь, Айболит* имеют положительную стилистическую окраску, а лексемы *эскулап* и *коновал* – отрицательную.

Подраздел 2 (специалисты со средним специальным медицинским образованием): *фельдшер, акушер, акушерка, медицинская сестра, медсестра, сестра, медицинский брат, медбрат, сестра-хозяйка*.

Подраздел 3 (люди без медицинского образования, работающие в сфере здравоохранения): *санитар, санитарка, сиделка, няня, нянечка*.

Подраздел 4 (народные целители): *бабка, знахарь, лекарь, лекарка, повитуха, повивальная бабка, шептун*.

В качестве примера детального анализа рассмотрим лексемы первого подраздела.

В этом подразделе выявляется синонимическая пара *врач – доктор*. Врач – «специалист с высшим медицинским образованием. *Врач-терапевт. Врач-хирург*» [3, с. 102]. Сема 'здоровье' в семантической структуре данной лексемы имплицитна: врач лечит больных людей, чтобы сделать их *здоровыми*.

Слово *доктор* обозначает то же, что и *врач*. Лексемы женского рода *врачиха, докторша* и *докторица* имеют разговорный оттенок и являются разговорными. В русском языке слова *врач* и *доктор* стилистически не различаются. Слово *врач* обычно используется с названием специализации: *врач-терапевт, врач-онколог, врач-уролог*. Слово *доктор* используется в сочетаниях с фамилиями: *доктор Петрова, доктор Сидоров* и др.

Слово *медик* обозначает «специалиста по медицине, по медицинской помощи, а также студента медицинского учебного заведения» [3, с. 348].

В первом подразделе объединяются лексемы *врачеватель, целитель, лекарь, Айболит, эскулап* и *коновал*. Слово *врачеватель* обозначает человека, который *врачует, лечит, исцеляет больных*. Оно имеет пару – слово женского рода *врачевательница*, которое маркируется как разговорное. *Врачевателем* в современном русском языке чаще называют человека, который помогает избавиться от чего-то тяжелого, неприятного, помогает избавиться от душевных страданий, то есть делает здоровой душу человека. Если человека называют *врачевателем*, то выражают тем самым положительную оценку его действиям, передавая положительные эмоции. Например: *Для исцеления человека **врачеватель** посредством этого уникального хрустального устройства получал космическую энергию и лечил мозг, уши, глаза...* (Людмила Бузышина. Хрустальные черепа // «Зеркало мира», 2012) [2].

Слово *целитель* обозначает человека, который исцеляет от чего-либо, облегчает душевные страдания. *Целитель* также употребляется для выражения положительной оценки. Следовательно, слово *целитель* выступает синонимом к слову *врачеватель*.

Лексические единицы с отрицательной коннотацией – *эскулап, лекарь* и *коновал* в современном русском языке обозначают неумелого врача и употребляются чаще иронически. Слово *коновал* обозначает знахаря, лечащего лошадей, и плохого, невежественного врача, используется для выражения пренебрежения. В современном русском языке слово имеет помету «устаревшее» и в своем прямом значении не употребляется.

Существительные русского языка, имеющие разговорный характер и употребляемые в качестве параллельных названий специальностей – *глазник, кожник, горловик, лор, ушник, зу-*

бодёр/зубодёрка, на наш взгляд, можно назвать национально специфичными, так как эквивалентов, как минимум, в тюркских языках им не находится.

Анализ ЛСП «Здоровье» в русском языке показал, что данное поле имеет богатый семантический потенциал, в нем развита лексическая синонимия, позволяющая показать с помощью отдельных номинаций малейшие оттенки смысла. Особенно наглядно это можно представить на материале имен прилагательных и глаголов.

Например, возьмем синонимический ряд имен прилагательных: *здоровый, молодой, полнокровный, крепкий, закаленный, ядреный. Здоровый* – «обладающий здоровьем, не больной» [3, с. 227]. *Молодой* – «не достигший зрелого возраста, еще не старый» [3, с. 363]. Семная структура данного слова содержит потенциальную сему 'здоровый', которая при употреблении слова в речи может выступать эксплицитно, поскольку принято считать, что молодой организм – это здоровый организм. Например: *Я помню, как он пришел, молодой, розовощекий парень, крепкий такой* [2]. *Полнокровный* – «2. разг. Имеющий цветущий вид, здоровый» [3, с. 554]. *Крепкий* – «2. Сильный, физически здоровый» [3, с. 304]. *Закаленный* – «обладающий физической закалкой, хорошим здоровьем, не подвергающийся простудам» [3, с. 206]. *Ядреный* – «2. перен. Отличный в каком-н. отношении: сильный, здоровый и крепкий (о человеке)» [3, с. 916].

Таким образом, представленный словарный материал показывает, что с помощью отдельных номинаций можно передать оттенки значения и дать более полную характеристику здорового человека.

Приведем, напротив, примеры имен прилагательных, с помощью которых в русском языке характеризуется человек со слабым здоровьем: *анемичный, вялый, тщедушный, ослабленный, хилый, худосочный, захирелый, слабый, измочаленный, изнуренный, полубольной*.

Синонимико-антонимическую парадигму образуют следующие ряды глаголов: *болеть, заболеть, переболеть, приболеть, разболеться, захворать, прихворнуть, прохворать, расхвораться, поболеть* и соответственно *выжить, выздороветь, вылечиться, оправиться, поправиться, излечиться, исцелиться, спастись, уцелеть*.

Кроме того, были выявлены глаголы со значением «действия врача»: *лечить/вылечить, осмотреть/осматривать, выявлять/выявить (признаки болезни), ставить/поставить (диагноз), обследовать, применять/применить (лечение), оперировать, врачевать, исцелять/исцелить, контролировать, освидетельствовать, зондировать, пальпировать/пропальпировать*.

Примеры показывают, что глагольная лексика в русском языке представлена большим количеством единиц, употребление которых связано с необходимостью обозначать конкретные, узкоспециальные действия врача.

Помимо синонимии и антонимии языковой потенциал ЛСП «Здоровье» в русском языке увеличивается за счет словообразовательных возможностей входящих в его состав лексических единиц. Так, активно работают модели образования качественных и относительных прилагательных от имен существительных и глаголов: *врач – врачебный (кабинет), палата – палатный (доктор, врач), гомеопатия – гомеопатический (препарат), успокоить – успокоительный (препарат), излечить – неизлечимый (больной), утолять + боль – болеутоляющее (лекарство)*; а также модели образования отглагольных абстрактных имен существительных: *переутомиться – переутомление, выздороветь – выздоровление, похудеть – похудение, зондировать – зондирование, врачевать – врачевание*.

Выводы. ЛСП «Здоровье» в русском языке значительно по количеству и смысловому потенциалу единиц, входящих в его состав. Анализ данного поля позволил представить многообразие вербализованных понятийных характеристик здоровья и представлений о здоровом/нездоровом, бытующих в русском языковом сознании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Куренкова Т. Н. Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике / Т. Н. Куренкова // Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева. – 2006. – № 4 (11). – С. 173–178.

2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru/old/search-main.html>.
3. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80000 слов / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2008. – 944 с.

УДК 81'25

Шукурова З. С., Сатторова Г. Ю.

**КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕВОДА
(на примере переводов газели № 418 из сборника Алишера Навои
«Редкости юности» С. Иванова и Н. Ушакова)**

Аннотация. Статья посвящена когнитивным механизмам, проявляющимся в процессе перевода поэтических произведений. Проанализированы два перевода одной газели Алишера Навои со староузбекского языка (тюрки) на русский с точки зрения ментальной деятельности переводчиков. Выявлены такие особенности когнитивных механизмов перевода, как гармонизация смысловых понятий и стилистическая симметрия использованных языковых единиц.

Ключевые слова: когниция, когнитивные механизмы перевода, ментальный мыслительный процесс, переводческое пространство, дискурсивная среда.

Shukurova Z. S., Sattorova G. Yu.

**COGNITIVE TRANSLATION MECHANISMS
(based on translations of gazelle № 418 from the Alisher Navoi's collection
«Rarities of Youth» by S. Ivanov and N. Ushakov)**

Annotation. The article is devoted to the cognitive mechanisms manifested in the process of translating poetic works. Two translations of one gazelle by Alisher Navoi from the Old Uzbek language (Turkic) into Russian are analyzed from the mental activity of the translators' point of view. Such features of cognitive translation mechanisms as harmonization of semantic concepts and stylistic symmetry of the used language units have been identified.

Key words: cognition, cognitive mechanisms of translation, mental thought process, translation space, discursive environment.

Постановка проблемы и анализ литературы. Общеизвестно, что значимость субъектного принципа перевода обусловлена современной антропоцентрической парадигмой в лингвистике и теории перевода, признающей субъекта – автора, переводчика, реципиента – важнейшим звеном в исследовательской парадигме перевода. Так, К. И. Леонтьева в статье «Дискурсивный подход как вариант реализации программы антропоцентризма в теории художественного перевода» отмечает: «...назрела необходимость создания теории перевода с истинно человеческим лицом... С нашей точки зрения, это возможно в рамках программы теории и шире семиотики дискурса. Семиотика перевода как семиотика дискурса – это тот интегративный вариант теории перевода, который в центре анализа помещает субъекта как уникальную личность» [4, с. 149].

Антропоориентированность перевода позволяет анализировать перевод не как некую вторичность, а как художественное произведение. В таком случае перевод оценивается с позиций мастерства переводчика, а не буквальной передачи смысла текста оригинала. Представляется, что подобную точку зрения разделяет Р. К. Миньяр-Белоручев, когда определяет: «...реальная единица перевода – это не единица текстовой структуры и даже не цельный текст. Это “решение на перевод”» [6, с. 152].

Цель статьи – опираясь на «субъектный принцип» порождения текста перевода, проследить динамику транспонирования смыслов текста оригинала в переводческом пространстве и охарактеризовать когнитивные механизмы перевода.

Изложение основного материала. Понятие «когнитивный», понимаемое в настоящее время, вслед за Е. С. Кубряковой, как «внутренний», «ментальный», «интериоризованный» [1, с. 9], приобретает особую значимость в применении качественно новых теорий перевода, в частности «теории гармонизации переводческого пространства» [3], в качестве рабочего инструмента при анализе поэтического перевода. Сущность «переводческого пространства» – и центр, и периферия, и фатическое поле, и поля трех субъектов переводческой коммуникации – все вместо взятое, рассматривается нами как «универсальная полифункциональная ментальная структура», которая способствует извлечению и переработке информации, пониманию и интерпретации разнородных смыслов, транспонируемых переводчиком из одного языка и культуры в совершенно другую языковую систему и культуру.

Как известно, переводчики берут за некую основу «словарный остов и поэтический образ», что, на наш взгляд, и составляет основу образного контекста. Переводчику необходимо выделить ключевое слово оригинала, которому нужно найти такой эквивалент в русском языке, который был бы способен к расширению палитры смысловых и эмоциональных оттенков.

Основываясь на авторской «синергетической модели» Л. В. Кушниной, обозначенной как «переводческое пространство» [3, с. 72], проанализируем процесс транспонирования смыслов исходного текста (ИТ) оригинала в переводческом пространстве двух переводов газели № 418 из дивана «Редкости юности» Алишера Навои, выполненных Н. Ушаковым (ТП-1) и С. Ивановым (ТП-2). В нашу задачу не входит сопоставительный анализ переводов, хотелось бы разобраться в той логике использования художественных приемов каждого из мастеров слова, что приводит к гармоничному переводу.

ИТ: *Тишларимдин ики дандонаки чарх айлади кам,
Рахналар бўлди ажал киргали жон чиққали ҳам.*

ТП-1: *Двух зубов мне не хватает, но какая это щель!
Жизнь из щели выползает, смерть вползает в эту щель.*

В ТП-1 сохраняется традиционная форма бейтов с редифом. Н. Ушаков, переводя лексему «рахна», принимает в качестве основного ключевого понятия слово *щель*. Это слово не относится к высокой, поэтической лексике, но создает яркое визуальное представление о небольшом и узком пространстве: *Двух зубов мне не хватает, но какая это щель. Жизнь из щели выползает, смерть вползает в эту щель.*

Уже первый бейт диктует интонацию личностную, интимную. Щель в зубах – знак старости, процесс наступления которой не слишком заметный, поэтому так гармоничны подобранные Н. Ушаковым глаголы, которые поддерживают ощущение процесса постепенного старения. В ТП-1 переводчик создает визуальный образ «щели», ассоциативно напоминающий микроскопически узкое пространство. В ТП-1 уже в первом бейте отчетливо выделяется модальность переводчика: отсутствие двух зубов может быть и незаметным для посторонних, но создает большие неудобства для самого человека, а также постоянно напоминает ему о безвозвратно уходящем времени (возраст человека). В данном контексте смысл глаголов *вползает – выползает* коррелирует с указанным размером (*щель*) и проецирует на громко звучащие понятия «смерть/жизнь». Переводчик правильно уловил ту отправную точку фактуального смысла оригинала, которую разворачивает в следующих бейтах на более высоких уровнях:

ИТ: *Ҳар бино рахнасини тутса бўлур турфа буким,
Мумкин эрмас бу ики рахнани қилмоқ муҳкам.*

ТП-1: *Щели все заделать можно, щели можно заложить.
Кто же эту щель заложит? – не простая это щель.*

Второй бейт посвящен рассуждению о материальном проявлении щели, которую без проблемы можно *заделать, заложить, и щели*, ставшей метафорой неминуемой старости; игра с такими понятиями, как «щель в стене», которую заделать не проблема, и «щель между зубами», являющуюся намеком на возраст, демонстрирует иронию автора над человеческой судьбой.

Переводчик расширяет семантику слова, наполняя его философским значением, как в оригинале у А. Навои. Так возникает тема времени в третьем бейте:

ИТ: *Турфароқ буки неча қилса риоят тўкилуи,
Бу фано рахнасининг икки ёнидин ҳар дам.*

ТП-1: *Как бы ни был осторожен, как бы ни берегся ты.
Даже краткое мгновенье расширяет эту щель.*

Третий бейт – это философское постижение человеческой жизни: *расширение щели* ежеминутно напоминает о краткости человеческой жизни. Читатель понимает, что *щель* – это не только пространство между зубами, это граница между жизнью и неминуемой смертью. Данный перевод Н. Ушакова, на наш взгляд, демонстрирует работу над текстом как интерпретационный процесс, когда тема возникает из метафоры, когда ключевое слово постоянно приобретает новые смыслы:

ИТ: *Демаким, бўлди ажал кирмак учун рахнаву бас,
Ангача йўл будурур киргали минг турлук гам.*

ТП-1: *Нет, не только дверь смерти представляется она –
Множество земных печатей проникают в эту щель.*

В таком контексте *дверь смерти* не воспринимается как некая материализованная вещь, а вновь представляется мистической щелью. В этом же ключе переводчик играет материальным и символическим пониманием времени:

ИТ: *Юз ситамдир манга тиши рахналаридин, гўё,
Тишини синким дедилар, бор эмиш ул сини ситам.*

ТП-1: *От зубов сто притеснений – вот мой тягостный удел.
Зубы возраст отмечают, дни считает эта щель.*

У человека, как известно, 32 зуба, и процесс их выпадения ограничен. Поэтому *щель* в данном контексте и есть граница между жизнью и смертью. С этого момента Н. Ушаков развивает тему смерти, пластично и логично работая над семантическим и визуальным образом *щели*:

ИТ: *Йўққи тиши сини ситам бўлди-ю бас, кўзда доғи
Қолмади нури ани доғи дегил айни адам.*

ТП-1: *Ближе, ближе срок предельный, грань небытия видней.
Не одни редуют зубы, и глаза – пустая щель.*

Понятно, что несопоставимы *щель* между зубами и *глаза – пустая щель*. Данная метафора передает ощущение усталости от жизни, опустошенность и дряхлость души. Переводчик в каждом бейте актуализирует новый смысл ключевого понятия, поэтому, на наш взгляд, нет необходимости искать иные синонимы.

ИТ: *Тиши ики рахнасининг ҳасрату гам дуди чиқиб,
Тутти гўё кўз ики кўзгусини занги зулам.*

ТП-1: *И все выше поднимаясь, скорби и печали дым
Застилает их и мраком наполняет эту щель.*

Остаются неизменными пространственные параметры *щели*, поэтому деепричастие *поднимаясь*, глаголы *застилает*, *наполняет* соответствуют им. В данном бейте переводчик не отступает от тех ассоциативных представлений, что через *щель* возможно проникновение только *дыма* и *мрака*, поэтому визуальный образ *щели* и ее символическое назначение работают вкупе.

ИТ: *Тийралик бирла шикастики тишу кўз йўлидин,
Манга юзланди, демак бўлмас ани кўрмак ҳам.*

ТП-1: *Неустанно, неуклонно сквозь глазницы, меж зубов
Старость с сотнею недугов посещает эту щель.*

Н. Ушаков использует прием градации, что выражается в использовании повторяющихся слов (*ближе, ближе*), слов, отражающих интенсивность процесса (*все выше поднимаясь; неустанно, неуклонно*), гиперболы (*сотня недугов, сто притеснений*).

Финальный бейт – почти прямолинейный заключительный аккорд, составленный из всей палитры понимания слова *щель*:

ИТ: *Бўл, Навоий, сафар оҳангига омодаву чувт
Ким булар барча ажал нешравидур фатҳам.*

ТП-1: *Навои, к пути готовься – это твой последний путь.
Близкой смерти посещение означает эта щель.*

Данная газель вызывает множество ассоциаций, которые ощутимы в тексте, причем каждая мастерски подготовлена переводчиком. Использованная лексика создает образ старости: *струя дыма – бестелесность старости – мрак дыма – пустые глазницы* и т. д. Переводчик использует почти разговорную лексику, но в этом есть заряд личностной интонации.

Газель № 418 Алишера Навои из дивана «Редкости юности» имеет интимно-философский смысл. Извечная тема жизни/смерти, которая взята из обыденной жизни человека (выпадение зубов), и на фоне этого медленный, но замечаемый процесс старения разворачивается поэтом в философском плане: *рахна* (узкая щель) → *фано рахнаси* (отверстие, пролом в небытие) → *йўл* (расширяющаяся дорога). Как видим, данные слова создают разные по объему и материалу понятия. При этом лексическое содержание слова «рахна», имеющего несколько значений в узбекском языке, с каждым бейтом метафорически расширяется. В переводе благодаря контексту, стилистической выдержанности и использованным тропам также видно метафорическое развитие содержания слова «щель».

Перейдем к переводу С. Иванова. Его текст с первого бейта отмечен неоправданным пафосом и прямолинейностью намеченной темы:

ТП-2: *Моих зубов сплошной черед уменьшил на два небосвод.
Теперь открыт для смерти вход, для жизни и души – исход.*

С одной стороны, С. Иванов использует свой излюбленный прием, рифмуя *черед – небосвод – вход – исход*, что является ритмообразующим началом всех его переводов. Согласимся, что это создает «восточную» интонационную плавность, какой-то оттенок ассонанса, но переводчик не использует редиф, который выполняет в газели и функцию композиционного кода. Поэтому переход ко второму бейту не подготовлен ассоциативно, как у Навои и в переводе Н. Ушакова:

ТП-2: *Дыра в стене – ее готов умелец тут же залатать,
А вместо этих дыр зубов, увы, уже не вставишь в рот.*

Как видно, лексема *дыра* в ТП-2, характеризующаяся бесформенностью, не создает ассоциации о невидимом, но ощутимом во рту узком пространстве. Естественно, в переводе не передается интенция автора.

Интонация данного перевода, на наш взгляд, слишком высокопарна за счет таких лексем, как *зияние, очах, скорбей, зерцалы, внемли*. Казалось бы, С. Иванов развивает ту же тему, но происходит дисгармония между строчками. К примеру, четвертый бейт звучит достаточно пафосно, декламационно:

ТП-2: *Не только смерти путь лежит через зияние во рту.
Увы, такой же путь открыт для тысячи других невзгод.*

При этом пятый бейт создан с помощью разговорной лексики:

ТП-2: *Теперь упреки – мой удел, стократ всего за две дыры,
Как будто кто мне повелел своим зубам уменьшить счет.*

Когда С. Иванов во втором бейте пишет о материализованном пространстве *дыра в стене* – это правомерно и логично. Но слова *зияние* и *дыра*, употребленные для обозначения одного и того же явления, не сочетаются эмоционально, так как дальнейшее развитие этой темы вновь высокопарно:

ТП-2: *Исходит дым скорбей и бед сквозь два зияния в зубах, –
Зерцалам двух очей – во вред их замутняющий налет.*

В первой строчке данного бейта метафора ассоциативна и гармонична по семантике со словом *зияние*. Тональность второй строчки с двумя славянизмами подкрепляет тональность первой строчки. Но они абсолютно дисгармонируют с восьмым бейтом:

ТП-2: *И от зубов и от очей мне столько муты и порух,
Что и поведать – нет речей, и видеть – сил недостает.*

На наш взгляд, предельно невнятно по смыслу, что такое *муть* и *поруха* и как это связано со старостью.

Переход к последнему, традиционному бейту подготовлен именно высокопарными бейтами, а не бейтами с просторечной лексикой:

ТП-2: *О, Навои, внемли судьбе, готовься к смерти – в дальний путь:
Дано предвестие тебе, что недалек ее приход.*

В. А. Миловидов подчеркивает актуализацию переводческой (не авторской) интенции в единстве «трех слагающих эту интенцию уровней – когнитивного, лингвосемантического и вербального» [5, с. 102]. В рамках данного утверждения становится понятным, что изменение или деформация одного из уровней несет непоправимый ущерб гармоничному переводу.

Отметим, что определяя перевод как процесс, Л. В. Кушнина подчеркивает: «В нашем понимании индустрия перевода – это некая научная парадигма, которая совмещает в себе когницию (знание предмета и объекта перевода) и эвристику (поиск приемлемых переводческих решений), субъективное (переводчик должен изучать намерение автора, ожидания читателя, иметь собственное индивидуальное видение текста), объективное (изучение текстовых детонатов в виде предтекста, подтекста, затекста, контекста, интертекста), рациональное (все, что создает фактуальный смысл и определяет содержание текста) и эмоциональное (все, что создает эмотивные смыслы), природосообразие и культуросообразие (что выражено во многих культууроориентированных концепциях и моделях перевода)» [2, с. 3].

Выводы. Н. Ушакову как переводчику удалось гармонизировать смыслы, обнаружив позитивный вектор их динамики, и тем самым актуализировать ключевые концепты. Так, единицам текста оригинала *рахна, ажал киргали, жон чиққали* соответствуют следующие единицы текста перевода: *щель, жизнь выползает, смерть вползает*; тогда как использованные С. Ивановым лексически равноценные, на первый взгляд, языковые единицы *дыра, смерти вход, души исход* не симметричны в контексте, что приводит к концептуальной асимметрии и разрушению целого образного контекста. Очевидно, что разнобой в лексике снижает и общую тональность газели. Считаем, что текст перевода Н. Ушакова уникален и неповторим как художественный текст, функционирующий в другом языке, другой культуре, а текст перевода С. Иванова только частично может считаться гармоничным и выполнять назначение художественного перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
2. Кушнина Л. В. Переводческая деятельность как эвристический процесс [Электронный ресурс] / Л. В. Кушнина // Современные проблемы науки и образования : сетевое издание. – 2012. – № 6. – Режим доступа : <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7446>.
3. Кушнина Л. В. Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства / Л. В. Кушнина // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – № 6 (12). – С. 71–75.
4. Леонтьева К. И. Дискурсивный подход как вариант реализации программы антропоцентризма в теории художественного перевода / К. И. Леонтьева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1 (55). – Ч. 1. – С. 148–154.
5. Миловидов В. А. Проблема минимальной единицы перевода в контексте теории дискурса / В. А. Миловидов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2011. – № 2. – С. 99–105.
6. Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? / Р. К. Миньяр-Белоручев. – М. : Готика, 1999. – 176 с.

РАЗДЕЛ 2. ПРОБЛЕМЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

УДК 82-3

Аблаева А. Т.

АВТОБИОГРАФИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ АДИЛЕ ЭМИРОВОЙ

Аннотация. В статье раскрываются особенности автобиографизма в художественных произведениях Адиле Эмировой. Анализируются стихотворения, написанные в разные периоды жизни, а также рассказы, интерпретируемые самим автором как воспоминания, каждое из которых может существовать как самостоятельное произведение со своим сюжетом, темой и идеей, субъективными выводами по описываемым событиям, а также художественным стилем, не свойственным таким жанрам, как автобиография или воспоминания. Отмечается, что автобиографический текст репрезентирует автора как саморефлексирующую, самопознающую и самооценивающую личность, а также содержит характерные приметы описываемого времени. Определяется, что в лирике А. Эмировой наиболее ярко автобиографизм проявился в стихотворениях, посвящённых теме родины, и в философской лирике автора.

Ключевые слова: автобиографизм, автобиография, лирика, проза, Адиле Эмирова.

Ablayeva A. T.

AUTOBIOGRAPHY IN THE WORKS OF ADILE EMIROVA

Annotation. The article reveals the features of autobiography in the Adile Emirova's fiction works. Poems written in different periods of life as well as stories interpreted by the author herself as memories, each of which can exist as an independent work with its own plot, theme and idea, subjective conclusions on the events described, as well as an artistic style not typical for the genres as an autobiography or memories are analyzed. It is noted that the autobiographical text represents the author as a self-reflective, self-knowing and self-evaluating person, and also contains characteristic features of the time being described. It is determined that in the lyrics of A. Emirova, autobiography was most clearly manifested in poems devoted to the theme of the homeland, and in the philosophical lyrics of the author.

Key words: autobiography, lyrics, prose, Adile Emirova.

Постановка проблемы. Помимо большого количества научно-исследовательских работ, доктор филологических наук, профессор Адиле Мемедовна Эмирова является автором стихотворений и прозаических произведений, представляющих несомненную ценность как в художественном, так и в историко-филологическом плане. Однако до сих пор они не были объектами научного анализа.

Анализ литературы. Основой для создания эпических и лирических произведений Адиле Эмировой послужили личные воспоминания и события из жизни, о чём она пишет в предисловиях к своим сборникам. Художественный феномен, основанный на преломлении событий из биографии автора в художественном произведении, называют в литературоведении автобиографизмом. Помимо событий, пережитых автором, к автобиографическому дискурсу относятся саморефлексия пишущего, отражение в тексте его чувств и эмоций, связанных с определённой ситуацией.

Среди литературоведов нет единого мнения относительно природы и особенностей автобиографизма. Так, к примеру, одни исследователи рассматривают автобиографизм как способ отражения реальных событий авторской жизни или форму художественной автоинтерпретации [4, с. 17]. Другие учёные трактуют автобиографизм как художественную форму самопрезентации не только в автобиографиях, но и в других жанровых вариантах «личного» письма: автобиографической повести, эпистолярной, дневнике [1, с. 23]. Н. А. Николина пред-

лагает учитывать такие компоненты автобиографического повествования, как стиль и композиция: «<...> рассмотрение признаков жанра, укладывающихся в знаменитую триаду: «Тема – стиль – композиция», позволяет обеспечить комплексный интегративный подход к анализу текста» [4, с. 3]. Уделял внимание проблеме автобиографизма и М. М. Бахтин. Исследователь, не дифференцируя биографию и автобиографию, предложил такую трактовку: «Мы понимаем под биографией или автобиографией (жизнеописанием) ту ближайшую трансгredientную форму, в которой я могу объективировать себя самого и свою жизнь художественно» [2, с. 171].

Таким образом, столь распространённый в художественной литературе приём автобиографизма до сих пор остается дискуссионным в литературоведческой среде, но неоспоримым является тот факт, что в рамках автобиографических произведений автобиографизм представляет собой форму самоинтерпретации, художественный способ самоизображения и самосознания.

Цель статьи – охарактеризовать специфику автобиографизма лирических и прозаических произведений Адиле Эмировой.

Изложение основного материала. Говоря о прозаических произведениях Адиле Эмировой, мы будем обращаться к сборнику прозаических произведений «Я – крымская татарка», выпущенного с подзаголовком «Воспоминания». Сама автор в предисловии отмечает синкретичность жанра данных текстов – дневники, документы, письма, размышления. Профессор Эмирова, с одной стороны, подчёркивает, что воссоздаёт историю своей семьи, а с другой – признаёт, что в написанном не найти фактологической точности, ведь «это очень субъективная, личностная история, неполная, в какой-то степени, возможно, искаженная». «Это – маленькое зеркало, в котором, я надеюсь, хотя и неполно, пунктирно, на фоне событий двадцатого – начала двадцать первого веков, отразились моя жизнь и трагическая жизнь моего народа – крымских татар» [5, с. 1].

Ставя проблему определения жанра данных прозаических произведений Адиле Эмировой, обратимся к стилю их написания. Несмотря на то, что в их основе воспоминания автора, написаны они отнюдь не «сухим» языком автобиографии. Яркие поэтические описания прожитых событий и людей, меткие сравнения, живые диалоги, трогательные за душу детали быта давно ушедшей эпохи создают неповторимый почерк автора.

Произведения связаны единым сюжетом – историей жизни Адиле Эмировой, рассказанной в хронологическом порядке и отражающей знаковые события XX века и их влияние на судьбы людей. Тем не менее каждый эпизод может существовать как самостоятельное произведение со своей темой и идеей. Автор не просто описывает отдельные события своей жизни, но и делает определённые субъективные выводы из них. Так, например, анализируются события, последовавшие за отступлением советских войск из Крыма в начале Великой Отечественной войны, когда были уничтожены все продуктовые запасы, чтобы они не достались наступающему врагу: *Но ведь всё это можно было раздать жителям, своим – советским – людям, руками которых всё это добро было сотворено и которых ожидало страшное военное лихолетье. Но о нас никто не подумал* [5, с. 9].

В рассказе «Депортация» глазами 11-летней девочки читатели созерцают происходящее. С одной стороны, главная героиня рассказа, еще по сути ребёнок, чутко улавливает ужас происходящего: солдат-мародер, укравший ценные вещи семьи и присвоивший ключи от дома, плач и стоны людей, согнанных на окраину села. С другой стороны, ей по-детски жаль свой новенький зелёный рюкзак, с которым она должна была пойти в школу в грядущем сентябре...

Не чужды автобиографическому дискурсу Адиле Эмировой риторические вопросы, побуждающие к рефлексии: *Ах, мама! <...> В чем было назначение твоей жизни? Я не знаю ответа на этот вопрос. Может, в том, чтобы вырастить трёх дочерей? Вдохнуть в них душу? Научить родному языку и родным песням? Я приникаю к твоей могиле и плачу. Я не могу сказать даже: «Спи спокойно, мама». Разве в чужой земле спится спокойно?!* [5, с. 12].

В части, посвящённой детству и отрочеству, перед читателями предстаёт образ ребёнка, в котором уже с ранних лет прорастают ростки сильной, уверенной в себе личности. Воспоми-

нения юности дополняют этот образ: *Этот случай укрепил мой дух, я поняла, что могу и смогу многое* [5, с. 21]. Можно утверждать, что образ автора через автобиографический текст представляется как саморефлексирующая, самопознающая и самооценивающая личность.

В своих «Воспоминаниях» Адиле Эмирова сохранила ценные сведения о довоенном Крыме. Довольно подробно описываются крымскотатарские деревни Ай-Василь и Дереккой (кварталы, старинное кладбище, архитектура домов, быт местных жителей, старинные детские игры и шалости и т. п.). Страшными картинками пожаров, бомбёжек, виселиц, голода отражаются в сознании 8-летнего ребёнка последующие трагические события.

Отдельными элементами автобиографизма выступает воспроизведённый автором фольклорный материал, например, зарождавшиеся на её глазах в товарных вагонах по пути в места ссылки песни:

*Къолай дегиль ветандан айрылмакъ. (Как трудно расставаться с родиной!)
Биз агълемей, кимлер агълесин? (Кому же плакать, как не нам?)* [5, с. 10].

Таким образом, рассказы Адиле Эмировой не только репрезентируют процесс формирования личности, но и содержат характерные приметы описываемого времени.

Иначе обстоят дела с поэтическим творчеством Адиле Эмировой. Стихотворения разных лет (с конца 1970-х до 2017 года) объединены в сборник «Моя антология», содержащий также поэтические посвящения автору и её любимые лирические произведения, которые так или иначе соотносились с душевным состоянием в определённые периоды. Профессор Эмирова подчёркивает, что содержание её стихотворений не всегда коррелирует с реальными событиями жизни автора. «Более того, в стихах часто отражаются прихотливые ассоциации на определённую тему, поэтические фантазии и домыслы автора» [6, с. 5]. Иными словами, автор даёт понять, что написанные лирические произведения не всегда о ней. То есть в них нет автобиографизма? Отнюдь. В поэзии А. Эмировой, так же, как и в прозе, отразились знаковые события XX – начала XXI веков, её духовные поиски, надежды и разочарования. Особое место в лирике автора занимают стихотворения о любви к Крыму, с которым её разлучила депортация 1944 года. Но она вернулась и не устаёт признаваться в любви к своей Родине. Лирический герой (=автор) тонко чувствует родную землю, несёт на протяжении всей жизни боль о несправедливости разлуки.

В поэтических текстах Адиле Эмировой, так же, как и в прозаических, прослеживается процесс национального и религиозного самосознания автора. Интересно, что патриотические мотивы в лирике появляются спустя семь лет после воссоединения с Родиной, с 1997 года (судя по датированным в «Антологии» стихотворениям, если только у автора нет неопубликованных произведений такой тематики). В стихотворениях «Всё вернулось на круги своя» (1997), «Родина» (1997), «Коктебель» (1999), «Верлибр» (2011), «Партенитский сонет» (2001) в той или иной степени отражается процесс формирования патриотических настроений автора. Возвращение на Родину, наслаждение красотой Крыма, принятие его и навечное единение с ним – эти темы волнуют Адиле Эмирову.

Стихотворения же последних 10 лет исполнены жизненной философии. В них поднимается тема быстротечности жизни:

*Детство бежало вприпрыжку, играя.
Юность летела, сияя очами.
Зрелость прошла, умудрено вздыхая.
Старость устало разводит руками* (из цикла «Четверостишия» [6, с. 33]);

неизбежности смерти и её покорное принятие:

*Уж готовлюсь покинуть земные пределы,
Вовсе не потому что они надоели,
Вовсе не потому, что не хочется жить,
Просто время пришло навсегда уходить»* (из цикла «Четверостишия» [6, с. 12]).

Стихотворения будто подводят итог жизни:

*Те трудные дороги
Достойно я прошла,*

*Подведены итоги,
Завершены дела...* («Ахматовское» [6, с. 47]).

Комментируя данные мотивы, автор не раз предупреждала, что никаких депрессивных состояний или предчувствий не испытывает. «Просто пришли такие строки», – говорила она. При этом не чужды перу Адиле Мемедовны и жизнеутверждающие мотивы:

*Но не спешу я уходить –
Мне жить совсем не надоело* («И снова весна» [6, с. 14]);
*А сердце неустанно
Стучит в моей груди.
Как будто говорит мне:
«Живи, не уходи!»* («Ахматовское» [6, с. 47]);
*Источник счастья и побед,
Подарок Божий – белый свет!* («А наша жизнь – она не вечна» [6, с. 49]).

Вместе с религиозным самосознанием в стихи приходит соответствующая лексика: *Аллах, Творец, Создатель, Всевышний, Коран* и др. Кстати, отец Адиле Эмировой окончил медресе в с. Коккозь (Соколиное) и продолжил обучение в Бахчисарае в Зынджырлы медресе, которое вскоре пришлось прервать: *Муллой отец не стал, но он хорошо знал основы ислама и до самой кончины помнил много молитв* [5, с. 2]. Детей с детства учили молитвам, которые, как признаётся профессор Эмирова, она помнит на протяжении всей жизни.

Апофеозом религиозных исканий является стихотворение «К Создателю» (2017), в котором автор обращается к Богу, свидетельствуя свою веру в него:

*К тебе, Создатель мой, я обращаюсь
И на Тебя всечасно уповаю* [6, с. 53].

Таким образом, в поэзии Адиле Эмировой отражены ее духовные поиски, устремления, стихи в определённой степени иллюстрируют эмоциональное состояние автора.

Выводы. И проза, и лирика писательницы отмечены стремлением к подлинности выражения личных переживаний, чувств, воссозданию жизненной достоверности и оценки происходящих событий. Лирические и эпические произведения можно смело назвать саморефлексией в художественном обрамлении. Если богатое научное наследие Адиле Эмировой формирует образ учёного, то художественное творчество в большей степени направлено на самопрезентацию автора как крымской татарки и мусульманки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Агеева В. Жіночий простір: Феміністичний дискурс українського модернізму / А. Агеева. – Київ : Факт, 2003. – 320 с.
2. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. – СПб. : Азбука, 2000. – 332 с.
3. Гинзбург Л. О. психологической прозе / Л. О. Гинзбург. – Л. : Художественная литература, 1977. – 441 с.
4. Николина Н. А. Поэтика автобиографической прозы / Н. А. Николина. – М. : Флинта, 2002. – 422 с.
5. Эмирова А. М. Я – крымская татарка. Воспоминания [Электронный ресурс] / А. М. Эмирова. – Режим доступа : <https://www.emirova.com/emirova-memoirs.html> (дата обращения: 08.11.2023).
6. Эмирова А. М. Моя антология / А. М. Эмирова. – Симферополь : Lege Artis, 2018. – 128 с.

УДК 821.111

Агаева Ф. А. кызы

СУФИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ МАХДУМКУЛИ

Аннотация. В статье рассматривается отношение поэта к концепции суфизма, а также дается обзор работ литературоведов, исследовавших влияние суфизма на творчество поэта. Отмечается, что идея познания Аллаха и единения с Ним через всеобъемлющую любовь рассматривается в творчестве поэта как путь к свету, проходящий через высшее

проявление человечности, путь, по которому необходимо следовать до последнего вздоха. Стихотворение «Дай дождь, мой солтан», обращенное к Творцу, представлено как ключевое в суфийской поэзии Махдумкули.

Ключевые слова: туркменский народ, Махдумкули, суфийское воззрение, Аллах, гностическая философия, человек, божественная любовь, абсолютная истина.

Agayeva F. A. kyzy

SUFISM IN MAKHDUMKULI'S CREATION

Annotation. *The article gives us a general overview of the author's attitude towards the concept of Sufism and the literary opinions of scholars who investigated the influence of Sufism on the poet's creativity. The idea of the cognition the Allah and unity with Him through great love is evaluated in the poet's poems as a path to the light bright that passes through manifestation of humanity, a path necessary to follow until the last breath is pointed out. The poem «Give the rain, my soltan», addressed to the Creator, is presented as a key poem in the Sufi poetry of Makhdumkuli.*

Key words: *Turkmen people, Makhdumkuli, Sufi view, Allah, gnostic philosophy, human, divine love, absolute truth.*

Постановка проблемы. Каждая общность, народ, нация, в своей исторической жизни владея тем или иным сознанием, временами меняя его, воспринимая новое, не может тотчас избавиться от старого. Если подходить к вопросу с этой точки зрения, то становится ясно, что один из древних народов – туркмены – в течение своей исторической жизни существовали, имея разные сознания.

Как известно, тасаввуф (суфизм) как общественно-политический, религиозно-философский, идеологический фактор сыграл важную роль в тюрко-исламской культуре, в течение долгих веков правил разумами. Это сознание имеет заслуги в формировании тюрко-исламской культуры.

Цель статьи – охарактеризовать отражение суфийских взглядов Махдумкули в его поэтическом творчестве.

Изложение основного материала. Махдумкули Фараги, преданный классической традиции, придает большое значение любви, воспринимает ее как причину возникновения вселенной, как основной фактор в совершенствовании человека, пытается раскрыть философскую суть любви. По мнению поэта, любовь, делая человека мудрым, возвышает его, очищает, раскрывает ум, способности влюбленного.

Суфизм (тасаввуф) считается аскетически-мистическим направлением в исламе, включающим как учение, так и духовные практики, направленные духовное воспитание личности и на борьбу человека с душевными пороками. Из-за того что, поэты тасаввуф считали Коран сборником всех знаний, они в том или ином вопросе ссылались на суры и аяты Корана.

В формировании мистического мировоззрения Махдумкули особую роль сыграли восточные классики. Из них можно особо отметить имена аль-Газали, Джалаладдина Руми [4]. В мыслях поэта, в его душе есть любовь к Богу, воспевание божественной любви. Суфизм – дорога, проходящая внутри человека, и человек в продолжение своей жизни идет по этой дороге. Существование и место такой дороги было открыто великим тюркским поэтом тасаввуф Юнусом Эмре 700 лет тому назад:

*Şəriät, təriqät yoldur-gedänä,
Haqiqät, mærifät, ondan içəri [1, с. 20].*

Имя Юнуса Эмре и его стихотворения живут более 700 лет. В любом тюркском поселении из поколения в поколения передавались слова Юнуса Эмре. В основе мыслей и чувств, духовного и материального мира великого суфистского поэта лежит ислам. В творчестве Юнуса Эмре часто встречаются стихотворения, посвященные Богу. Он сливается с Богом не путем размышлений, а путем любви. И это слияние, эта философская основа передается последующим как божественное наследие, пай. Идеалом этой философии является слияние с Богом.

Эта суфийская философия, жизненный идеал лежит в основе и большинства стихотворений Махдумкули Фараги. В своих стихотворениях он обращался к Богу, иногда как создатель, творец, а иногда как влюбленный:

*Qörən aşık qeda bolar,
İl – qününden jida bolar,
Maqtumqulı, pido bolar,
Din – xeramat boylarına [2, с. 155].*

В формировании мировоззрения Махдумкули основную роль сыграли философия единства бытия и суфистское учение, строящееся на ней. Он считал, что постижение бога возможно не с помощью разума, а с помощью любви. Эта любовь – не обыкновенное, светское любовное чувство, а глубокое чувство, призывающее человека к Богу, вызывающее восторг. Поэт не сразу пришел к понятию любви к Богу. Он вначале воспевал человеческую любовь, которую называет фазилатом. Такая любовь возвышает человек, потому что человеческая любовь тоже фактор, вызывающий у человека восторг, экстаз. Длинная и мучительная дорога божественной любви проходит через человеческую любовь. Поэт-суфий хочет видеть Бога:

*Qörsem poyun, yok armanım,
Senziz hazan ursun janım,
İkbalım, dinim-imanım,
Kılsam xormat boylarına [2, с. 155].*

Лирический герой, не находивший в этом мире лекарство своим бедам, дает себе совет быть терпеливым. И он решается быть начеку, так как если вдруг счастье стучит к двери, тогда нельзя спать:

*Maqtumqulı, qövmindedir köp arman,
Tarmadı derdine akıbet derman.
Yetişer, bir qüni hakdan bu perman,
Qaflat düşeqində yatıji bolma [2, с. 194].*

Бог в суфистских стихотворениях Махдумкули Фараги является абсолютным телом, абсолютной истиной, абсолютной красотой. Остальные все вещи лишены абсолютизма, являются мнимыми. Бог показывается в разных образах и формах, но больше всего он появляется в образе человека, поэтому человек его находит в своей душе. Душа являетсяместилищем божественной любви и духовных мистических знаний (теджалла).

Среди мистических произведений Махдумкули стихотворение «Болдум имди» можно выделить как образец этих взглядов:

*Işk ataşına düşdüm, pervana boldum imdi.
Şovkun közüne köydüm, biryana boldum imdi.
Jismim kebaba döndi, qıryana boldum imdi.
Qeñç isteenler qelsin, veyrana boldum imdi.
Ayrıldım aqyarlardan, biqana boldum imdi.*

Первая строфа стихотворения на первый взгляд оставляет впечатление светской, реальной любви. В последующей строфе глубокие смыслы, некоторые символические знаки являются философским толкованием божественной любви:

*Çıkardım başdan imdi dünya xövesin mutlak,
Ne perşe ayak basdın, dolan, bir özüne bak.
Kül bolup, elqe sovrul, ol qüzerde janın yak.
Lazım oldı okımak, analxaku-minelxak.
Mey içip meyxanadan, mestana boldum imdi.*

Символы мистической философии, ощущаемые с первого полустишия, сконцентрированы в последнем полустишии. Как мы знаем, в мистической поэзии вино – символ любви (любви к Богу), а мейхана (трактир) – символ месторасположения Бога. В этом стихотворении поэт уже выпил из этого вина и горит огнем любви:

*Bir mukama duş boldum, pikir anda pikre batdı.
Jan anda jandan boldı, xuşundan qidip yatdı.*

*Jeset yolda yok boldı, könül özün unutdı,
İşk qoşun yıqıp qelip akıl mülkün daqıtdı,
Talana berip aklım, divana boldum imdi* [2, с. 74].

Здесь показывается, как любовь одерживает победу над разумом, в действительности, над наукой, а это один из основных факторов для мистицизма. По философию мистицизма, путь, ведущий к Богу, проходит не через разум, науку, а именно через любовь. Следовательно, можно через любовь сливаться с Богом.

Есть некоторые стихотворения поэта, в которых отдельные строфы являются носителями философии мистицизма. Например, последние две строфы стихотворения «Йетишди сальым» может быть представлено как отражение этих воззрений:

*Xudavenda, qerçe nebsim yamandır.
Dileqim derqaxdan nuri-imandır.
Şer işim bixetdir, qünəxim kəndir,
Sən özün keçirgil, ya züljelalım.*

В этой строфе, начинающейся с обращения к Творцу, поэт просит у Бога света, веры, прощения всех грехов, злодеяний, и после этого – своего слияния с Богом:

*Pırağı diyir, ışk oduna buryanam,
İl-malına, men xalıma qıryanam.
Qorkı-umit ortasında xayranam,
Tanla, maqşar, ye reb, ne bolar xalım!* [2, с. 108].

Как Маджнун был верен своей любви, так и Махдумкули верен своей божественной любви. В своей любви к Творцу, Богу он безумен. Он отдал своей любви душу, ходит как Маджнун. Влюбленный (любящий Бога) ничего не понимающий, кроме своей любви, плавает в море любви, и божество этой любви его так одурманило, что его душа ничего не хочет:

*Jan berip qan ışkına, Mejnun boluban qezerem,
Tenim defter, qolum qalam, ajap vaspın yararam.
Qörmyen kenarını, ışk denizi içre yüzerem,
Simap bolup sen için, tilla köşkler düzerem,
Qayrı adaletli xəkim, xanı-soltan istemen* [2, с. 116].

Если любовь к Творцу, Богу уменьшится хоть на миг, то разлуки с Ним не избежать, и эта разлука означает уход души поэта из его тела.

В мистических стихотворениях часто встречается понятие «рай». Иногда оно употребляется и в прямом значении. В действительности рай считается «слиянием с Богом» (единство бытия). Следовательно, для суфиев слияние со своей Возлюбленной (Творцом) равнозначно слиянию с раем:

*Kanas içre telmurıp, ışkına pervana men,
Bilbil oldum, yetmedim, ol gözəl reyhana men,
Ser alıp kıldım nazar, bu ışkı-pınxana men,
İşkı birlen xakister bolan natuvana men,
İstemez men ol bexiştı, bexişt mexanım bar menin* [2, с. 142].

Это такая Возлюбленная, что все влюбленные очарованы ею. Только Бог обладает подобной красотой, и только он достоин такой любви:

*Sövdüqim şirin jandır,
Ol periqe qurbandır.
Küllü aşık xayrandır,
Ataş-suzana düşmez* [2, с. 146].

Любовь суфиев к Богу настолько велика, что они в этом огне горят. И если из их груди вырвется хоть один стон, то это растопит гору:

*Maqtımqulı, xakdan piyala çekse,
Piyala joş berse, xıyala çekse,
Aşıklar baqırından bir nala çekse,
Daqları elendir, daşı yandırar* [2, с. 362].

Махдумкули чувствует себя в этом мире несчастным, поэтому нет того, кто бы его послушал, знал бы о его бедах:

*Qörün, dostlar, bu sözümden yalan yok,
Bir qarıbam, nesixatım alan yok.
Maqtımqulı, menin derdim bilen yok.
Derdimin dermanı dile mixmandır [2, с. 388].*

Любовь к Богу до такой степени сильна, что ради этой любви влюбленный может бросить себя в огонь. И перед этой Божесивенной любовью все влюбленные не могут найти слов:

*Aşık ataş görse, urar ataş içre özünü,
Qül royuna kılar nazar, təlqança qözünü.
Bu ışkının zulmü birlen ança jandar karı-zar,
Maqsukına bolsa duçar, tapmaz diyjek sözünü [2, с. 418].*

По мысли поэта, ожидаемая от Творца любовь достается терпящим влюбленным. Если Бог увидит, что влюбленный находится на правильном пути, тот достигнет своей цели, мечты:

*Ey aqalar, bir qün bolar, pay alar,
Qulluk edip qezen ussada belli;
Xuda özi kime doqrı qözlese,
Yetişer maksadı, mirada belli [2, с. 450].*

Мистический поэт в этом мире жить не хочет, потому что здесь его сердце источает кровь:

*Dəli könül, neylər sen, qəldin jaxan içinde,
Ten torpaktır eqlenmez, jövхeri-jan içinde,
Qaldın dünya qamında, yüreqin qan içinde,
Abat diyər el urdun, düybi veyran içinde,
Rüstəm quma qarılıp, qaldı eqsan içinde,
Sen alarnın yanında qalmaz sen san içinde [2, с. 453].*

Как философский итог всего этого Махдумкули Фараги говорит, что умным является тот, кто не привязан к этому миру и стремится найти пристанище у Бога, ибо этот мир бременен, а Творец вечен:

*Akıl oldur, meyil etməse dünyəqə,
Sıdk ile sıqınsa kadir allaqə,
Maqtımqulı, xer suratı-zıbaqə,
Bakmaqıl, alarnın payanı bolmaz [2, с. 459].*

В этом бременном мире нужно трудиться и приобрести веру, чтобы потом дорога была ровной:

*Maqtımqulı, mexnetdir, xer kim toqsana etse,
Kem-kem qələr jaxana, kör qözün yaşa batsa,
Xiç kimden xaray bolmaz, ajal yakandan tutsa,
İmanını qazansan yolunni rovan etse,
Axır boljaqın şudur – tenin er bilen yatsa,
İşik, tüyniqi yoqdur, qarankı xana qəldin... [2, с. 462].*

Обращаясь к Творцу, он просит показать дорогу спасения своим влюбленным. Вера является спасением от всех бед, злодеяний, грехов, и с ее помощью можно найти добро, любовь:

*Ey kədri züljelal, sen xəkimi-roqayət.
Ey Axmedi Muxtar, bolun bize xedaət!
Ten şəxriqə könül soltanı, özqəsi-rovayət
Kim qalsa jepaqə, öelekden qeldi şikayət.
Arzuv kıladır bu qözlerim xadısı – ayat
Qel Maqtımqulı, sen munça sözlərnı kılma xəkayət,
Ovvalda aman, axırda imana qeləndir [2, с. 464].*

Таким образом, мистические поэты понятие любви, высказанное в теоретико-философской форме, довели до народа посредством магической силы слова. Естественно, на этом пути,

как и в классической литературе дивана, они использовали традиционные символы, эпитеты, сравнения, выражали свои мысли и чувства в форме, понятной для народа.

Мистические взгляды Махдумкули получили особое выражение в стихотворении «Йагмыр йагдыр, солтаным». Для слияния с Творцом мистический поэт желает дождя, так как дождь есть свет Бога, и когда этот свет опускается на землю, суфии считают себя слившимися с Богом. (По мистической философии, на том свете самое большое вознаграждение – слияние с Богом, то есть с Возлюбленной, а ад есть лишение этого вознаграждения. Самой главной мечтой, жизненной целью суфиев является единство бытия, то есть слияние с Богом, ощущение его в себе. Это самые счастливые минуты их жизни):

*Raxmetin işiqi arşdan açılsın,
Nurun insin, yer yüzüne açılsın.
Qubar öçsün, əlemə yüzi açılsın,
Rexm eyleyip, yaqmır yaqdır, soltanım!*

*Əlem təkdir qözler, qüdrət-permanı,
Jaxanı məst eyle, çıksın armanı,
Sendən biter dərtlilərin dərməni,
Rexm eyleyip, yaqmır yaqdır, soltanım!*

Для влюбленного, стремящегося к слиянию с Богом, не существуют параметров времени и пространства. Потому что влюбленный в Бога везде его видит и где хочет, там и с ним сливается:

*Derqaxdan diləner nəlişli qullar,
Minajət eyleyip, açılar tiller,
Yamanlıq qöterlip, yayılsın iller,
Rexm eyleyip, yaqmır yaqdır, soltanım!*

В мистицизме одним из основных понятий является ирфан (духовное знание). «Путь узнавания истины называется ирфан. По словам мудрых людей, человечество, избавляясь от корысти, находя умственно-духовный подъем, может познать истину. Поэтому ирфан считает возможным слияние с истиной не только доводами умственно-логическими, но и опираясь на ценности духовного совершенства и духовного возвышения» [3, с. 95]. Человек – единственное существо, которое обладает разумом. Человеку дан ирфан, для того чтобы он познал Творца, то есть истину.

*Bəndə bığarə mən, nə bərdır məndə,
Rəxm eyleqin, raxmən, kərəm kən sənə,
Kərəmin bolmasa, qaldık dərməndə,
Rəxm eyleyip, yaqmır yaqdır, soltanım!*

Согласно философии ирфан, человек на пути духовной эволюции проходит через многие трансформации. Продвижение на этом пути духовной эволюции в действительности является путем возвышения к Богу, и поэтому поэт говорит о том, что он постепенно, проходя через каждые слои вселенной, подвергается изменениям. На последнем слое духовного возвышения и трансформации все слои бесследно не исчезают и предыдущие трансформации остаются с человеком.

*Maqtımqulı, işkın eyler erada,
İşkına kəmil et, qoyma arada.
Yetirqin bərçanı məksət-murada,
Rəxm eyleyip, yaqmır yaqdır, soltanım!* [2, с. 210]

По нашему мнению, это стихотворение – ключ к пониманию основ суфизма. В нем сосредоточена вера и любовь к Создателю. И с философской, и с поэтической точки зрения это прекрасное стихотворение. Вначале его можно принять как обыкновенную просьбу к Богу послать дождь. Но потом, вчитываясь в строки произведения, окрашенные светом мистической философии, начинаешь более глубоко понимать его сущность. Конечно, во многих стихотворениях Махдумкули Фараги в той или иной форме отражены его мистические взгляды. Однако данное стихотворение является наиболее емким и ярким выражением этих взглядов.

Выводы. С творчеством великого мыслителя Махдумкули Фараги открывается новая страница в истории духовной культуры туркменского народа. Суфийские идеи красной линией проходят через творчество поэта. Поскольку концепция суфизма зиждилась на исламских ценностях, Махдумкули не мог не оказаться под влиянием этих идей: единство Бытия, слияние с Богом через любовь к Нему, через познание Творца и т. д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. İmrə Y. Güldəstə, Şeirlər / Yunus İmrə. – Bakı : Yazıçı, 1992. – 232 s.
2. Maqtumqulı. Saylanan qoşqular / Maqtumqulı. – Aşgabat, 1976. – 678 s.
3. Göyüşov N. Təsəvvüf anamları və dərvişlik rəmzləri (Yığcam ensiklopedik açığlama) / Nəşib Göyüşov. – Bakı : «Tural-Ə» nəşriyyat poliqrifiya Birliyi, 2001 – 240 s.
4. Xəlilov P. Böyük türkmen şairi / Pənah Xəlilov // «Ədəbiyyat və incəsənət» qəzeti. – 1983. – 28 oktyabr.

УДК 82.145

Джапарова Э. К., Мухтарова Л. И.

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ЭПИТЕТА В ЛИРИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ У. УИТМЕНА

Аннотация. В статье рассматриваются эпитеты, использованные в поэтических текстах американского поэта Уолта Уитмена. В результате анализа лирических стихотворений сборника стихотворений «Листья травы» («Leaves of Grass») Уолта Уитмена выявляется, что поэт использует метафорические, описательные, нейтральные, сравнительные, персонифицирующие, цветочные эпитеты. Указывается, что в лирических поэтических текстах Уолта Уитмена эпитеты используются в качестве стилистического приема и являются неотъемлемым составляющим элементом отражения особенностей стиля автора.

Ключевые слова: эпитет, семантика, поэтический текст, интенции, коннотация, герменевтика, верлибр, метафорический эпитет, стилистический прием.

Dzhaparova E. K., Mukhtarova L. I.

SEMANTIC AND STYLISTIC FUNCTIONS OF EPITHETS IN W. WHITMAN'S LYRIC POETRY

Annotation. The article is devoted to the study of epithets used in the poetic texts of the American poet Walt Whitman. As a result of the analysis of the lyrical poems of the collection of poems «Leaves of Grass» by Walt Whitman was revealed that the poet uses metaphorical, descriptive, neutral, comparative, personifying, and color epithets. It is indicated that in the lyrical poetic texts of Walt Whitman, epithets are used as a stylistic device and are an integral part of reflecting the characteristics of the author's style.

Key words: epithet, semantics, poetic text, intentions, connotation, hermeneutics, verlibre, metaphorical epithet, stylistic device.

Постановка проблемы. На протяжении многих лет ученые изучают функционирование экспрессивных средств языка в художественных произведениях. Наряду с интересом к творчеству других литераторов, большого внимания заслуживает проблема использования эпитетов в лирических поэтических произведениях Уолта Уитмена.

Анализ литературы. В последнее время ученые активно исследуют поэтическое творчество Уолта Уитмена. Работы поэта анализируются в разных аспектах: используются герменевтический (О. В. Дуброва, И. В. Никитина), концептуальный (А. Л. Логинов), литературоведческий (З. С. Биджиева, И. Л. Галинская), сопоставительный (Т. Скорлупкина) и другие подходы. Эпитетам посвящены работы С. А. Губанова [2], В. В. Гуревича [3], А. Н. Веселовского, И. В. Арнольда, А. Ф. Матушак [5], Б. В. Томашевского [7] и др. Однако следует отметить, что недостаточно работ, посвященных эпитетам в поэзии Уолта Уитмена.

Цель статьи – охарактеризовать особенности семантики и функций эпитетов в лирических стихотворениях сборника «Листья травы» («Leaves of Grass») Уолта Уитмена.

Изложение основного материала. Уолт Уитмен – известный американский поэт, публицист, эссеист XIX века, автор известного сборника стихотворений «Листья травы», который впервые был издан в 1855 году в небольшом количестве (795 экземпляров) и включал в себя всего 12 стихотворений. В последующие годы сборник перерабатывался, и в конечном итоге количество стихотворений составило 400, которые автор поделил на 12 циклов и 2 приложения. Его по праву называли «культовым», так как Уолт Уитмен своими поэтическими произведениями внес в англоязычную литературу «неведомую ей доселе раскрепощенность, свободу от формальных правил и условностей» [6, с. 144].

Многими исследователями эпитеты воспринимаются как достаточно простое изобразительно-выразительное средство, однако некоторые ученые считают, что эпитеты – это «стилистический прием, основанный на взаимодействии эмоционального и логического значения в атрибутивном слове, словосочетании или даже предложении, используемом для характеристики объекта и указывающем читателю на некоторые свойства или особенности объекта, они создают личное восприятие и суждение об этих свойствах» [1, с. 59].

Согласно В. В. Гуревичу, «эпитет – это слово или фраза, содержащая выразительные характеристики объекта, основанная на метафоре и таким образом создающая образ» [3, с. 31].

А. Ф. Матушак полагает, что эпитет является экспрессивно-оценочной характеристикой различных явлений, лица или предмета, причем не обязательно образной; эпитет содержит эмотивные или экспрессивные коннотации для выражения отношения автора к различным предметам [5, с. 5].

Б. В. Томашевский в своих работах подчеркивает, что в задачи эпитета входит выделение характерных черт, лексики для концентрации внимания на основном признаке, «выдвижение его на первый план и его усиление» [7, с. 208].

Таким образом, эпитет – это стилистический прием, используемый автором в различных функциях для усиления выразительности текста.

Рассмотрим семантику и функции эпитетов в лирических стихотворениях поэтического сборника «Листья травы» («Leaves of Grass») Уолта Уитмена.

Центральное место в сборнике «Листья травы» занимает произведение «Песня о себе» («The Song of Myself»). Оно представляет собой бессюжетную поэму, в которой осуществлен важнейший эстетический принцип Уитмена – единение авторского «я», человечества и целого мира, равенство, полное слияние героя поэмы со множеством встречаемых им людей, с жизнью во всей ее диалектической изменчивости, с природой во всем ее неисчерпаемом богатстве [4, с. 540].

Обычно эпитеты выражаются прилагательными. Обратимся к одной из строк стихотворения:

The impassive stones that receive and return so many echoes [8, с. 19]

(*Бесстрастные* камни, которые принимают и возвращают так много эха¹).

Здесь автором использован персонифицирующий эпитет (являющийся разновидностью метафорического эпитета), основанный на приписывании неодушевленным предметам свойств и признаков живых существ. Прилагательное, которое по своей семантике должно определять живое существо, сочетается с существительным, обозначающим неодушевленный предмет.

В поэзии Уолта Уитмена наблюдается использование многочисленных метафорических эпитетов. Часто поэт размещает их в начале строк:

*Crying by day Ahoy! from the rocks of the river,
Swinging and chirping over my head,
Calling my name from flower-beds, vines, tangled underbrush,
Lighting on every moment of my life* [8, с. 43].

¹ Здесь и далее перевод наш – Э. Д., Л. М.

of the rye – сумрачная зелень ржи. Семантика цветowych эпитетов Уолта Уитмена имеет глубокое смысловое значение, что видно из следующих примеров. Обычно медведь бывает бурый или белый, у Уитмена же он черный (**black**). Такой эпитет указывает на мощь, силу, целеустремленность, которые помогают медведю выжить в суровых природных условиях. Употребление эпитета **delicate blue** (нежно-голубой) подчеркивает хрупкость, нежность и короткую жизнь цветков льна.

Следует отметить, что эпитеты в стихах часто встречаются в конце строки, так как они являются одним из компонентов инверсионной конструкции, применяемой поэтом:

*Tenderly will I use you **curling** grass,
It may be you transpire from the breasts of **young** men
This grass is very dark to be from the white heads of **old** mothers,
Darker than the **colorless** beards of old men* [8, с. 156].

Положение эпитетов в конце строк акцентирует внимание читателя на характеристику внешности или свойств людей и предметов: **curling grass** – вьющаяся трава, **young men** – молодой мужчина/юноша, **white heads** – седые головы, **old mothers** – старые матери, **colorless beards** – бесцветные бороды стариков.

Удивительно, как такими простыми словами, простыми художественными средствами, как эпитеты, создаются глубокие образы, основательные идеи, яркие ассоциации, отражающие мысли и чувства автора.

Таким образом, эпитет – это стилистический прием, используемый как средство передачи индивидуального, субъективно-оценочного отношения автора к описываемым явлениям, живым существам и предметам.

Эпитеты в поэзии Уолта Уитмена являются неотъемлемым составляющим элементом отражения особенностей стиля автора и обладают многофункциональными качествами.

Для выражения идейных замыслов в своих лирических стихотворных текстах Уолт Уитмен использовал такие виды эпитетов, как метафорический, описательный, нейтральный, сравнительный, персонифицирующий, цветовой, с семантикой оценки действия или признака, позволившие воспринимать читателю его поэзию как произведения с возвышенной стилистической окраской.

Проведенный анализ подтверждает положение о том, что в лирической поэзии Уолта Уитмена эпитет выполняет семантико-стилистическую функцию: усиливает образность и экспрессивность в создаваемом автором тексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Борисова Е. Б. Курс лекций по стилистике современного английского языка = A Course of Lectures in Stylistics of Modern English : учебное пособие / Е. Б. Борисова. – 2-е изд., испр. и доп. – Самара : СГСПУ, 2021. – 118 с.
2. Губанов С. А. Теория эпитета: основные подходы : монография / С. А. Губанов. – Самара : ООО ПД «ДСМ», 2016. – 144 с. – С. 56.
3. Гуревич В. В. English Stylistics = Стилистика английского языка : учебное пособие / В. В. Гуревич. – 9-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2019. – 70 с.
4. Зверев А. М. Уолт Уитмен / А. М. Зверев // История всемирной литературы : в 8 томах / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; гл. редкол.: Г. П. Бердников (гл. ред.), А. С. Бушмин и др. – М. : Наука, 1983–1994. – Т. 7. – 1991. – С. 540–545. – На титл. л. изд.: История всемирной литературы : в 9 томах.
5. Матушак А. Ф. Стилистика английского языка (материалы к учебной дисциплине) / А. Ф. Матушак. – Челябинск : Изд-во ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2019. – 78 с.
6. Новиков В. И. Уолт Уитмен в «новом, свежем мире» (об одном парадоксе диалога культур) / В. И. Новиков // Общественные науки и современность. – 1992. – № 6. – С. 144–152.
7. Томашевский Б. В. Стилистика и стихосложение : курс лекций / Б. В. Томашевский. – Москва : ФЛИНТА, 2019. – 536 с.
8. Witman W. Leaves of Grass [Электронный ресурс] / Walt Witman. – Режим доступа : <https://e.lanbook.com/book/31549> (дата обращения: 01.11.2023).

Исмаил Асаногълу Керим (Керимов И. А.)

АБДУРРАХМАН-РАХМИ КЪАДРИЗАДЕНИНЪ БЕЛЛИ ОЛМАГЪАН ИЛЬМИЙ ЯЗЫСЫ¹

Ачыкълама. Къырымтатар эдебиятынынъ классиги А. Къадризаденинъ иджады чокътан берли огренильмекте. Ама бунъа бакъмадан, ишбу макъаленинъ муэллифи сонъ вакъытлар ичинде кендисининъ айрыджа бир тедкъикъатында инкъилиптан эввель Азербайджанда нешир этильген «Фююзат» («Хайыр») дергисинде онынъ земаневий алимлерге ич де белли олмагъан ильмий макъалесини булгъандыр. А. Къадризаде бу макъаледе VIII асырда дарб этильген (кесильген) капикнинъ юзь ве терс (аверс ве реверс) тарафларындаки язылардан акъчанынъ аббасидлер сюлялесине аит олгъаныны исбатлай. А. Къадризаденинъ тамам бу макъалеси ве бунъа бенъзер базы дигер макъалелери ачыкъ-айдын косьтерелер ки, муэллифининъ бутюн иджадыны битараф (объектив) шеклинде огренмек ве къыймет кесмек ичюн, онынъ ялынъыз бедий сёз усталыгъыны дегиль де, мытлакъ буюк эмиети олгъан ильмий фаа-лиетини де огренмели.

Анахтар сёзлер: А. Къадризаденинъ иджады, XX асырнынъ башларындаки къырымтатар эдебиятынынъ классиклери, мусульманлыкънынъ тарихини анълаткъан илим.

Исмаил Асаногълу Керим (Керимов И. А.)

НЕИЗВЕСТНАЯ НАУЧНАЯ РАБОТА АБДУРРАХМАНА-РАХМИ КЪАДРИЗАДЕ

Аннотация. Творчество классика крымскотатарской литературы А. Кадризаде изучается уже много лет. Но несмотря на это, в последнее время автором статьи в дореволюционном азербайджанском арабоязычном журнале «Фююзат» («Благо») обнаружена неизвестная современным исследователям научная статья А. Кадризаде, раскрывающая тайну аверса и реверса монеты VIII века, найденной в развалинах Батума неким «Ш.Ч.» Будучи известным знатоком мусульманской старины, энциклопедистом и ученым с огромным багажом литературы в личной библиотеке, А. Кадризаде подробно изложил происхождение и чеканку данной монеты аббасидскими правителями. Обнаружение новой статьи А. Кадризаде, наряду с другими подобными работами, позволяет рассматривать творчество писателя не только как художника слова, но и как ученого-энциклопедиста, внесшего большой вклад в развитие крымскотатарской гуманитарной мысли начала XX века.

Ключевые слова: творчество А. Кадризаде, классики крымскотатарской литературы начала XX века, наука по истории мусульманства.

Ismail Asanoglu Kerim (Kerimov I. A.)

UNKNOWN RESEARCH WORK ABDURRAKHMAN-RAHMI QADRIZADE

Annotation. The work of the classic Crimean Tatar literature A. Kadrizade has been studied for many years. But despite this, recently the author of an article in the pre-revolutionary Azerbaijani Arabographic magazine «Fyuyuzat» («Good») discovered a scientific article by A. Kadrizade unknown to modern researchers, revealing the secret of the obverse and reverse of an 8th century coin found in the ruins of Batum by a certain «Sh.Ch.» Being a well-known expert on Muslim antiquities, an encyclopedist and a scientist with a huge amount of literature in his personal library, A. Kadrizade described in detail the origin and minting of this coin by the Abbasid rulers. The discovery of a new article by A. Kadrizade, along with other similar works, allows us to consider the writer's work not only as an artist of words, but also as an encyclopedist scientist who made a great contribution to the development of Crimean Tatar humanitarian thought of the early twentieth century.

¹Текст статьи публикуется в авторской орфографии и грамматике.

Key words: *creativity of A. Kadrizade, classics of Crimean Tatar literature of the early XX-th century, science on the history of Islam.*

Мевзунынъ актуаллиги. XX асырнынъ башларындаки чокъусы классик яызджыларымызнынъ иджатлары чешит тарихий себеплерге коре кереги дереджеде огренильмегендир. Сюрдюнлик девринде олгъан миллий-медений гъайыпларымыз сонъсузлыгъындан аман-аман ич бир яызджымыз акъкъында диссертация язылмагъаны ичюн ве аслында тедкъикъатларда пек чокъ янълыш ве объектив олмагъан кыйметлер кесильмекте. Айны дурумда А. Къадризаденинъ иджадыдыр. Месея, чокъ йыллар девамында онынъ Тюркиеде окъугъаны хусусында биле ич де хаберимиз ёкъ эди. Бундан гъайры, бу кунълерде тесадуфен мейдангъа чыкъкъан менбалар косътерелер ки, араштырмалар даа чокъ, даа жанлыджа ве даа хызлыджа олмалылар. Шунунъ ичюн ишбу ашагъыдаки макъале анъылгъан себеплер сырасында гъает эмиетли ве актуальдир.

Эдебиятнынъ талили. Тарафымыздан ишбу муэллифнинъ иджады иле топлангъан менбалар эпси олып 70 адедге якъын олып, чокъусы дженктен эввельки девирде басылгъан онынъ эсерлер джедвелидир. Булар арасында онынъ терджимелери ве шу джумледе чешит сааларгъа багъышлангъан макъалелеридир ки, буларнынъ ильмий кысымына биринджи дефа мураджаат олунмакъта.

Макъаленинъ макъсады – А. Къадризаденинъ иджадындаки ильмий чалышмаларыны сечмек ве олар акъкъында хабер берип, тамам бу саада келеджектеки тедкъикъатларнынъ даа объектив олмаларына темель азырламакътыр.

Эсас кысым. Кечкен сененинъ ахырында «Янъы дюнья»нынъ биркъач номерлеринде «Абдурахман-Рахми Къадризаде (1876–1938). Аяты ве фаалиетининъ эсас чизгилери» серлевасынен классик яызджымыз акъкъында тафсилатлыджа бир парча язып нешир эткен эдик. Чокъ языкъ ки, бу сонъ кунълер ичинде элимизге кечкен бир материал, о заманда бизге корюнмегенинден, къачырылгъандыр...

Язарнынъ терджиме-и-алыны анълатыркен, эсас чизгилеринден энциклопедик бильгиси олгъаныны къайд этип, буны тасдыкълайыджи материалларны мисаль оларакъ кетирген эдик. Шулардан бириси, эски яызджыларымыздан Ш. Алядиннинъ язылары эди. Олар бераберликте «Янъы дюнья» газетасында 1930-нджи сенелери чалышкъанлар. Ве Ш. Алядиннинъ бойле хатыралары матбаа юзюни корьгендирлер: «Меним столум къарт эдип, шаир ве алим А. Къадризаденинъ янашасында... Къадризаде кенъ мучели, юксек адам. Терджиманлыкъ вазифесинде тюрлю тиллердеки эсерлерни татарджагъа (къырымтатарджагъа) терджиме иле мешгъуль. **Идаре хадимлери бильмеген шейлерни (не саада олса да) ондан сорайлар. Абдураман агъа эпсини биле, эпсини анълата**» [1, с. 59–60].

Аслында Къадризадени бильгенлер ве бир сыра меслекдешлери – эпси бир агъыздан онынъ гъает бильгили, кучлю интеллект олгъан, чешит тиллер бильген инсан оларакъ васфландыралар [2; 3; 7].

Иште, бу васфы, бу хасиети ве къабилети сонъундан дегиль де, яшлыгъындан девам эткенини анъладыкъ. XX асырнынъ башларында Тюркиеде (?) окъуркен, Бакуда чыкъкъан «Фююзат» («Хайыр», «Благо») дергисининъ эр бир номерини алып, ильгиле козьден кечире. 1907 сенеси 22-нджи номерде (июль 16) чыкъкъан бир парча онынъ дикъкъатыны айрыджа чеке. Мезкюр парчанынъ муэллифи адыны язмадан, ялынъыз баш харфлерини къайд эткен эди: «Ш.Ч.». Парча Батумдан кондерильгени акъкъында А. Къадризаденинъ бир къач номерден сонъ чыкъкъан макъалесинден анълаймыз.

«Ш.Ч.»нинъ язысында айнен шулар тарифленмете: «Бирисинден бир эски кумюш акъча кечти элимизе. Паранынъ буюклиги учь капик къадар олур, факъат даха инджедир. Язысы «хатт-ы-куфи» (арапча язы усулларынынъ бириси. Къуран-ы-Керим бу языдадыр – *И. К.*) иле язылмыштыр: «Ля иляхи иляллах вахдеху ля шерик леху». Ортасында: «Бисмиллях заребе хезед-д-дирхэм биль Мухаммедиети сенети тис-е ве эрбаин ве мааху». Дигер юзюнинъ кенарында: «Мума эребини-и-Мухаммеди Мухаммед ибн Эмир эльмуминин», ортасында: «Мухаммед Ресулюллах эрселе биль-худа ве дин-эль-Хакъкъ лиезхэре алед-дину куллеху ве кефа

биль-лях шехиден» (бугуньде капик юзьлери тарафлары бойле адландырыла: «аверс» – юзь тарафы, «реверс» – капикнинь арт тарафы – *И. К.*).

Язы пек ачыкъ ве пара гъает гузельдже мухафаза олунмыштыр (сакълангъандыр). Гурьджюстаннынъ имарет койлеринде чѣмлек ичерисинде бир къач адед (дане) оларакъ булунмыштыр. Эзиет олмасса, кешф ве тарифи мюстерджадыр (риджа этилир). 10 майыс сене 1907» [9].

Энциклопедик бильгиси олгъан ве бильги алмагъа джан-гонъюльден авес эткен, чешит къылавуз китаплары (справочниклер) ве лугъатлар топлап огренген А. Къадризаде учь ай ичинде бир инат къурт вари меселеге далып чешит тедкъикъат ве араштырмалар япып бу суальге джевап азырлай (Меракълысы шу ки, бу ишни онгъа редакция сымарлаймы, ёкъса кенди башына япамы?). Ве ашагъыда корьгенимиз киби, А. Къадризаденинъ джевабы гъает инанчлы ве темелли эсаслар узеринде къурулмакъта. Эбет, тиль меселесине кельгенде, медреседеки окъумаларнынъ арапча-фарсиджесининъ «динкаласында» булунгъанындан, бугуньдеки окъуйыджыгъа агъырджа кельсе де, эр алда баягъы ачыкътыр. Абдурахман-Рахми Къадризаде юкъарыда «Ш.Ч.»нинъ парчасында берильген суальге бойле джеваплана:

«Фююзат»ын 22-нджи нухасындаки суалинизе джевап олмакъ узьре Истанбул бахрийе мириливалеринден (бригадный генералларындан) Эюп Сабри Паша мерхумын телифкердеси (къалемдеши) олан «Мират-уль-хэремейин» («Эскиликнинъ кузьгюси») нам китаб-ы-феваит-нисабде (файдалы сермае китабында) мундеридж олан фикре-и-атиейи (фикир хэдиелерини) накъыль идиюрым: шойле ки, мерхум Сабри Паша мезкюр китабынынъ «Мират-ы- Меккийе» (Мекке кузьгюси) къысмында, 809-нджи сахифеде «Хутут ве эшкал-и-нукъуд-и-къадиме» («Чизгилер ве къадимий акъчаларнынъ шекиллери») унваныле башлаян макъалесинде та Хазрет-и-Осман девринден башлаяракъ дирхем ве динарын хутут ве эшкалини (чизги ве шекиллери) сырасыле тариф ве беяндан ве хулефа-и-Аббасийенинъ (Аббасий халифлерининъ) биринджиси олан Сеффахын дирхеми хутутыны муфассален (тафсилятлы) бахс ве итъяндан (бильдирмесинден) сонъра, икинджиси олан Мансурын дирхемине накъл-и-келям идерек, диюр ки: «Мансур Деваниги 144 сенеси (милядий: 761 сенеси – *И. К.*) Басра ве 151 (милядий: 768 – *И. К.*) сенеси Багдад зарбханелеринде зарб (дарб) итирдиги дирхемлерин орталарына: «муна эвр бихи-эль эмир /усътюнликле эмир этильген/ эль-Мехди Мухаммед Эмир эль-муннинъ» ибаресини яздырмыш илях.». Бундан малюм олуюр ки, сизин элинизе кечен дирхэм де Мансурындыр. Чюнки сенеси Мансурын хиляфетин хэнгамине (деврине) тесадуф иттиги киби, балюде мухаррир китабы дахи онункининъ айныдыр. Бундан сонъра Сабри Паша даха башкъаларынынъ дирхэмлерини дахи зикр идиюр (ангъа) исе де, бунлара «муна эвр бихи илях.» китабеси ёкътур. Лякин Мансурын исми Абдуллах олдугъы халда, дирхэмлерине нечюн Мухаммед яздырмасынынъ себебини билемедим» [5].

1907 сенеси «Фююзат»та басылгъан ишбу парча тек бир дане эдими, ёкъса даа башкъалары бармы, белли дегиль. Бойле «ильмий къылавузлыкъ» олгъан дигер парчалары бельки башкъа ерлерде де басылгъандыр. Бу меселени даа инджеден араштырмалы. Ама бугунь чокъ ашикярдыр ки, А. Къадризаденинъ 1926 сенеси «Окъув ишлери» журналында бастыргъан «Кунеш такъымы» [6], айны сенеси «Илери» дергисинде бастыргъан «Дельфин» (макъаледе «дельфин» къырымтатарджа «харам балыкъ» адландырылып «мемели хайванлар джынсы»на менсюплигине изаат бериле – *И. К.*) [4] киби ильмий-араштырма парчалары булунмакъта. Булардан гъайры, ильмий ве ичтимай джихэттен гъает муим олып миллетимизнинъ медений ёнелишини даа бир басамакъкъа котермек ниетинен язылгъан макъалелери де корюнмекте. Шулардан бириси 1917 сенеси «Терджиман»да басылгъан «Къырымтатары ве фамилия» адлы парчасыдыр. Бу ерде, акъикъатен, инсанларда фамилия меселеси пек джиддий меселе оларакъ котерильмекте. Макъаленинъ башында А. Къадризаде меселени бойле ачыкъламакъта: «Фамилия ки, аиле ве несиль исми димектир. Зан идерсем, Русиеде бизим къырымтатарындан маада (гъайры) хэр миллетте вардыр. Шималъ ве Литва татарларыле Кавказ мусульманларында фамилиясыз бир кимсе олмаса керектир. Халбу ки, Къырымымызда мырзалар ве шехэрлилерден базылары ве бир де ялы бою мусульманларынынъ муневвер (зиялылы) къысмы истисна идилиндже, койлю къысмы хэман умумиетле фамилиядан махрум олып, меселя: Хасан Хусе-

иногълу, Али Велиогълу, фелян феляногълу ве хаказа (дигер) киби бабаларынынъ исимлериле берабер яд олуныюрлар. Халбу ки, бир койде, меселя, бир къач дане Ахмед Мехмедогълу булуна бильдиги киби, бир шехэрде 5–10 дане булунмакъ ихтималы вардыр. О халда бунларын бири-биринден тефрикъи (айрылмасы) кучь олдугъындан, бутюн янлышлыкълар ве уйгунсыз халлар да зухур иде билир ки, «фамилия» къулланылдыгъы такъдирде, о киби халларын зухуры мухтемель (бекленмеси) /шарт/дегильдир.

Бундан маада, хэр кесин исминден сонъра бабасынынъ исмиле берабер бир де «огълу» лафзаныны (келимесини) текрар идуп турмасы хэм агъыр, хэм де мелиль (кедерли), саире назарында кулюнчтир. Шимди хэр миллетин, хэр хукъукъта месави (мескен) ве гражданлыкъле мефтухар булундыгъы (эльге кечирильген /хакълары/) булундыгъы бу заманда, татарын да бу экиклигини тамамламая гъайрет идерек, саире ватандашларынынъ малик олдугъы бу гузель адети бенимсеюп де фамилия къабул итмеси мунасиб олмазмы?» [8].

Нетидже. Къыскъа келям, А. Къадризаденинъ ильмий тедкъикъят ве араштырмалары инкъиляп девринде ве ондан сонъ дегиль де, баягъы эввель, яни 1907 сенесинден итибарен, олгъаны корюнемкте. Эм де бу сонъ куньлерде А. Къадризаденинъ «Фююзат» дергисинде тесадуфен тапылгъан мезкюр язысы ильмий менбаларда корюнемгени ве белли олмагъанындан гъайры, муэллифининъ бедий иджады иле берабер чокъ меракълы ильмий чалышмалары булунгъаныны бильдиремкте. А. Къадризаденинъ иджадий фаалиети объектив огренильмеси ичюн бу факт гъает муим ве актуальдир.

КЪУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ

1. Алядин Ш. Юксек хызмет / Шамиль Алядин. – Ташкент : Гъафур Гъулам адына эдебият ве санат нешрияты, 1983. – 208 с.
2. Джавтобели З. М. Эдебият севдалары / З. М. Джавтобели. – Ташкент : Гъафур Гъулам адына эдебият ве санат нешрияты, 1983. – 128 с.
3. Керимов И. А. Абдураман Къадризаде (1876–1938). Терджиме-и-халына даир янғы чизгилер / И. А. Керимов // Йылдыз. – 1999. – № 3. – С. 148–151.
4. Къадризаде А. Дельфин / А. Къадризаде // Илери. – 1926. – № 1. – С. 69.
5. Къадризаде А. Идарее мектюп. Батумда Ш.Ч. имзалы зата джевап / Абдурахман-Рахми Къадризаде // Фююзат. – 1907. – № 26; сентябрь 8.
6. Къадризаде А. Кунеш такъымы (Астрономия) / А. Къадризаде // Окъув ишлери. – 1926. – № 8-9-10 (16-17-18). – С. 11–119.
7. Къадризаде Ш. Къадризаде ве онынъ деври / Ш. Къадризаде // Йылдыз. – 1990. – № 6. – С. 124–133.
8. Къадризаде А. Къырымтатары ве фамилия / А. Къадризаде // Терджиман. – 1917. – № 103; майыс 17.
9. Ш.Ч. Мектюб / Ш.Ч. // Фююзат. – 1907. – № 22; июль 16.

УДК 82.95.512.19-1:8122

Исмаил Асаногълу Керим (Керимов И. А.)

ТАТАРСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫНЪ МИЛЛИЙ КУТЮПХАНЕСИНДЕ КЪЫРЫМТАТАР МЕВЗУАТЫ¹

Ачыкълама. Татарстан Республикасынынъ Миллий кутюпханеси Русиенинъ энъ эмитли ве буюк кутюпханелеринден биридир. Онынъ сийрек китаплар ве эльязмалар болюгинде Къырым ве къырымтатарджа мевзуат иле багълы бир чокъ менбалар булунмакъта. Макъаледе сийрек китаплар ве эльязмалар болюгинде олгъан базы муим менбалар иле таныштырмакъ арекети теджрибе этильемкте. Эм бу менбалар баикъа кутюпханелерде, шу джумледе Москва ве Санкт-Петербургнуынъ меркезий кутюпханелеринде, булунмадыгъыны айрыджа къайд этмели. Мезкюр менбалар къырымтатар миллий медениети ве тасиль тарихининъ айдынлатмагъа буюк роль ойнамакъталар.

¹Текст статьи публикуется в авторской орфографии и грамматике.

Анахтар сёзлер: Татарстан Республикасынынъ Миллий кутюпханеси, сийрек китаплар ве эльязмалар болугинде булунган кырымтатар миллий медениетининъ тарихи иле багълы менбалар.

Исмаил Асан огълу Керим (Керимов И. А.)

**КРЫМСКОТАТАРСКАЯ ТЕМАТИКА
В ОТДЕЛЕ РЕДКИХ КНИГ И РУКОПИСЕЙ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН**

Аннотация. Национальная библиотека Республики Татарстан является одной из важнейших библиотек России с тюркологической литературой. В отделе редких книг и рукописей хранится немало источников, связанных с Крымом и крымскотатарской тематикой. В статье делается попытка осветить отдельные важные раритетные издания, которых нет в других библиотеках, в том числе центральных библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга. Такого рода источники являются весьма значимыми для освещения истории национальной культуры и образования Крыма.

Ключевые слова: Национальная библиотека Республики Татарстан, редкие источники по истории крымскотатарской культуры и образованию.

Ismail Asanoglu Kerim (Kerimov I. A.)

**CRIMEAN TATAR THEME IN THE DEPARTMENT OF RARE BOOKS AND
MANUSCRIPTS NATIONAL LIBRARY OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN**

Annotation. The National Library of the Republic of Tatarstan is one of the most important libraries in Russia with Turkic literature. The department of rare books and manuscripts stores many sources related to Crimea and Crimean Tatar topics. The article makes an attempt to highlight certain important rare publications that are not in other libraries, including the central libraries of Moscow and St. Petersburg. These kinds of sources are very significant for lighting the history of the national culture and education of Crimea.

Key words: National Library of the Republic of Tatarstan, rare sources on the history of Crimean Tatar culture and education.

Мевзунынъ актуаллиги. Сонъ йыллары бир чокъ архив ве кутюпханелернинъ «къапулары, толу олмаса да, ич олмадым аралыкъ япылганларындан», кырымтатарджа мевзуатта чалышмакъ ичюн базы шараитлер догъурылды. Шу себептен Къырым архив ве кутюпханелеринде булунмаган бир чокъ шейлер башкъа ерлерден кыдырылмалы. Иште, бойле фурсат якъында Татарстанда ачылган олып, чокъ вакъыт отурып чалышмаган чаре олмаса да, Республиканынъ Миллий кутюпханесининъ сийрек китап ве эльязмалар болугинде меракълы менба-ларга огърадыкъ. Бу менбалар не Къырымда, не башкъа ерлерде, атта буюк шеэрлернинъ меркезий кутюпханелеринде тапылмаганларындан себеп, чокъ кыйметли ве актуальдир.

Эдебиятынъ талили. Бу мевзудаки чалышмамыз биринджи адым олганы ичюн орталыкъта мевзумыз иле багълы ич бир тюрлю къайнакъ ве менба корюнемекте. Яни макъалемизде берильген малюмат ве менбалар мевзунынъ башлангычыдыр. Бундан сонъра, табий, даа чокъ вакъыт ве шараит тапылып чалышылса, даа пек чокъ меракълы ве онемли менбалар мейданга чыкъмасы имкяниети бар ки, кырымтатар миллий медениети ве тарихини даа терен ве объектив огренмеге имкянлар ачылып.

Мевзунынъ макъсады – кырымтатар мевзуатына багъышланган ильмий тедкъикъатларнынъ даа индже, даа догъру ве даа объектив олмасы ичюн дюнья архив ве кутюпханелеринде булунган малюмат ве менбаларны ильмий-араштырма кетишатына къошмакъ.

Макъаленинъ эсас къысмы. Майыснынъ экинджи ярысы ичинде бир афта девамында Татарстанда кечирильген бутюндюнья ислям форумунинъ базы секцияларында олып кечкен ильмий конференцияларында иштирак этмеге бизге къысмет олды. Шу арада бош вакътымыз

олгъанда, майыснынь 17-синде бир кунь девамында Татарстан Республикасынынъ Миллий кутюпханесининъ (ресим 1) сийрек китап ве эльязмалар болюгинде чалышып каталоглары ве базы материаллары иле танышмагъа аракет эттик. Табий оларакъ, дикъкъатымызны чеккен шейлерден эсасен Къырым ве къырымтатар мевзуаты эди.

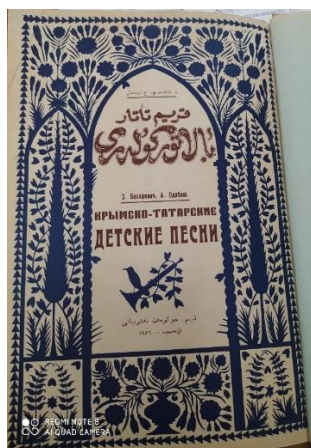

Ресим 1. Татарстан Республикасынынъ Миллий кутюпханеси.

Чокъ аджайип ки, кутюпханеде булунгъан Къырым ве къырымтатарлар иле багълы китапларнынъ хронологик джиэтинден энъ эски вариети XVII асырнынъ 2-нджи ярысына аит А. Нарушевичнинъ «Таврикия или известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителей до наших времён». Китап 1788 сенеси Киев Академиясында нешир олунды. Бундан сонъ, эскилиги иле 2-нджи ерде П. И. Сумароковнынъ «Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году: С историческим и топографическим описанием всех тех мест» [3]. Эски китап ве газетлернинъ джумлеси оригиналдыр, яни китап ве газетлернинъ тек асыл нусхалары булунмакъта. Эм де окъуйджыны пек сеиндирген ве хошландыргъан шей – кутюпханеде сакълангъан эр бир несне мукеммель шекильде онъартылып, реставрация олунуп, чокъусы тюзгюн къалын джылтнен джылтлангъан алында булунмакъта. Кутюпхане хадимлери бизге анълаткъанларына коре, кутюпханенинъ кенди онъартма ве джылтлама даирелери булунмакъта, шунунъ ичюн эскирген ве ипрангъан матбаа махсулатынынъ реставрация ве джылтла-маларыны кендилери ясамакъталар.

Татарстан Миллий кутюпханесининъ шекиленмеси ве зенгинлешмесинде шахсий кутюпханелер де озь ролюни ойнагъанларыны коремиз. Меселя, къырымтатарджа базы китапларнынъ каталогларында профессор М. А. Фазлуллиннинъ кутюпханеси, Р. Утебай Керими фонду, базы дигер китапларнынъ каталогларында исе «Татар эмиграциясы»нынъ коллекциясындан олгъанлары айрыджа къайд этильмекте. Миллий кутюпханенинъ ичи-тышы сонъ дедже мукеммель тамир олунгъаны ве модерн донатмаларнен темин этильгени корюмекте.

Бизим дикъкъатымызны джелъп эткен менбалардан бириси 1926 сенеси Къырым Маариф Комиссарлыгъы тарафындан Акъмесджитте Къырым Хукюмет Нешриятында чыкъарылгъан ресимли ве «мусикълы» (музакалы, ноталы) «КЪЫРЫМТАТАР БАЛА ТЮРКЮЛЕРИ» китап-чесидир (ресим 2).

Ресим 2. З. Бахаревич ве А. Одабашнынъ «Къырымтатар бала тюркюлери» джыйынтыгъы.

Китапчени тертип эткен ве неширге азырлагъанлар А. Одабаш ве З. Бахаревиич. Абибулла Одабаш кендисининъ 1926 сенеси февраль 20-де язгъан китапкъа «Башлангъыч» сёзюнде дей ки: «Тюрк-татар улькелери бугунь енъи ичтимаий бир яшавын арфесинде булуныюрлар. Онларда бу яшавын темеллери илерики неслин асрий-ильмий тербиеси узерине къуруладжакътыр. Лякин кенди хусусиетлерини козе аларакъ теджъикъ итмек шартыле бу енъи тербиенинъ ильмий, табий къанунларыны булуп (!) чыкъармакъ ишини Якъын Шаркъ даха хэнуз башлаямаюр. Гъарбын бала тербиеси ишиндеки ильмий хазинелерининъ къапулары исе, бизе анджакъ махдут тешеббюслер ве аджелеликле япылмакъта олан терджимелер васытасыле ачылмакътадыр. Бугунь Шуралар Бирлигине кирен тюрк-татар халкълары арасында буюк ичтимаий инкъилиптан сонъ баш айландырыджы бир суретте илерилемекте олан маариф харекетлерининъ энъ чокъ ресмий бир тарзда олуп (!), эксерий тешкилят ве идаре джихэтлеринде девам итмекте олдугъыны кориюрыз. Анадолу тюрклер де дахиль олдугъы мушахеде олунмакътадыр (корюнмектедир). Бугунь генч неслин тербиеси ишинде эхэмиетли бир чокъ меселелеримиз вар ки, биз онларын ачылып ярыкъландырылмасына хэнуз вакъыт ве фурсат буламыюрыз. **Иште, бу хал бизде бунынъ киби меселелерин ишленмелери ичюн тюрк-татар улькелери арасында муштерек (орта) бир диле малик ильмий бир меркезин къурулмасы ихтияджыны илери сюрмектедир.** Джиддий ильмий бир тербие институтынынъ негизи къурулмадыкъча, бизим хэр кунь къаршымыза чыкъан четсиз-буджакъсыз тербие меселелеримизин айры-айры махаллелерде алель-аджеле ве тек-тюк зайыф кучълерле эсаслы бир суретте чезильмеси имкян тышындадыр. Бунунъле берабер, бойле ильмий бир меркезин къурулмасы да анджакъ эввельдже айры улькелерин япаджакълары тешеббюс ве косътереджеклер и теджрибелер саесинде оладжакътыр! Биз бу кучюк меджмуамызле бизде шимдие къадар пек аз дикъкъат идильмиш олан бир сахада башлангъыч бир теджрибе япмакъ истедик...» [2].

1920-нджи сенелерининъ башларында Тотайкой техникумында, Къырым университетинде ве сонъра М. В. Фрунзе адына пединститутта чалышып методика фенинден дерс кечирген Абибулла Одабаш ишбу фенден гузель бир узман, мутехассыс олдугъындан гъайры, бу феннинъ джихан мыкъясындаки дереджесини, сыфатыны анъламагъа ве огренмеге огъраша эди. Генч несильнинъ тербиесине, сагълам олмасына ве илери ёлларгъа минмесине буюк эмиет берип, дюнья илимининъ энъ индже, энъ илери нокъталарындан файдаланмагъа арз эте. Эм юкъарыдаки икътибастан, цитатадан корюнгени киби, Гаспринскийнинъ тиль меселесиндеки анълайышларыны девам этерек, тюркий тилли халкъларнынъ «**орта бир тильге малик олгъан ильмий бир меркез къурулмасы**»ны арз эте! Аджайибат ве гъарайбат!!! Бугуньде де, яни 100 йылдан сонъ, бу меселе гъает актуаль ве келеджегимиз ичюн сонъ дередже муимдир. Тюркий халкълар озь тиллеринде юксек тасильнинъ бутюн сааларыны, шу джумледе бутюн техникий фенлерни озь тиллеринде окъумаларына малик олмагъа арз этселер, тиль меселесинде мытлакъ ортакълашмалары шарттыр!!! Бойле олмагъанджа, бутюн тюркий халкъларнынъ озь тилинде техник илимлерини огренюв меселеси эр вакъыт чокъ гъарибан алда оладжакътыр...

А. Одабаш Тюркие, Азербайджан ве Татарстанда нешир этильген бала тербиеси иле багълы китапларны огренерек (шулар арасында эм оригиналь, эм де терджиме сойлары да булунмакъта) дей ки, мында да «баланынъ рухуны охшая биледжек ве онъа бедий тербие виреджек шартларын хэпсине хаиз дегильдир/саип дегильдирлер». Эм шу эсас шартларны, принциплерни саяракъ, ашагъыдакилерни косътермекте:

1. Мектептен эввель яштаки балалар ичюн топлангъан эсерлерде мевзуларын баланынъ этрафындаки акъикъый яшавдан алынмасы ве онынъ ренклер и, шекиллер и ве сёзлери ишленмеси.

2. Бойле эсерлерининъ айны эсасларле ресимлендирильмеси.

3. Бала ичюн белли, эшитильген, алышылгъан макъам олмалы...

Иште, балалар ичюн иджат этильген ве тизильген тюркюлер китабы ве джыйынтыкъларнынъ классик принциплери бугуньде де гъает актуаль олгъаныны коремиз.

А. Одабашнынъ «Башлангъыч»та изаат эткен фикирлерининъ пек къыйметлиси ве онемлиси де (практик оларакъ) шудыр ки, джыйынтыкътаки тюркюлер ве дигер парчалар терджи-

месиз шекильде оларакъ базы тюркий республикалар ве умумен тюркий регионларда да къолай-къолай къуланмакъ мумкюн олгъаныдыр. А. Одабаш догърудан-догъру бойле дей: «Бу меджмуадаки манзумелери къырымтатарджасында язылмыш иселер де, шиве джихэтинден корюледжек базы кучюк фаркълары къалдырылмакъле онлары Азербайджан, Къазан, Туркистан ве дигер тюрк-татар улькелеринде къуланмакъ мумкюн олур!».

Бугунде тилимизни сакъламакъ, шекиллendirмек ве осьтюрмек ичюн не къадар къыйметли фикирдир!!!

Бугунде тюркий республикалар ве регионларда бизим тилимизге якъын тильде нидже романлар, назм китаплары, фольклор эсерлери чыкъмакътадыр. А. Одабашнынъ фикрине къошуларакъ, эминликнен айтмакъ мумкюн ки, иште тамам бу чокъракъ бизим бугундеки бедий вариетимизни осьтюрмек ичюн битмез-тюкенмез, сонъ дередже къыйметли бир чокъракътыр!!!

«КЪЫРЫМТАТАР БАЛА ТЮРКЮЛЕРИ» китапчеси акъкъында сёз юрютиркен, шу джыйынтыкътан бир тюркючик олса да, мисаль кетирмеге эльзем таныдыкъ:

БАХАРЬ

*Иште, кельди яш бахарь,
Кульди кене тарлалар.
Джыйлышынъыз балалар
Орталыкъта байрам вар!*

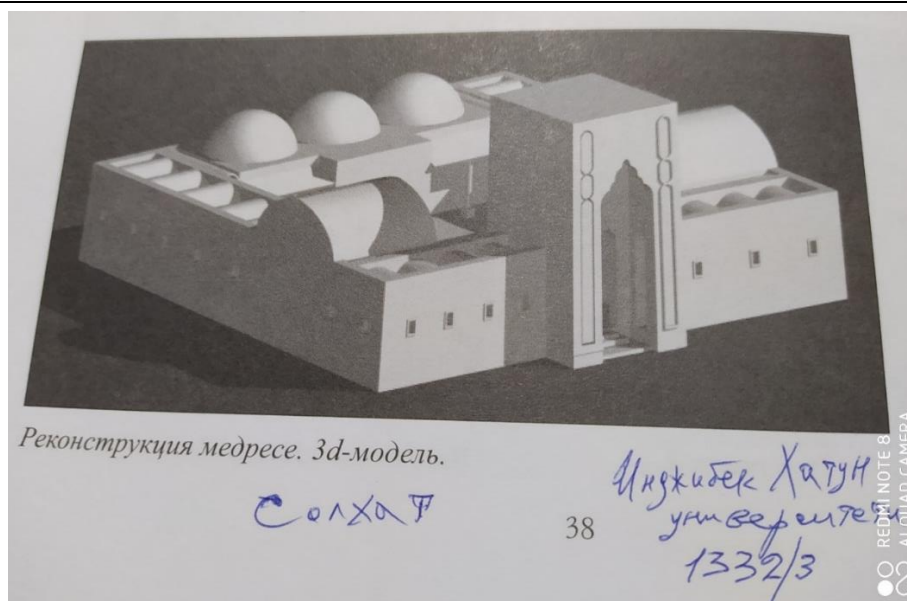
*Сызгъырчыкълар, бульбуллер
Бахарь джырын сёйлийлер,
Кулюшелер ал гуллер
«Кель де бизни ал!» дийлер.*

*Китме бахарь шай тезден,
Китме майыс, сен бизден.
Юреклерге нур серпкен
Айырма бу дженнетинъден!*

Татарстан Республикасы Миллий кутюпханесининъ сийрек китаплар ве эльязмалар болугинде булунгъан чокъ меракълы менбалардан бири де Пётр Кёппеннинъ 1837 сенеси Санкт-Петербургда нешир олунгъан «О ДРЕВНОСТЯХ ЮЖНОГО БЕРЕГА КРЫМА И ГОР ТАВРИЧЕСКИХ» адлы китабыдыр.

Бу китапнынъ 338-нджи саифесинден башлангъан «Солгат (Старый Крым)» LXVIII бабында Къырым ханлыгъынынъ биринджи пайтахты акъкъында чокъ меракълы малюматлар берильмекте. Франсыз шаркъшынасы Дегиннинъ чалышмаларына эасланаракъ П. Кёппен дей ки, бир заманлары Солхат (Эски Къырым) шеэри Азиянынъ энъ буюк ве баш шеэрлеринден бири олып, о къадар кениш ве буюк эди ки, атта бир ат миниджиси бесленген бир ат узеринде бу шеэрнинъ чевресини ярым кунде биле кечип оламаз эди. Къыпчакъ чёллеринде догъгъан Мысырнынъ султаны Бейбарс, бу шеэрде (къыпчакъ ханнынъ разылыгъыле) аджайип джами къурдыргъан эди. Джамининъ дуварлары мермер иле ишленген ве тёпеси порфир иле къапатылгъан эди. Бу шеэрде къурулгъан алий окъув юртларында **бүтюн илимлер огретиле эди**. О заманлары учъ айнынъ ичинде та Хорезмден (Хивадан) тиджарет керванлары келип Солхатны чешит малларнен теминлей эдилер...

Кёппен ангъгъан «алий окъув юртлары»нынъ бириси 1925–1926 сенелери Солхатта кечирильген археология къазувларынен чокъ айдын шекильде тасдыкъланды. Шу археология къазувларынынъ рехбери проф. Илья Бороздин кендисининъ о вакъытлары бастыргъан макъалелеринде 1332–1333 сенелери къурулгъан «Инджибек-Хатун медресеси» (ресим 3) адий бир медресе олмайып, юксек тасиль берген окъув юрту – университет олгъаныны онынъ къурулышы, къулланылгъан паалы материаллары, ичиндеки лекция аудиториясы, оджалар одалары, атта азбарында геджели-куньдюзли чагълагъан шеллялесеси ве бир чокъ дигер унсурларле тасдыкъламакъта.

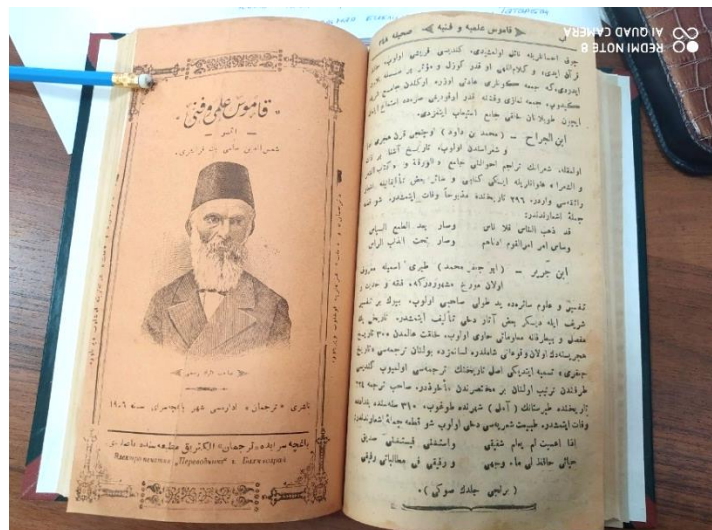
Ресим 3. 1332/33 сенелери къурулгъан «Инджибек-Хатун медресеси»нинь 3d-модели. Реконструкция.

Медреседе диний бильгилер алмакънен берабер арап тили, хукъукъ, белягъат (риторика), фельсефе, риязят (математика), мунеджджимат (астрономия) киби дюнъявий фенлер де огренильген. Медреседе окъув муддети 9 йыл олгъан.

Медресе чалышып башлагъанынынъ биринджи йылында оны арап сейяхатчысы Ибн Баттута зиярет эте. О, 1333 сенесининъ бахаринде юнан гемисинде Кефеге келип, сонъра кирагъа тутулгъан арабаларнен Солхаткъа келе. О ерде ерли акимет онъа буюк урьмет косътерек энъ эйи талим алгъан атларны онъа шеэрде кезинмек ичюн берелер. Шу атларнен Ибн Баттута бир къач куньлер Солхатны долаша. Чешит улемаларнен таныша. 1333 сенесине аит языларында Солхаттаки бир сыра ерли алимлер ве дин хадимлерининъ адларыны анъып кече. Мезкюрлер арасында шейхлер Музаффареддин, Музхиреддин ве Хорасанизадени, къадылар Шемседдин Саили ве Хызырны, факихлер (шерият бильгинлери) Шерифеддин Муса ве Аляэддин эль-Асини, хатиб Эбу-Бекирни («Къалендернаме»нинъ муэллифи) ве башкъаларны къайд эте. Ибн Баттута бу затларнынъ ильмий фаалиетине пек юксек къыймет кесе. Анълашылгъанына коре, шу эрбаплар Инджибек-Хатун медресесининъ ильк йылларында о ерде оджалыкъ эткендирлер. Сонъ вакъытларда басылгъан Къырымнынъ тарихи иле багълы бир парчада шу медреседе 1402–1404 сенелеринде дерс берген Хафиз-ад-дин ибн эль-Беззас (1329–1413) оджанынъ ады да къайд этильмекте.

Бу окъув журтуны 1666 сенеси корьген тюркиели сейях Эвлия Челеби озюнинъ «Сеяхатнаме»синде бойле къайд этмекте: «Инджибек-Хатун медресесининъ къапусы узеринде шойле бир левха язылгъандыр: «Ишбу сахаветли медресени инша этмекни эмирлернинъ эмири мерхум Къылбурун бейининъ къызы Инджибек Хатун хиджрий 733 йылда (милядий 1332–1333), девлетлернинъ акими, эйиаллыкъ вериджи адалетли султан Мухаммед Герай ханнынъ хукюмдарлыгъы девринде буюрды (археолог М. Крамаровскийнинъ хаберине коре, даа догърусы Гийас ад-дин Мухаммед Узбекнинъ укюмдарлыгъы девринде). Эм бу **къоджаман къапу гъает гузель бир шекильде сюсленгендир**». Эвлия Челебининъ сонъки джумлесине айрыджа дикъкъат этмели! 1666 сенеси университетнинъ «къоджаман къапусы гъает гузель шекильде сюсленгени» козьге чарпса, демек университет чалышкъан алында эди деп фараз этмеге имкъянымыз бар!

Татарстан Миллий кутюпханесининъ сийрек китаплар ве эльязмалар болюгинде булунгъан китаплардан о вакъыттаки мусульман дюнъясы ичюн чокъ муим ве къыйметли олгъан И. Гаспринский тарафындан нешир этильген тюрк дюнъясында мешхур илим адамы, лугъатчы, филолог, драматург, терджиман ве язар Шемседдин Самининъ «КЪАМУС-И-ИЛЬМИЙ ВЕ ФЕННИЙ» Энциклопедиясыдыр (ресим 4).

Ресим 4. «Қыямус-и-ильми вә фәнний» Энциклопедиясының муэллифи Шемседдин Сами Фрашери (1850–1904).

Бу китап не Москвада Русие Девлет кутюпханесинде, не Санкт Петербургда Русие Миллий кутюпханесинде, не де Къырым кутюпханелеринде булунмай. Шунунъ ичюн 20 сене эввелъ кендимизнинъ «Библиографик косьтергичи»мизни неширге азырлагъанда, джедвельге кирсетильмеді. Китапнынъ джылтында къыскъа бир ачыкълама (аннотация) шеклинде язылары шулардыр: «Вельхасыл (къыскъасы) /бу китапта/ Шаркъ ве Гъарбда кечмиш ве хазырдаки заманларда мешхур оланлара даир малюмат ве тафсилят вирилюп дюньямызда мевджут мемалик (мемлекетлер) ве беледан (шеэрлер), бунларын тарихлерине, эхалисине, тиджаретине ве саир, ве саир шейлере даир ахбар (хаберлер) мефидеи (ифаде эткен) хуруф-хәджа (харфлер ве эджалар) иле беян идер лугъат китабыдыр». Эм де китап узеринде: «Джылт-эввелъ. «Терджиман» газетесине къошмадыр. «Терджиман» газетесининъ электрик матбаасында таб идильмиштир» ибареси къайд этильгендир. Айны сенеси (1906) ишбу Энциклопедиянынъ «Джылт-ы-саний»си де, экинджи джылты да басылгъандыр.

Сонъ дередже къыйметли шу мусульман Энциклопедиясыны И. Гаспринский кенишче даркъатмакъ ичюн атта 1906 сенеси нешрине азырлангъан 6 саифелик «Миллет» газетасынынъ 4 саифесине «Қыямус-и-ильми вә фәнний» Энциклопедиясындан алынгъан материаларны ерлештирге ниет эдинген эди. Лякин языкълар олсун ки, И. Гаспринскийнинъ «Миллет»и аля бугунде де белли олмагъан себеплерден (нумюневий бир номеринден гъайры) дюнья юзюни корип оламады...

Исмаил Гаспринский пек дуйгъулы шекильде Энциклопедиянынъ башында «Наширден бир сёз» оларакъ ашагъыдакилерни аңлатмакъта.

«Ильма ве хакимаэн ислямиетнинъ терджиме-и-халлери араштырылыюр исе, бир чокъ алиманынъ тюрк ве тюркистанлы олдукълары корюлююр. Бунларын теэлиф иттиклери (яздыкълары) эсерлере бакъылыр исе, улюм ве феннинъ хәр тюрлюсинден бахс иттиклери техкъикъ олуныр (билинир). Бугунде эхалимизин «керекмес», «лязим эмас» зан къылдыкълары ве тахсилине эхэмиет итмедиклери бир чокъ фенлерин аба (бабалар) ве эджадымыз заманларында тюркистан ве мавера-ун-нехирде (Амударья нехрининъ шималинде булунгъан улкелерде) тахсиль идильдиклерини эсерлеринде корююрыз. Авропада улюм ве феннун пек аз мунтешир олан (яйылгъан) бир заманда, тюркистан къытасында мустакъилен акълий ве накълий (агъзавий) илимлере чалышмакъта имишлер. Бунынъ бир делили оларакъ эски тюрк ильмасындан (илимлеринден) бир хэйлиси хакъкъында мухтасар (къыскъа) малюмат нешир идиюрыз ки, тюрк миллетининъ истидат-ы-табиеси ве улюм иле фенуне химметлери (гъайретлери) корюльсин ве бир де бунлары козе ве яде (акъылгъа) алалым да, тахсиль кемаляттан къоркъмаялым, кендимизи ялынъыз атлыкълы, чапкъын ве баскъынджы зан идюп де илим ве кемалат мейданында ерсиз, орунсыз ад итмеелим!

Исмаил. Багъчасарай. Сене /хиджрий/ 1318» [1].

Бу ерчикте хиджрий 1318 ракъама дикъкъат этсек, махусус «Хиджрий ве милядий сенелерини уйгунлаштырма джедвели»нде ишбу ракъам милядий 1900 сенесине уйгун олмакъта? Эгер де хата къачырылмагъан олса, демек И. Гапринский Шемседдин Самининъ бу чалышмасыны неширге 1900 сенеси азырламасыны башлап, 6 йылдан сонъ, яни 1906 сенеси, нешир эте бильгендир. Эм де Энциклопедиянынъ къач юз саифеден ибарет олгъаныны козь огюне алмалымыз.

Энциклопедиянынъ биринджи хабери «А» (арапча шекли) харфинден башлап, бойле изатлана: «Юнан, латин элифбелерининъ биринджи харфидир».

Экинджи хаберде арапча «Элиф» шекли берилип дениле: «Альфабе-и-арабийде биринджи харфтыр, «хамзе»нинъ фетхи ве «лям»нинъ кесри иле «элиф» тесмие идилик. Арапчада ики дюрлю «элиф» мутебирдир (къулланылыр): «сакин элиф», «хамзе элиф». Арап ильма-и-хуруфынынъ «сакин элиф» дедиклери харф фен тасаввут (сеслеме) итибары иле лисанымыздаки «А» (арап шекли) саитинден (сесисинден). Юнан ве латин элифбелериндеки «А» харфинден башкъа бир шей дегильдир. Саваитнинъ (сеслернинъ) эввелидир»... [1].

Саифелеп чыкъкъан китапларымыз арасында даа бириси акъкъында къыскаджа хабер бермеге люзюмиети бардыр.

Бириси, лех епископы Адам Нарушевичнинъ русчагъа чеврильген «ТАВРИКИЯ ИЛИ ИЗВЕСТИЯ ДРЕВНЕЙШИЕ И НОВЕЙШИЕ О СОСТОЯНИИ КРЫМА И ЕГО ЖИТЕЛЕЙ ДО НАШИХ ВРЕМЁН». Чалышмамызнынъ башында хабер бергенимиз киби, ишбу китап Киев Академиясында 1788 сенеси нешир олунгандыр. Китапнынъ баш саифесинде эки меракълы мухур урулгъан. Биринджисинде, «Проверено 1866», экинджисинде, «Проверено 1940» киби язылар булунмакъта. Анълагъанымызгъа коре, кутюпханедеки китапларнынъ белли бир вакъытларда булунып-булунмагъанлары ве насыл алда олгъанлары тешкериле эди. Булардан сонъки уфакъча мухурлерде 1951, 2000 сенелери косьтерильмекте.

Мундериджесине келиндже, Къырымнынъ тарихи та киммерийлерден ве искифлерден башлап, Русие заптына къадар къыскадан ве чокъ озюмчеликле тарифленмекте. Гъает худжур олгъан шейлерден китапнынъ биринджи саифесинде милядийден эввельки итальян шаири Публий Вергилийден бойле дётлюк кетириле:

Ах, чариче ки, кимни Юджемиз янъы шеэр яратмакъ

Ве кибирли халкъларны тыршавламакъ ичюн тайинледи.

Ах, чариче ки, кимни Зевс шехэр яратмакъ ве **кийик халкъларны**

Къанун ве къаиде иле къалыпкъа сокъмакъ ичюн тайинледи...

Къыскасы, А. Нарушевичнинъ язгъан Къырым «тарихи» объективликке не дередже алякъасы олгъаны бу сатырлардан чокъ айдын корюнемекте. О заманда А. Нарушевич бугунде Санкт Петербург девлет университетининъ эльязмалар болюгинде сакълангъан ве 1608 сенесинден башланып 124 том «Къадыаскер дефтерлери»нен таныш олсайды, «**кийик халкъ**» ве Къырым ханлыгъында мусульман махкеме тизими «къанун ве къаиде» не олгъаныны анъларды...

Нетиджелеме оларакъ шуны къайд этмели: Къырым ве къырымтатар мевзуаты сабыкъ СССР ве дюньянынъ бир чокъ дигер улъкелериндеки архив ве кутюпханелеринде бол-бол булунмакъта. Шуларны, чаре олгъанына коре, бутюнчигини араштырмалы ве огренмелидир. Табий, бу иш миллий медениет ве тарихимизнинъ даа толу ве объектив огренильмесинде гъает буюк роль ойнар. Эм занымызгъа къалса, бойле чалышмалар къысымланып, бир чокъ муэллифлер тарафындан япылмалыдыр. 2017 сенеси «Константа» нешриятында чыкъкъан «Гъарбий европанынъ архив ве кутюпханелеринде къырымтатар мевзуаты» адлы библиографик косьтергич бойле ишлернинъ айдын бир мисали ола билер.

КЪУЛЛАНЫЛГЪАН ЭДЕБИЯТ

1. «Къамус-и-ильмий ве фенний» Энциклопедиясындан алынган материаллар // Терджиман. – 1906. – Сент. 29.
2. Къырымтатар бала тюркюлери джыйынтыгы / З. Бахаревиц, А. Одабаш. – Симферополь : Крым-госиздат, 1926. – 48 с.

3. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году: С историческим и топографическим описанием всех тех мест / П. И. Сумароков. – Москва : Унив. тип., у Ридигера и Клаудия, 1800. – 238 с.

УДК 821.111

Сафарова З. А.-Г.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОМАНА ГРЭМА ГРИНА «НАЕМНЫЙ УБИЙЦА»

Аннотация. В статье рассматриваются художественные особенности романа Грэма Грина «Наемный убийца». Определяются основные черты романа: нединамичный сюжет, который переплетается с отступлениями в тексте, недетальные описания героев и их поступков, предопределенность судьбы главного героя. Подчеркивается, что главные герои – совершенно противоположные личности, которых столкнула судьба. Отмечается, что в романе показана неизбежность смерти, каким бы ни был выбор главного героя.

Ключевые слова: криминальный роман, художественный образ, наемный убийца, персонаж, пространственная характеристика.

Safarova Z. A.-G.

ARTISTIC FEATURES OF GRAHAM GREENE'S NOVEL «A GUN FOR A SALE»

Annotation. The article examines the artistic features of Graham Greene's novel «A Gun for a Sale». The main features of the novel: a non-dynamic plot, which is intertwined with digressions in the text, non-detailed descriptions of the heroes and their actions, the predetermined fate of the main character are determined. It is emphasized that the main characters are completely opposite personalities who were collided by fate. It is pointed out that the inevitability of death, no matter what is the choice of the main character is shown in the novel.

Key words: crime novel, artistic image, hired killer, character, spatial characteristics.

Постановка проблемы. Грэм Грин – один из самых читаемых писателей XX века. Его творчество оценивается критиками по-разному: кто-то считает его истинным криминальным романистом, кто-то настаивает, что его романы более психологичные, чем криминальные.

Анализ литературы. Творчество Грэма Грина достаточно изучено как в отечественном, так и в зарубежном литературоведении. Среди зарубежных литературоведов мы можем выделить Майкла Шелдена, автора первой полной и единственной на сегодняшний день биографии Г. Грина [4]. Первой английской монографией о писателе была книга К. Аллота и М. Фэррис «Творчество Грэма Грина». Н. М. Соловьёва, автор одной из первых в отечественном литературоведении кандидатских диссертаций о Грине, объединяет зарубежных критиков согласно их оценке мировоззренческой основы автора (приверженцы разных точек зрения: Грин-католик, Грин-модернист, Грин-экзистенциалист религиозного образа мышления, Грин-создатель социального романа). Л. Г. Танажко классифицирует работы писателя по принадлежности их к тому или иному направлению в литературе Запада.

Цель статьи – определить особенности художественного повествования в романе «Наемный убийца» Грэма Грина.

Изложение основного материала. Грэм Грин известен своими романами, особенно теми, которые посвящены католицизму, но он также писал рассказы, повести, криминальные романы, радиоспектакли, театральные пьесы, стихи, автобиографию, биографии, мемуары, рассказы о путешествиях, сценарии, рецензии на книги и фильмы. Он издавал не только свои романы, но и редактировал произведения других выдающихся писателей. Грин много путешествовал и работал в разведке, что отразилось во многих произведениях, где речь шла о напряженных политических ситуациях.

Современник писателя Ивлин Во описал стиль Грина как «вообще не специфически литературный стиль. Слова функциональны, лишены чувственной привлекательности, происхождения и независимой жизни» [2]. Вместо этого, по мнению И. Во, «стиль» Грина состоит скорее из техники или стратегии развертывания, цепочки выразительных деталей: это умелый способ размещения обычно анонимных предложений, чтобы кумулятивно создать впечатление о людях, местах и мыслях людей.

Уильям Голдинг описывает Грэма Грина как «величайшего летописца человеческого сознания и тревог двадцатого века» [1, с. 5]. Грин действительно обладал уникальной способностью изображать разочарование и экзистенциальную мрачность в ясном, но поэтическом стиле.

Грэм Грин создает остросюжетные романы, считая, что роман по своей природе драматичен. Писатель видит две жанровые разновидности в своем творчестве: «занимательный» роман и «серьезный» роман. Для «занимательного» романа («Наемный убийца», 1936; «Доверенное лицо», 1939) характерны детективный сюжет, приключенческая фабула, убийства «на сцене» и более или менее благополучная, хотя и довольно печальная, концовка. Для «серьезного» романа («Это поле боя», 1934; «Меня создала Англия», 1935) также характерны элементы детектива, но в меньшей степени; здесь присутствует скорее тема криминального действия, включающая социальную подоплеку; убийства происходят «за сценой» и развязка катастрофическая. Несмотря на указанные различия, в сущности между этими жанровыми разновидностями много общего [1, с. 13].

Коренное отличие романов Грина от обычной детективной литературы в том, как изображены сами факты преступлений, убийств, жестокости. В обычном детективе данные факты – лишь цепь интересных, захватывающих событий, которые могут ужаснуть, но которые не вызывают глубокого сострадания и сочувствия. В романах Грина эти факты освещаются с психологической глубиной и в трагическом свете; они связаны с решением социальных и нравственных проблем. В криминальном романе Грина используются приемы, присущие трагедийному стилю, такие как трагическая ирония, мотив заблуждения, «узнавания», мотив неизбежности гибели героя и т. п. Именно трагический аспект по-иному освещает природу страшных фактов, имеющих в детективе главным образом значение необходимых атрибутов жанра и обязательной бутафории, без которой нельзя обойтись.

Роман «Наемный убийца» является классическим примером криминального жанра. Это одна из наиболее популярных его книг из группы, которую Грин в среднем возрасте пренебрежительно называл «развлечениями». В романе есть что-то вроде сюжета, последовательности связанных событий, касающихся одних и тех же персонажей, у которых многое поставлено на карту, и читатель искренне обеспокоен исходом, который очень долго не может прийти к концу.

Написанный в 1936 году и очень хорошо показывающий свое время, роман Грэма Грина «Наемный убийца» представляет собой (в основном) напряженную историю об уродливом маленьком наемном убийце, которого работодатели обманывают. Раскрыты темы изоляции и отчуждения, ярко переданные простым сюжетом, которому удастся в тот или иной момент превратить большинство главных героев в изгоев: героиня превращается из заложницы в соучастницу; ее парень-детектив оказывается преданным и ожесточенным; скользкий посредник, в свою очередь, оказывается брошенным... Все эти события Грин обостряет фоновыми мотивами Британии, пытающейся отпраздновать Рождество накануне войны. (В 1936 году Европа балансировала на грани конфликта, но все еще были те, кто думал, что этого можно избежать). Роман начинается с чего-то решающего и драматического – ужасного убийства министра вместе с его пожилой горничной – и затем сохраняет резкий темп и напряжение. Есть несколько довольно абсурдных сюжетов – беспорядочная распродажа, званый обед у главного констебля, розыгрыши студентов-медиков – но их легко отложить в сторону, сосредоточившись на сути действительно захватывающего повествования. И именно это объясняет, что это самый экранизируемый из романов Грина: его экранизировали не менее пяти раз, начиная с классической нуар-версии 1942 года с Аланом Лэддом и Вероникой Лейк в главных ролях. Динамичное по-

вестование, которое ведется с разных точек зрения отчетливой ясной и чистой прозой Грина, в которой ни одно слово не потрачено зря. Представленный здесь мир – темный, мрачный и зачастую аморальный – представляет женщин как простые игрушки, а войну рассматривает как способ для коррумпированных мужчин заработать огромные суммы денег.

Характеристика персонажей у Грэма Грина играет немаловажную роль.

Ворон – главный герой сюжета, но, что немаловажно, он не является динамичным персонажем. Его с детства унижали и предавали, что сказалось на его жизни и судьбе. Однако интересно, что он поверил Энн, девушке, которую он взял в заложники. Возможно, сложись все по-другому, он бы изменился, и Энн помогла бы ему в этом. «*Murder didn't mean much to Raven. It was just a new job*» [3] – «Убийство ничего не значило для Ворона. Это была всего лишь новая работа» (перевод наш – З. С.). Эти два предложения открывают роман Грина и сразу намекают на то, что в романе произойдет убийство. Ворон предстает перед читателем холодным и бесчувственным, для него это просто новая работа.

Энн – девушка полицейского, которая по воле судьбы стала заложницей Ворона. Ее история – это путешествие от невинности к опыту, хотя в ходе этого процесса она обнаруживает, что вопрос о том, что означает «невинность», является предметом споров. Она хочет, чтобы Ворона убили, веря тому, что рассказал ей возлюбленный. Ситуация меняется, когда она сама становится жертвой настоящей несправедливости, понимая, что и она, и Ворон являются «марионетками» во всех происходящих событиях. Все это проясняется, когда они остаются наедине в его укрытии. Ворон рассказывает ей историю своей жизни, и Энн понимает, что у каждого своя правда.

Роман Грина произвел впечатление на литературные круги не только Великобритании, но и мира в целом. Автор затрагивает темы жизни и смерти в своем произведении. Как убийца Ворон знает, как тесно они переплетены и связаны, поскольку он сам приносит смерть за определенное вознаграждение. Ворон безжалостен, его цель – выйти живым и богатым. Но, к сожалению, деньги не приносят счастья, и он умирает, так и не обретя покой.

Грин показывает нам причины войны с другой стороны, со стороны тех, кому это выгодно на примере Сэра Маркуса, руководителя сталелитейной компании. Маркус понимает, что еще одна мировая война принесет ему большую выгоду, и поэтому нанимает Ворона для убийства министра, которое, как он надеется, положит начало войне. Да, Маркус не наемный убийца, но он вполне может считаться им, ведь из-за его поступка столько людей погибнет. Вопрос о ценности человеческой жизни как никогда актуален в романе.

Грэм Грин по-своему раскрывает тему дружбы. Дружбы между жертвой и убийцей. Энн и Ворон знакомятся и начинают дружить. Возможно, Энн сочувствует Ворону из-за его прошлого и его несчастного детства. Ворон доверился Энн, поверил ей. Их отношения были тем, в чем нуждался Ворон. Её дружба могла спасти его, но этого не произошло. Энн предала его, и он умер.

Грин рассматривает предательство как неизменную составляющую человеческой жизни. Ворон берет деньги за убийство, таким образом обменивая жизнь на деньги. Он жесток и хладнокровен, но этому есть причина, все спрятано в его несчастном прошлом. Ворон – изгой. Он не может ни с кем быть в обществе, и в этой истории его предают. Он остался один в этом предательстве. Он – самая легкая подставная фигура для нечестных целей Дэвиса. Этот чиновник нанял Ворона, чтобы убить министра обороны европейской страны, не указанной в произведении. За выполненную работу Ворон получил фальшивые деньги, по этой причине он ищет своего «хозяина», чтобы отомстить ему. Поддельные банкноты привлекли внимание полиции, которая и так охотилась за преступником. Эти события тесно окружили Ворона, подобно сотрудникам правопорядка, которыми он был взят и убит.

Что касается временных характеристик романа, все действия происходят на протяжении нескольких суток. Большая часть этого времени проходит в поезде. У поездки на поезде есть начало и конец, и поэтому поезд становится символом путешествия от жизни к смерти. История действительно заканчивается смертью. Изображение поезда в произведении подчеркивает идею мобильности и перемен, поскольку основные проблемы сюжета носят социальный ха-

ракет. Подобно тому, как сменяются типы вагонов перед главными героями, так предстают в романе различные социальные слои общества. Станция, на которой остановился поезд, выглядит грязной и непривлекательной, что еще больше подчеркивает атмосферу мрачности в романе: «*She stared out at the dingy Midland station with dismay. It seemed to her that everything which made her life worth the effort of living was lost; she hadn't even got a job (...) The train began to move by the waiting-rooms, the lavatories, the sloping concrete into a waste of rails*» [3] – «Она с тревогой смотрела на темную станцию Мидленда. Ей казалось, что все, ради чего ее жизнь стоила прожитых усилий, потеряно; она даже не устроилась на работу (...) Поезд начал двигаться мимо залов ожидания, туалетов, наклонного бетона в пустыню рельсов...» (перевод наш – З. С.).

Концовка романа и так понятна читателю, главные герои романа умирают вместе: босс, Дэвис, Ворон – все мертвы. Это символизирует универсальность смерти. Хотя дилеммой романа кажется социальная справедливость и политические манипуляции, повествование заканчивается смертью независимо от того, какой путь изберет персонаж. Это делает смерть трансцендентным символом самой себя. Гибель героев – тревожное напоминание о судьбе, которая ожидает каждого в «поезде» жизни.

В романе Грина не так много характеристик героев среди множества описаний мыслей, чувств и смутных загадочных мотивов главных героев. Здесь все сведено к минимуму: у Ворона заячья губа, что делает его запоминающимся и узнаваемым, поэтому он всегда прячется, надевает капюшон, чтобы не привлекать внимание. Заячья губа означает, что у него никогда не было девушки, что делает его «кислым, горьким, испорченным человеком». Его отца повесили, а мать перерезала себе горло на кухне, ее мертвое тело нашел маленький сын. После этого у Ворона была сложная жизнь в приюте, где он подвергался насилию. И он не единственный, у кого печальное прошлое. Брат полицейского Матера утонул, и к нему постоянно возвращаются горькие воспоминания.

Именно подбор деталей и их четкое сопоставление создают тот эффект, который производит на читателя проза Грэма Грина. Писателю удалось соединить в одном произведении не столь яркие (скорее убогие) внешние детали с насыщенно-мрачными внутренними переживаниями и воспоминаниями героев.

Выводы. В романе Грэма Грина «Наемный убийца» можно выделить следующие художественные особенности: наличие несвойственного детективному жанру сюжета, что является особенностью стиля именно Грэма Грина; изображение наряду с поступками главных героев психологических причин этих поступков (почему Ворон именно убийца, а Энн его поддержала); использование символических элементов в романе. Роману Грэма Грина свойственны драматические характеры и сцены; автора волнуют проблемы счастья, долга, совести, доверия, доброты, достоинства и ответственности. Писатель стремится отыскать и утвердить нравственные основы личности, живущей в страшном мире, полном жестокости, предательства, ненависти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Соловьёва Н. М. Творческий путь Грина-реалиста : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Соловьёва Н. М. ; КГУ. – Киев, 1970. – 23 с.
2. Armory M. The Letters of Evelyn Waugh / M. Amory. – London : Phoenix, 2009. – 761 p.
3. Greene G. A Gun for a Sale [Электронный ресурс] / Graham Greene. – Режим доступа : <https://www.perlego.com/book/2418612/a-gun-for-sale-pdf> (дата обращения: 28.11.2023).
4. Sheldon M. Graham Greene. «The Enemy Within» / Michael Sheldon. – N. Y., 1994. – 454 p.

РАЗДЕЛ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 009

Бекиров Н. В., Аблязов Э. К.

ЗНАЧИМОСТЬ АУТЕНТИЧНОГО ПЕРЕВОДА ИСТОРИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ С КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ (на примере «Крымскотатарских основных законов»)

Аннотация. В статье рассматривается аутентичность и смысловое соответствие выражений «Къырым халкъ джумхуриети» и «Крымская демократическая республика» в газетах «Миллет» и «Голос татар», выходивших в Крыму в 1917 году. Отмечается, что тексты, публиковавшиеся в них на крымскотатарском и русском языках, раньше рассматривались как аутентичные в смысловом значении, однако, как выяснилось, перевод оказался не совсем точным с современной точки зрения, что вело к заметным разногласиям между историками в интерпретации событий, отраженных в них. В ходе проведенного анализа обосновывается причина, по которой авторы этих текстов рассматривали их как соответствующие друг другу в изложении.

Ключевые слова: Крымская народная республика, Крымская демократическая республика, крымскотатарский Курултай, газета «Миллет», газета «Голос татар», «Крымскотатарские основные законы», крымскотатарская конституция.

Bekirov N. V., Ablyazov E. K.

THE IMPORTANCE OF AUTHENTIC TRANSLATION OF HISTORICAL DOCUMENTS FROM CRIMEAN TATAR LANGUAGE INTO RUSSIAN (on the example of «Crimean Tatar basic laws»)

Annotation. The article examines the authenticity and semantic correspondence of the expressions «Crimean People's Republic» and «Crimean Democratic Republic» in the newspapers «Millet» and «Golos Tatar», published in Crimea in 1917. The texts published in them in Crimean Tatar and Russian languages were earlier regarded as authentic in meaning, however, as it turned out, this translation was not entirely accurate from a modern point of view, which led to notable disagreements among historians in interpreting the events reflected in them. Discussions and discrepancies continued for decades. In the course of the analysis, the reason why the authors of these texts considered them as corresponding to each other in presentation is substantiated.

Key words: Crimean People's Republic, Crimean Democratic Republic, Crimean Tatar Kurultai, newspaper «Millet», newspaper «Golos Tatar», Crimean Tatar basic laws, Crimean Tatar constitution.

Постановка проблемы. 1917–1918-е годы, как известно, оказались исключительно бурными в истории России даже в сравнении с другими непростыми периодами XX века. На Крымском полуострове в это время также шли процессы, как наложившие отпечаток на все население Крыма, так и в особенности очень сильно сказавшиеся на судьбе крымскотатарского народа.

Колоссальные сдвиги, произошедшие в общественной жизни всей бывшей Российской империи, совершенно неизбежно вовлекли в себя и крымскотатарский народ. Его наиболее динамичная часть, крымскотатарская интеллигенция, сформировавшаяся под многолетним воздействием просветителя Исмаила Гаспринского, активно вбирала в свое сознание самые передовые идеи эпохи активного перехода от традиционных монархических режимов, рушившихся в результате Первой Мировой войны, к республикам и демократии, как наиболее передовым способам организации социальной и государственной жизни большинства европейских народов, активнейшим образом включилась в деятельность, которая обеспечила бы будущность крымских татар в новых исторических условиях.

В течение февраля 1917 года – января 1918 года деятельность крымскотатарского национального движения прошла несколько этапов: от провозглашения национально-культурной автономии в лице Временного крымско-мусульманского исполнительного комитета до созыва национального парламента – Курултая, участия в выборах во Всероссийское учредительное собрание и попытки создания в Крыму территориальной автономии в виде республики.

К сожалению, относительно мирный, хотя и не без острых общественных коллизий период развития ситуации в России в направлении учреждения и установления демократических принципов в организации российской власти, в целом, и в Крыму, в частности, был резко прерван переворотом, организованным временным союзом партий большевиков и левых эсеров, поддержанным многими частями бывшей имперской армии, уставшей от войны и затягивания назревших социальных реформ. В этих условиях полемика между различными политическими силами России очень быстро превратилась в ряд вооруженных столкновений и, в конечном счете, в кровавую гражданскую войну, затянувшуюся на несколько лет.

Наиболее ярким отражением и выражением стремления политических лидеров крымских татар как реализовать их собственные представления о необходимых преобразованиях в жизни народа, так и найти форму сосуществования в Крыму людей разных национальностей стало проведение крымскотатарского Курултая (национального съезда) и принятие им Крымскотатарских основных законов.

Целью статьи является анализ исторического контекста и особенностей словоупотребления авторами публикаций в газетах «Миллет» и «Голос татар» на крымскотатарском и русском языках при выборе слов для выражения социального смысла того политического образования, к созданию которого стремился Первый Курултай крымских татар в 1917 году.

Изложение основного материала. Деятельность Курултая и других крымскотатарских национальных институтов не была продолжительной. После захвата власти в Крыму большевиками их функционирование стало невозможным. В последующее десятилетие исторические события, происходившие в Крыму в течение 1917–1920 годов, изучались исключительно с точки зрения политической силы, победившей в Гражданской войне. После насильственного выселения крымских татар из Крыма в 1944 году теме Курултая и вовсе перестали уделять должное внимание.

В силу объективных и субъективных причин материалов о деятельности Курултая и Крымскотатарского национального правительства сохранилось не очень много. На протяжении долгого времени они оставались малодоступными для широкого круга исследователей, что не могло не породить определенных ошибок и неточностей при трактовке событий того времени.

Так, например, разные авторы по-своему интерпретируют название государства, создание которого в качестве своей цели провозгласил Курултай в статье 16 Крымскотатарских основных законов. В работе известного крымскотатарского писателя, публициста и поэта Юнуса Кандыма «Къурултай. О насыл олгъан эди» это название передается как «Къырым Халкъ Джумхуриети» [5, с. 22], что буквально переводится как «Крымская народная республика». В книге очень известного деятеля крымскотатарской диаспоры Мустеджиба Улькюсала также используется словосочетание «Kırım Halk Cumhuriyeti» [7, с. 182], означающее буквально то же самое. Однако многие русскоязычные авторы и исследователи используют другое название – «Крымская демократическая республика». Сегодня оба варианта используются различными авторами в зависимости от своих личных предпочтений.

Но какой же из них правильный?

Слово демократия образовано из двух греческих слов *demos* – народ и *kratos* – власть, и означает буквально народовластие [3, с. 156]. В этой связи слова народная и демократическая, характеризующие ту или иную республику, по сути являются синонимами.

Весьма примечателен в этой связи пример из истории Азербайджана. Существовавшая в 1918–1920 годах Азербайджанская республика в публикациях азербайджанских историков на русском языке именуется Азербайджанской демократической республикой, в то время как в публикациях на азербайджанском языке преобладает словосочетание *Azərbaycan Xalq*

Sümhuriyüeti, то есть буквально Азербайджанская народная республика. То есть в одном языке утвердилась одна форма названия государства, а в другом иная, но близкая к нему по смыслу.

Но насколько был бы правилен такой подход применительно к крымскотатарской истории? Для этого необходимо обратиться к первоисточникам.

В 1917 году Временный крымский мусульманский исполнительный комитет издавал две газеты – «Миллет» на крымскотатарском и «Голос Татар» на русском языке. Обе газеты самым активным образом освещали деятельность крымскотатарского национального движения, разъясняя его цели и политику как для крымскотатарской, так и для русской аудитории. Когда в декабре 1917 года Курултай реорганизовал крымский муфтият в Крымскотатарское национальное правительство, то обе газеты стали его органами.

Если рассмотреть публикации редактора газеты «Миллет» Асана Сабри Айвазова, то в них мы видим следующее. Когда речь идет о провозглашении в ноябре 1917 года в Киеве Украинской народной республики, то автор так и пишет «Ukrayna Halq Cumhuriyeti» [6, с. 316, 325]. Когда же дело касается будущего Крыма, после созыва Курултая, то Асан Сабри Айвазов в публикации от 16 ноября 1917 года провозглашает лозунг во славу «Qırım Demokratik Cumhuriyeti» [6, с. 331]. В последующих публикациях используются выражения «Qırım Halq Cumhuriyeti» (20 ноября 1917 года) [6, с. 337] и просто «Qırım Cumhuriyeti» (21 и 24 ноября 1917 года) [6, с. 328, 339, 348].

Итак, Асан Сабри Айвазов, в своих редакторских статьях доносивший до народа суть политики лидеров национального движения, использовал оба слова, не делая между ними никакой разницы.

Можно сделать предположение, что слово «халкъ» как синоним слова «демократия» в тюркоязычных текстах как в Крыму, так и в Азербайджане использовали как более понятное простому народу, не искушенному в знании европейских языков.

17 декабря 1917 года газета «Миллет» на крымскотатарском языке, а спустя три дня и газета «Голос Татар» [2, с. 2–3] на русском языке опубликовали текст утвержденных Курултаем «Крымскотатарских основных законов».

Русский текст национальной конституции содержит весьма замысловатый пункт под номером 16. Чтобы правильно понять этот пункт имеет смысл привести его здесь полностью:

«16. Курултай считая, что как существование необходимых в общественной жизни свободы личности, слова, печати, совести, собраний, жилища, союзов, стачек, страхования жизни рабочих, так и осуществление принципа самоопределения народов и прав меньшинства и тех законов, которые приняты Курултаем, могут быть гарантированы только при демократической республике, признает и объявляет Крымскую демократическую республику» [2, с. 2–3].

То есть на русском языке официальное название будущей республики должно было звучать как Крымская демократическая. Что же касается формулировки «признает и объявляет», то надо иметь в виду, что до этого в пункте 12 основных законов Курултай заявляет о том, что будущее края может быть решено только Крымским учредительным собранием, то есть парламентом, избранным не одними только крымскими татарами, а всем населением полуострова.

Таким образом в пункте 16 Курултай не берет на себя провозглашение республики, как может показаться на первый взгляд, а показывает свою чрезвычайную поддержку идеи республики и выражает крайнюю заинтересованность в положительном решении этого вопроса будущим крымским парламентом.

Но, к сожалению, формулировка «признает и объявляет» ввела в заблуждение известного крымскотатарского писателя Юнуса Кандыма. Ныне покойный Ю. Кандым в 1991 году транслитерировал крымскотатарский текст основных законов с арабской графики, на которой издавался «Миллет», на кириллическую, сделав текст национальной конституции доступным современному крымскотатарскому читателю. В этом тексте будущая крымская республика именуется «Халкъ Джумхуриети» [4, с. 225].

Однако Ю. Кандым, представляется, не совсем точно понял смысл документа, истолковав выражение «признает и объявляет» буквальным образом: не как перспективу, достижение которой Курултай считал необходимой в результате проведения Крымского учредительного

собрания в ближайшем будущем, а как свершившийся факт. Чтобы понять это, необходимо внимательно прочитать статью 12: «Считая, что вопрос о форме правления в крае может быть решён только краевым Учредительным Собранием, созванном на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования избирательного права, Курултай находит, что форма правления в Крыму может (быть – *Н. Б., Э. А.*) определена крымским Учредительным Собранием. Поэтому Курултай поручает парламенту в кратчайший срок принять меры для созыва крымского Учредительного Собрания» [2, с. 2].

В результате среди крымскотатарской общественности сформировалось неверное понимание национальной истории 1917–1918 годов. А когда спустя некоторое время выяснилось, что в русском тексте говорится о демократической республике, в то время как в татарском речь идет о народной, то это послужило почвой для споров о том, текст на каком языке является более правильным.

Весьма примечательную работу проделал российский исследователь С. М. Исхаков. В опубликованном им в 2014 году сборнике документов «Гражданская война в России и мусульмане», приводится вместе сразу три текста Крымскотатарских основных законов: 1) крымскотатарская версия из книги Ю. Кандыма, 2) русский текст из «Голоса Татар» 3) перевод текста основных законов на французский язык из книги, опубликованной Джафером Сейдаметом в 1921 году в Швейцарии [1, с. 639–643]. Отметим, что во французском переводе текст озаглавлен как конституция крымских татар, а так и не состоявшаяся к тому моменту крымская республика характеризуется как демократическая.

Правда сам С. М. Исхаков, к сожалению, повторяет неточность Ю. Кандыма именуя публикуемый документ, конституцией Крымской народной республики. Но приводимые им параллельно три текста на разных языках ясно свидетельствуют об истинном его характере.

Таким образом, можно сказать, что пример Крымскотатарских основных законов является ярким образцом того, как при работе как с оригиналами, так и переводами исторических документов важно не упускать исторический контекст, при котором они создавались.

В научной и публицистической литературе даются разные оценки и интерпретации событиям, информация о которых публиковалась в газетах «Миллет» и «Голос татар». Чтобы прояснить их смысл, представляется необходимо тщательно проанализировать не только тексты документов того времени, но и общественно-политический контекст этих событий. Это станет предметом отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов / сост., предисл. и примеч. С. М. Исхаков. – Москва : Центр стратегической конъюнктуры, 2014. – 816 с.
2. Крымско-татарские основные законы // Голос Татар. – 1917. – № 16.
3. Словарь иностранных слов. – 18-е изд., стер. – Москва : Издательство «Русский язык», 1989. – 624 с.
4. Къандым Ю. Куреш мейданыны от басмаз... / Ю. Къандым. – Симферополь : Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2002. – 256 с.
5. Къандым Ю. Къурултай. О насыл олгъан эди (1917) / Ю. Къандым. – Симферополь, 1991. – 28 с.
6. Millet cevherleri: 1917–1920 ss. «Millet» gazetasında basılan edebiy-publitsistik eserler : hrestomatiya / tertip etici T. N. Kirimov. – Simferopol, 2012. – 704 s.
7. Ülküsal M. Kırım Türk-Tatarları (Dünü, bugünü, yarımı) / M. Ülküsal. – Istanbul : Baha matbaasi, 1980. – 366 s.

ИЗ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Известный учёный-русист, доктор филологических наук, профессор Адиле Мемедовна Эмирова внесла большой вклад в развитие коммуникативной парадигмы в лингвистике и заложила основы когнитивно-дискурсивного направления исследований во фразеологии. Одновременно профессор А. М. Эмирова активно занималась и проблемами крымскотатарской филологии.

Представленная статья является одной из научных работ, посвящённых вопросам современного крымскотатарского литературного языка, и была опубликована ещё в конце XX века в издании: *Культура народов Причерноморья. № 6. – Симферополь, 1999. – С. 265–267.*

Эмирова А. М.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КРЫМСКОТАТАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО РАЗВИТИЯ

Литературный язык как базовая лингвокультурологическая категория является могучим инструментом, регулирующим процессы развития общества в экономическом и духовном аспектах. Литературный язык – один из показателей высокого уровня культуры народа, говорящего на этом языке.

Письменно-литературная форма крымскотатарского языка существовала уже в XV в. Сохранились образцы деловых бумаг того времени (ханские ярлыки, купчие, уставы цехов ремесленников), эпитафии, научные тексты и др. Дошли до наших дней также прекрасные образцы средневековой дворцовой лирики, творения поэтов Ашика Умера, Джанмухаммеда (XVII в.) и др. Старокрымский литературный язык находился под сильным влиянием общетюркского литературного языка той эпохи, в котором использовалось большое количество арабско-персидских лексико-фразеологических и грамматических категорий и форм. Поэтика этих текстов, далеких от живых народных языков, была очень разнородной.

Письменная форма крымскотатарского литературного языка более позднего времени – конца XIX – начала XX вв. – также не отличалась однородностью: некоторые тексты были ориентированы на турецкий литературный язык того времени, другие же были исполнены на разных территориальных диалектах. Как известно, в конце 20-х годов нашего века крымскотатарской общественностью было принято решение о переориентации литературного языка на *орта ёлакь* (букв., средняя полоса) – говоры и наречия средней полосы Крыма. Северная граница среднего диалекта проходила по линии Евпатория – Буюк-Онлар – Феодосия – Керчь, южная – от Байдар до Феодосии. По мнению акад. А. Е. Крымского, в *орта ёлакь* преобладал не степной, а южнобережный, то есть огузский элемент [1]. Предполагалось, что дальнейшее развитие литературного языка будет происходить при разумном сочетании наиболее значимых в коммуникативном отношении элементов из всех диалектов.

Процессы становления и развития крымскотатарского литературного языка были прерваны войной (1941–1945 гг.) и тотальной депортацией крымских татар. В условиях почти полувековой ссылки нормы литературного языка не разрабатывались и не кодифицировались. Более того, в эти годы активизировались процессы деструкции языка: из него исчезли – за ненадобностью в процессах общения – большие разряды книжной лексики и фразеологии. Правила орфографии, отражённые в словарях последнего десятилетия, были составлены на базе довоенных орфографических словарей.

В каком состоянии находится сегодня крымскотатарский литературный язык? Может ли он выполнять весь спектр социальных функций? В частности, может ли он обеспечить нужды развивающегося образовательного процесса в средней и высшей школе? Способен ли он выполнять функции языка СМИ и науки? На эти вопросы сегодня трудно дать положительный ответ. Годы ссылки нанесли огромный ущерб всем формам и вариантам крымскотатарского языка. Функционально-стилистическая система его ущербна: не развиты научный, официально-деловой, литературно-разговорный и др. функциональные стили. Подтверждением

тому служат, в частности, критические замечания в адрес опубликованных в последние годы учебных пособий и официальных документов.

Устное общение крымских татар осуществляется преимущественно на территориальных говорах и наречиях. Литературный язык, особенно его газетно-публицистический вариант, испытывает на себе сильное влияние русского языка – в области лексики, фразеологии и синтаксиса. Растёт в языке число не всегда оправданных, особенно при наличии собственных средств, заимствований. Ср.: *терраса – аят, коридор – кьалдырма, форточка – авалыкъ, краска – боя, вилка – сенек, санчкьы, носки – чорап, ручка – кьалем, сервиз – савут такьымы* и др.

Бросается в глаза обилие в письменной и устной речи калек из русского языка – лексических, фразеологических и даже синтаксических: *гражданство – гражданлыкь, провести вечер – акъшам отькермек, коренной народ – тамыр халкъ, родной дом – догьмуш эв, брать эстафетную палочку из рук – эстафета таягьыны кьолундан алмакъ, работать над собой – озь устюне чалышмакъ, желать крепкого здоровья – кьавий сагьлыкь тилемек* и др. Эти примеры говорят о бедности словарного запаса говорящих. Скудность лексикона вынуждает их также постоянно вставлять в свою речь русские слова и словосочетания, результатом чего является мешанина, комизма которой говорящие часто не осознают: *Значит, группаларгьа рас-пределять этерим. Так что, не япайым. Суалине бир анекдот сёйлейим. Оларгьа профессионализм етишимей. Только мен оны истемейим.*

Следует отметить также, что в последнее время, в связи с интенсификацией личностных и групповых контактов с турками, а также расширяющейся практикой преподавания турецкого языка в школах Крыма, в крымскотатарский язык стали проникать турецкие элементы. Это преимущественно общественно-политическая терминология и бытовая лексика. Таким способом крымскотатарский язык в определенной степени пополняется недостающими (или забытыми) лексико-фразеологическими единицами.

Основным источником пополнения словарного состава литературного языка могут и должны стать крымскотатарские территориальные диалекты. В условиях смешения говоров и наречий, которое происходило в местах ссылки и происходит сейчас в Крыму в связи с дисперсным расселением возвращающихся на родину носителей разных диалектов, следует более толерантно относиться к процессам, происходящим в литературном языке, и оперативно изучать их.

Назрела острая необходимость кодифицировать все нормы литературного языка – сформулировать их и зафиксировать в словарях и учебных пособиях. Орфографические нормы, как говорилось выше, применительно к кириллице описаны, однако в связи с предстоящим переходом на латиницу их необходимо пересмотреть в плане оптимизации. Что касается остальных типов норм – словоупотребления, грамматических и орфоэпических, то они нуждаются в неотложной кодификации.

Нормы словоупотребления предполагают использование в речи слов в присущих им значениях и типовой сочетаемости. И здесь почти все говорящие на крымскотатарском языке сталкиваются с проблемой отсутствия в их лексиконе слов, выражающих необходимые понятия (см. приведенные выше примеры) или неверной семантизацией известных слов. Нарушение норм употребления слов часто происходит на основе паронимической аттракции – использования слов, близких по звучанию, но разных по значению: *туташмакъ* ‘воспламениться’ вместо *тутушмакъ* ‘схватиться’; *иджап* ‘необходимость’ вместо *иджат* ‘изобретение’ и др. Соблюдению норм словоупотребления могли бы способствовать качественные толковые, синонимические, омонимические и паронимические словари, которые до сих пор не созданы.

Наиболее остро стоит вопрос о разработке орфоэпических норм – правил литературного произношения слов и их форм. Известно, что кириллица не отражает адекватно качества некоторых фонем крымскотатарского языка. Так, гласные фонемы и в начальных слогах передаются на письме соответственно с помощью букв О и У в сочетании с буквами Е, Ё и Ю в следующих за ними слогах: *комюр* [kõmür], *озен* [õzen], *оглюк* [õglük], *утю* [ütü], *умют* [ümüt]. В других позициях переднерядность этих фонем обозначается с помощью буквы Ь (мягкий

знак в кириллице), которая ставится после следующей согласной буквы: *козь* [köz], *учь* [üç], *орьнек* [örnek] и др. Во всех этих случаях следует произносить не [o] и [u], а более передние [ö] и [ü], но под влиянием диалектного произношения эти звуки продвинулись назад. Сказанное не означает «отуречивания» крымскотатарского языка, как считают далёкие от филологии люди: такие фонемы есть в крымскотатарском языке, о чём свидетельствуют учебные пособия для школ и вузов. Как видно из приведённых выше примеров, существующие сегодня правила орфографии и орфоэпии нуждаются в корректировании и унификации, что легче обеспечить при переходе на латиницу.

Именно неспособность кириллицы адекватно передавать специфику фонемного состава крымскотатарского языка стала одной из причин, потребовавших реформы крымскотатарского письма – перевода его на латинскую графику. Известно, что эта проблема обсуждалась на международной научной конференции (17–20 июня 1992 г., Симферополь). Новый алфавит был разработан уже в сентябре того же года. Однако в течение последующих лет эта проблема не решалась. И только 9 апреля 1997 г. Верховная Рада Автономной Республики Крым приняла постановление «Об алфавите крымскотатарского языка». В декабре того же года решением Совета Министров АРК была создана специальная межведомственная комиссия по координации процессов перевода крымскотатарского письма на латинскую графику, в русле которой с января 1998 г. начала работать творческая группа по разработке новых правил орфографии и составлению орфографического словаря на латинице. Однако рабочая группа просуществовала до мая того же года, а потом тихо и незаметно распалась в связи с кадровыми изменениями в Совете Министров. Министерство образования АРК тоже потеряло интерес к данному проекту.

В ноябре 1998 г. в Совете Министров АРК прошло совещание под руководством С. К. Велижанского, на котором рассматривался вопрос о новом крымскотатарском алфавите. Было принято решение создать экспертную группу по изучению проблемы, а Министерству финансов – выделить для этого средства. Прошло ещё полгода, а воз и ныне там. Более всего удивляет тот факт, что никто из учёных, занимавшихся этой проблемой, до сих пор не привлечён к данной работе. А ведь кроме чисто практических мероприятий (составление инструкций и рекомендаций Министерства образования), предстоит очень сложная и ответственная научная работа: следует разработать правила транслитерации с кириллицы на латиницу, уточнить и дополнить правила орфографии и пунктуации с учётом новых условий функционирования крымскотатарского языка, кодифицировать нормы словоупотребления, грамматические и орфоэпические и всё это отразить в новых ортологических словарях. Это очень трудоёмкая работа, требующая глубоких научных знаний. Такая работа не может выполняться на общественных началах; в этом уже имели возможность убедиться все члены названной выше творческой группы по составлению новых правил орфографии. Эта работа должна оплачиваться из тех средств, которые должно выделить Министерство финансов АРК.

Прошло уже 7 лет после проведения международной конференции 1992 г. и исполнилось 2 года после легитимации нового алфавита Верховной Радой АРК. Именно в эти годы шло интенсивное становление системы среднего и высшего образования на крымскотатарском языке: был сформирован факультет крымскотатарского языка и литературы в Крымском государственном индустриально-педагогическом институте, открыты школы и классы с крымскотатарским языком обучения, изданы словари и учебные пособия и т. п. С переходом на новую графику их придётся транслитерировать и переиздавать, а это дополнительные расходы и фактор дестабилизации учебного процесса.

Обозначенный выше комплекс лингвокультурных проблем не может быть решён усилиями ученых-одиночек. Необходим координационный научный центр. Таким центром может и должен стать научно-исследовательский институт крымскотатарского языка и литературы. Такой НИИ был открыт в Симферополе еще в 1925 г.; в нём вплоть до начала войны проводилась интенсивная научная работа: собирался и обрабатывался диалектный и фольклорный материал, составлялись разного типа словари крымскотатарского языка и др.

Сегодня как никогда остро стоит вопрос о воссоздании такого НИИ. Он мог бы стать центром координации научной работы по многим направлениям и школой подготовки молодых научных кадров. Не секрет, что филологов с учёными степенями и званиями среди крымских татар всего несколько человек, что, несомненно, сдерживает процессы изучения языка, литературы и фольклора.

Единый крымскотатарский литературный язык, сформированный на базе среднего диалекта с включением наиболее коммуникативно значимых элементов из других наречий и говоров, будет способствовать унификации и, следовательно, оптимизации процессов обучения родному языку, более тесной консолидации двух ветвей, из которых исторически сформировался этнос, – так называемых татов и ногаев, – и тем самым укреплению социальных позиций крымскотатарского народа и его успешной интеграции в украинское сообщество.

Литература

1. Кримський А. Е. Неоднакові групи татарських наріччів у Криму – на надбережному й гірському півдні та на степовій півночі. Стан дослідів над ними / А. Е. Кримський // Кримський А. Е. Тюрки, їх мови та літератури. І. Тюркські мови. – Вип. 2. – Київ, 1930. – С. 147–151.
2. Куркчи У. Фикир инджилери / Усеин Куркчи. – Ташкент : Гъафур Гъулям адына эдебият ве санъат нешрияты, 1986. – 88 с.

НАШ ЮБИЛЯР

БИОГРАФИЯ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА АДИЛЕ МЕМЕДОВНЫ ЭМИРОВОЙ

Эмирова Адиле Мемедовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания, главный научный сотрудник НИИ крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма Крымского инженерно-педагогического университета имени Февзи Якубова, Почетный работник науки и высоких технологий Российской Федерации (2023 г.), действительный член (академик) Крымской академии наук (1994 г.), заслуженный деятель науки и техники Украины (1999 г.), заслуженный работник образования и науки Автономной Республики Крым (2004 г.), член Европейской ассоциации фразеологов ЕВРОФРАЗ (1996 г.), Ветеран труда и Великой Отечественной войны.

Родилась 10 ноября 1933 года в дер. Дереккой Крымской АССР (ныне г. Ялта). В 1952–1957 годах обучалась на факультете русской филологии Узбекского (Самаркандского) государственного университета им. Алишера Навои. В 1957–1965 годах работала преподавателем русского языка и литературы в средней школе. В 1964–1968 годах обучалась в аспирантуре на кафедре русского и общего языкознания Самаркандского государственного университета. В 1969 году защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Устойчивые предложно-именные обороты современного русского языка». В 1989 году защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук на тему «Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении» по специальности 10.02.01 – русский язык. С 1968 года работала на кафедре русского и общего языкознания Самаркандского госуниверситета последовательно в должностях преподавателя, старшего преподавателя, доцента и профессора. В декабре 1990 года проф. А. М. Эмирова была приглашена в Симферопольский государственный университет им. М. В. Фрунзе на должность профессора кафедры русского языка, после преобразования которой в 2002 году работала на кафедре межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им В. И. Вернадского (2002–2010 годы).

В Крымском инженерно-педагогическом университете имени Февзи Якубова работает с 1997 года в должности профессора кафедры крымскотатарского языка и литературы по совместительству, с 2010 года – в штате университета в должности профессора кафедры русской филологии, с 2013 года – профессора кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания.

Направления научной деятельности проф. А. М. Эмировой – русская, общая и контрастивная фразеология в системно-структурном и коммуникативно-прагматическом аспектах, социальная лингвистика, лингвокультурология, крымскотатарская филология.

Адиле Мемедовна Эмирова – известный ученый-русист, внесший большой вклад в развитие коммуникативной парадигмы в лингвистике и обозначивший путь новейшего, когнитивно-дискурсивного, направления во фразеологии XX века. Проф. А. М. Эмирова – единственный в Крыму и в Российской Федерации доктор филологических наук, профессор-русист, одновременно занимающийся и проблемами крымскотатарской филологии. В её работах заложены **основы новых научных направлений в крымскотатарской филологии – социальной лингвистики** (правовой статус крымскотатарского языка, языковая ситуация и языковая политика в Крыму, Украине, Российской Федерации, языковая компетенция крымских татар и др.); **фразеологии** (изданы учебник «Основы крымскотатарской фразеологии», словари, статьи, разработан и читается спецкурс по фразеологии (в магистратуре); **лексикографии** (рецензированы разного жанра словари, издана монография «Современная крымскотатарская лексикография», дана общая характеристика состояния крымскотатарского словарного дела, разработана классификация существующих словарей, выявлены лексикографические лакуны и др.). В последние годы А. М. Эмирова занимается проблемами крымскотатарской ортологии.

Результаты научных исследований А. М. Эмировой начиная с 1966 года докладывались на научных конференциях разных уровней (региональных, республиканских, всесоюзных,

всеукраинских, всероссийских, международных), в том числе и за рубежом – в Германии (1993 г.), Австрии (1995 г.), Японии (1997 г.), Франции (2004 г.), Болгарии (2007 г.), Финляндии (2011 г.). В списке публикаций А. М. Эмировой сегодня более 280 научных работ разного жанра, более половины которых посвящены проблемам возрождения крымскотатарского языка и развития крымскотатарской филологии.

Научная деятельность А. М. Эмировой реализуется и в других формах: руководство научной работой аспирантов, оппонирование кандидатских и докторских диссертаций, рецензирование опубликованных научных работ разного жанра и др. Кроме того, А. М. Эмирова выполняла функции члена следующих специализированных ученых советов: 2000–2014 гг. – Д 52.051.02 Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь); 2000 г. – Д 26.174.01 Института востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины (кооптация) (г. Киев); 2001–2002 гг. – Д 26.001.33 Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Киев); 2007–2009 гг. – К 52.051.08 – украинский и русский языки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь).

Адиле Мемедовна является и яркой творческой личностью: пишет стихи, рассказы, эссе, занимается художественным переводом (более 100 публикаций). В частности, русскоязычный читатель впервые познакомился с творчеством известного крымскотатарского писателя Дженгиза Дагджи в переводах с турецкого языка на русский, выполненных А.М. Эмировой.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ОТ МОКИЕНКО ВАЛЕРИЯ МИХАЙЛОВИЧА,

*доктора филологических наук, профессора кафедры
славянской филологии Санкт-Петербургского университета;
научного руководителя МСК им. проф. Б. А. Ларина;
главного научного сотрудника Института филологических исследований
Санкт-Петербургского университета; профессора Института славистики
Эрнст-Моритц-Арндт-Университета г. Грайфсвальд (Германия)*

Новая русская фразеология sub specie теоретических концепций А. М. Эмировой

90-летний юбилей профессора Адиле Мемедовны Эмировой – значимый повод для нового осмысления ее вклада в одну из самых молодых лингвистических дисциплин – фразеологию, дата рождения которой измеряется с известного доклада акад. В. В. Виноградова на конференции в Ленинградском университете в 1946 году, где им была предложена признаваемая и в наши дни классификация фразеологических единиц [1; 2, с. 118–139]. Интерес к этому объекту исследования сразу же привлек целую плеяду известных лингвистов: Б. А. Ларина, В. П. Жукова, В. Л. Архангельского, Л. И. Ройзензона, Н. М. Шанского, А. В. Кунина и др. Из этой плеяды и выросла А. М. Эмирова, от молодых ногтей став звездой знаменитой Самаркандской фразеологической школы, возглавляемой проф. Л. И. Ройзензоном. В развитие современной фразеологии (как русской, так и крымскотатарской) симферопольская исследовательница внесла свою лепту, взглянув на фразеологические единицы с коммуникативно-прагматических позиций.

Уже полвека назад в своем небольшом учебном пособии об актуальных проблемах современной русской фразеологии исследовательница сосредоточила внимание на семантическом анализе фразеологических единиц [6], видя именно в их смысловом наполнении коммуникативные и функциональные потенции. Это и понятно – не случайно глава ленинградской лексикографической школы проф. Б. А. Ларин еще в 50-е годы прошлого века на одной из своих лекций так определил подобную научную перспективу: «Семантика – вот область, в которой можно достичь высокой точности исследования». К этой точности исследования А. М. Эмирова и стремится всю свою научную жизнь.

В 1988 году появляется ее монография «Русская фразеология в коммуникативном аспекте» [8], ставшая «вратами докторской учености» в виде блестящей защиты в 1989 году и вызвавшая положительный отклик во фразеологическом мире. Спустя 30 лет эта книга была

актуализирована и переиздана в Симферополе [9] со значительными дополнениями. Собственно, новое издание этой книги можно назвать теоретическим кредо нашего Юбиляра [3].

Интерес к семантической системности в сфере фразеологии пробудился у молодой самаркандской исследовательницы при наблюдениях над закономерностями фразеологической синонимии [13]. Затем последовал анализ фразеологических полей, организованных по смысловому принципу [10; 11; 14], приведший А. М. Эмирову к теоретическим размышлениям о фразеологической идеографии [5]. Так складывалась мозаичная картина целостной теории коммуникативно-прагматической интерпретации фразеологической семантики и ее специфики по сравнению с семантикой лексической.

Новизна и актуальность лингвистических исследований в наше время давно уже зависит не от новизны объекта исследования, поскольку за время развития языкознания как науки практически не осталось таких языковых феноменов, которые ещё не были предметом изучения, а от нового подхода, свежей точки зрения, стремления пересмотреть систему устоявшихся понятий и сведений, дающих неожиданные и новаторские результаты. Именно этим отличается монография А. М. Эмировой, представляющая глобальное описание русской идиоматики в коммуникативно-прагматическом аспекте. До сих пор фразеологическая единица русского языка как сложный в структурно-семантическом плане объект не рассматривалась комплексно с точки зрения выполнения коммуникативной функции – и в этом актуальность труда, его новизна и теоретическая ценность. Исследовательницей, по сути дела, создана система анализа и описания идиоматики – коммуникативная фразеология, фундамент которой – специфика фразеологической семантики. Значимость такого подхода подчеркнула авторитетная лингвистка нашего времени В. Н. Телия, во многом разделявшая теоретические постулаты этой книги самаркандской исследовательницы: «Как пишет А. М. Эмирова, книга которой как бы завершает постклассический период развития фразеологии и выдвигает новые для неё задачи, “коммуникативный анализ идиом предполагает описание всех их “составляющих” – содержания, структуры и употребления в речи – в свете выполнения ими коммуникативной функции, понимаемой как интегральное целое: формирование и передача знаний о реальной действительности, коммуникативные интенции говорящего и прагматический эффект”» [4, с. 44].

Идеи А. М. Эмировой о специфике и структуре фразеологического значения привели её к важной для теории фразеологии гипотезе, что фразеологическое значение категориально отличается от лексического, словообразовательного и грамматического, а использование коммуникативного подхода к фразеологической семантике позволяет выделить ядро фразеологического значения – когнитивное, логико-предметное, сигнификативно-денотативное содержание [9, с. 58] и раскрыть понятие прагматического значения у идиом, диалектично объединяющего экспрессивное, апеллятивное и другие компоненты.

К числу неоспоримых достоинств теории А. М. Эмировой необходимо отнести и идеографическую стратификацию идиом русского языка. Такое идеографическое описание русской фразеологии имеет не только теоретическую и практическую, но и общекультурную значимость, так как во фразеологической семантике в изобилии содержатся те знания и сведения об окружающей действительности, система её оценок, которая представляет собой важную часть культурно-исторического опыта русского народа.

Успешным приёмом идеографического описания фразеологии становятся выработанные автором два варианта-модели её характеристики: выделяются семантические группы фразеологизмов в пределах семантико-грамматических разрядов (субстантивных, глагольных) и комплексные фразеосемантические поля. При этом впервые в отечественном языкознании вычленяется и характеризуется поле когнитивной (познавательной) деятельности человека, включающее в свой состав около 400 языковых единиц.

Фразеологической идеографии посвящена специальная, 5-я глава [9, с. 162–195]. Здесь предлагаются два варианта идеографической классификации фразеологических единиц. Первая строится индуктивно, на основе анализа языковых данных, вторая – дедуктивно, в которой задаются «сверху» два семантических поля – фразеология, характеризующая сферу челове-

ских эмоций, и фразеология, описывающая и оценивающая познавательную деятельность человека. Здесь же в идеографическом аспекте рассматриваются основные семантико-грамматические разряды идиом – субстантивные и глагольные фразеологические единицы. Наконец, анализу подвергается общая идеографическая «триада»: фразеология, характеризующая различные психические функции человека, фразеология сферы человеческих эмоций и фразеология сферы когнитивной деятельности.

Столь значимые теоретические наблюдения сделаны А. М. Эмировой на основе «классической», традиционной русской фразеологии, её идиоматического фонда. Но Юбиляр всегда была открыта и к новому материалу, ежедневно рождаемому живой речью и подхватываемому современными литераторами и журналистами. Не случайно поэтому ее перу принадлежит рецензия на три выпуска уникальных словарей-ежегодников «Новое в русской лексике. Словарные материалы» за 1977, 1978, 1979 годы [7]. Вот почему постулаты теории А. М. Эмировой сохраняют свою актуальность и для идеографического анализа и словарного описания картины не только традиционной русской и крымскотатарской идиоматики, но и новейшей фразеологии.

Профессор Адиле Мемедовна Эмирова – одна из креативных создателей этой картины. А поскольку наша Юбиляр – не только проникновенный лингвист, но и талантливая Поэтесса, то в эту, созданную ею картину, она внесла и искры своего поэтического вдохновения. И мы, читатели ее книг, повторяем строки ее обетования, данного нам на ее прошлом – 80-летнем Юбилее:

«Вечерний и наклонный
Передо мною путь».
Пора остановиться.
И время отдохнуть.
Те трудные дороги
Достойно я прошла.
Подведены итоги.
Завершены дела.
А сердце неустанно
Стучит в моей груди.
Как будто говорит мне:
«Живи, не уходи!» [14, с. 111].

Поздравляя Адиле Мемедовну со славным нынешним юбилеем, мы желаем ей не останавливаться, а продолжать свой, пусть и «вечерний и наклонный», но звездный путь. А себе пожелаем дожить до следующего, СТОлетнего юбилея симферопольской Волшебницы русского и крымскотатарского Слова.

Литература

1. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины / В. В. Виноградов // Труды юбилейной научной сессии Ленинградского гос. ун-та. 1819–1944. Секция филол. наук. – Л., 1946. – С. 45–69.
2. Виноградов В. В. Избранные труды : в 6 т. Т. 3. Лексикология и лексикография / В. В. Виноградов ; отв. редактор В. Г. Костомаров. – М. : Наука, 1977. – 312 с.
3. Мокиенко В. М. Коммуникативный мир фразеологии. (Рецензия на монографию: Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении) / В. М. Мокиенко // Филологические науки. – 2022. – № 1. – С. 96–104.
4. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
5. Эмирова А. М. К теоретическим основам фразеологической идеографии / А. М. Эмирова // Вопросы фразеологии. Вып. XIV. – Самарканд, 1979. – С. 50–61.
6. Эмирова А. М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии (опыт семантического анализа фразеологических единиц) : учебное пособие по спецкурсу для филологов / А. М. Эмирова. – Самарканд : Изд-во СамГУ, 1972. – 97 с.

7. Эмирова А. М. Рец.: Новое в русской лексике. Словарные материалы – 77, 78, 79 / под ред. Котеловой Н. З. / А. М. Эмирова // Филологические науки. НДВШ. – 1984. – № 5. – С. 82–83.
8. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте / А. М. Эмирова. – Ташкент : Фан, 1988. – 92 с.
9. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении / А. М. Эмирова. – Симферополь : ООО «Издательство «Научный мир», 2020. – 228 с.
10. Эмирова А. М. Структура и семантика фразеологического поля эмоций / А. М. Эмирова // Вопросы общего языкознания и структурно-типологического исследования языков. – Самарканд, 1978. – С. 46–52.
11. Эмирова А. М. Структурные и семантические характеристики одного фразеологического поля / А. М. Эмирова // Вопросы фразеологии. XI. – Самарканд, 1977. – С. 11–15.
12. Эмирова А. М. Филологические этюды (проблемы поэтики) : монография / А. М. Эмирова. – Симферополь : ООО «Издательство «Научный мир», 2020. – 144 с.
13. Эмирова А. М. Фразеологическая синонимия / А. М. Эмирова // Вопросы содержания и методы преподавания русского языка. – Самарканд, 1969. – С. 68–74.
14. Эмирова А. М. Фразеология сферы интеллектуальной деятельности / А. М. Эмирова // Вопросы русской и славянской фразеологии: XIII. – Самарканд, 1978. – С. 17–26.

ТРУДЫ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА АДИЛЕ МЕМЕДОВНЫ ЭМИРОВОЙ

Монографии и сборники научных трудов

1. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативном аспекте : монография / А. М. Эмирова. – Ташкент : Фан, 1988. – 92 с.
2. Эмирова А. М. Крым – любовь и боль моя (Проблемы возрождения крымскотатарской культуры) / А. М. Эмирова. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2000. – 160 с.
3. Эмирова А. М. Избранные научные работы (К 75-летию со дня рождения и 52-летию научной, педагогической и общественной деятельности) / А. М. Эмирова. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2008. – 366 с.
4. Эмирова А. М. Актуальные проблемы крымскотатарской филологии / А. М. Эмирова. – Симферополь : ГАУ РК «Медиацентр им. И. Гапринского», 2017. – 264 с.
5. Эмирова А. М. Современная крымскотатарская лексикография : монография / А. М. Эмирова. – Симферополь : ООО «Научный мир», 2019. – 128 с.
6. Эмирова А. М. Русская фразеология в коммуникативно-прагматическом освещении : монография / А. М. Эмирова. – Симферополь : ООО «Издательство «Научный мир», 2020. – 228 с.
7. Эмирова А. М. Филологические этюды (Проблемы поэтики) : монография. – Симферополь : ООО «Издательство «Научный мир», 2020. – 144 с.

Учебные пособия

1. Эмирова А. М. Некоторые актуальные вопросы современной русской фразеологии. (Опыт семантического анализа фразеологических единиц) : учебное пособие по спецкурсу для филологов / А. М. Эмирова. – Самарканд : Изд-во СамГУ им. Алишера Навои. – Самарканд, 1972. – 97 с.
2. Правила крымскотатарской орфографии и пунктуации / А. М. Эмирова, И. А. Керимов, Э. С. Ганиева и др. ; под ред. А. М. Эмировой (Проект). – Симферополь : ФЛП Лемешко К. А., 2011. – 80 с.
3. Правила крымскотатарской орфографии и пунктуации / А. М. Эмирова, И. А. Керимов, Э. С. Ганиева и др. ; под ред. А. М. Эмировой (Проект). – Симферополь : Крымучпедгиз, 2012. – 92 с.
4. Эмирова А. М. Основы крымскотатарской фразеологии : учебное пособие для студентов филологических специальностей вузов / А. М. Эмирова. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2013. – 168 с.

Словари и справочники

1. Эмирова А. М. Словарь-справочник лингвистических терминов по курсу «Введение в языкознание» / А. М. Эмирова. – Симферополь : Крымучпедгиз, 1995. – 96 с.
2. Эмирова А. М. Къырымтатар тили тильшынаслыкъ терминлерининъ лугъаты / А. М. Эмирова, Э. С. Ганиева, Н. С. Сейдаметова ; ильм. муар. А. М. Эмирова. – Симферополь : Сонат, 2001. – 64 с.
3. Эмирова А. М. Русско-крымскотатарский словарь сочетаний, эквивалентных слову / А. М. Эмирова, С. М. Усеинов. – Симферополь : Сонат, 2003. – 232 с.
4. Эмирова А. М. Русско-крымскотатарский учебный фразеологический словарь / А. М. Эмирова. – Симферополь : Доля, 2004. – 176 с.
5. Эмирова А. М. Къырымтатар тилининъ тильшынаслыкъ терминлери лугъаты / А. М. Эмирова, Э. С. Ганиева, Н. С. Сейдаметова ; ильм. муар. А. М. Эмирова. – 2-нджи кенишлетильген ве толдурылгъан нешир. – Симферополь : Крымучпедгиз, 2008. – 88 с.
6. Эмирова А. М. Адиле Эмирова: Биобиблиографический справочник. К 75-летию со дня рождения и 52-летию научной, педагогической и общественной деятельности. – Симферополь : КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2008. – 114 с.

Научные статьи

С 1966 по 2023 годы Адиле Мемедовной Эмировой опубликовано 244 научные статьи и 22 рецензии (см. список публикаций: <https://emirova.com/emirova-publications.html>).

НАШИ АВТОРЫ

Аблаева Азизе Талятовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии Таврической академии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

Аблязов Эмир Кязимович – специальный корреспондент газеты «Голос Крыма new»

Агаева Фируза Абдулла кызы – доктор филологических наук, профессор кафедры тюркологии Бакинского государственного университета (г. Баку, Азербайджан)

Бахича Эльнара Арифовна – старший преподаватель кафедры русской и украинской филологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

Бекиров Надир Валериянович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института крымскотатарской филологии, истории и культуры этносов Крыма Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

Грозян Нина Фёдоровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской и украинской филологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

Джапарова Эдие Каримовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английской филологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

Долгополова Лилия Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой немецкой филологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

Дымченко Анна Сергеевна – магистрант 2 курса направления подготовки «Филология» Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

Зенединова Сание Наримановна – магистрант 2 курса направления подготовки «Филология» Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

Исмаилова Эльзара Аблязисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

Керим Исмаил Асаноглу (Керимов Исмаил Асанович) – доктор филологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института крымскотатарского языка и литературы, истории и культуры этносов Крыма Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

Маслова Валентина Авраамовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры дошкольного и начального образования Витебского государственного университета имени П. М. Машерова (г. Витебск, Беларусь)

Мокиенко Валерий Михайлович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры славянской филологии Санкт-Петербургского университета; научный руководитель МСК им. проф. Б. А. Ларина; главный научный сотрудник Института филологических исследований Санкт-Петербургского университета; профессор Института славистики Эрнст-Моритц-Ардт-Университета г. Грайфсвальд (Германия)

Мухтарова Лиля Исмаиловна – магистрант 2 курса направления подготовки «Филология», магистерской программы «Теория перевода и межкультурная коммуникация» Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имен Февзи Якубова»

Прудникова Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и украинской филологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

Розикова Наталья Николаевна – старший преподаватель кафедры русского литературоведения Бухарского государственного университета (г. Бухара, Узбекистан)

Салими Абдолмалеки Косар – кандидат филологических наук, ассистент профессора, преподаватель кафедры русского языка Боджнордского университета (г. Боджнорд, Иран)

Сатторова Гулноз Юнусовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института узбекского языка, литературы и фольклора Академии наук Узбекистана (г. Ташкент, Узбекистан)

Сафарова Зера Адиль-Гареевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»

Усеинова Эвелина Эльдаровна – магистрант 2 курса направления подготовки «Филология», магистерской программы «Теория перевода и межкультурная коммуникация» Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имен Февзи Якубова»

Шукурова Зилола Содиковна – старший преподаватель кафедры совместных образовательных программ Самаркандского государственного института иностранных языков (г. Самарканд, Узбекистан)

Эмирова Адиле Мемедовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры крымскотатарского и турецкого языкознания Государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова»